

ЦЕНТР ИЗРАИЛЕВЕДЕНИЯ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ ИУДАИКИ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО

ОТКРЫТЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИЗРАИЛЯ
АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА
ПО ПРЕПОДАВАНИЮ
ИУДАИКИ И ИЗРАИЛЕВЕДЕНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗРАИЛЬ, РОССИЯ И МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Сборник научных трудов
под редакцией А.Д. Эшштейна и В.А. Кузьмина**

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2008

ЦЕНТР ИЗРАИЛЕВЕДЕНИЯ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ ИУДАИКИ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ
А.М. ГОРЬКОГО

ОТКРЫТЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИЗРАИЛЯ
АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА
ПО ПРЕПОДАВАНИЮ
ИУДАИКИ И ИЗРАИЛЕВЕДЕНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗРАИЛЬ, РОССИЯ И МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Сборник научных трудов
под редакцией А.Д. Эпштейна и В.А. Кузьмина**

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2008

УДК
ББК

Израиль, Россия и мир: история и современность. Сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008.

ISBN 978-965-91238-2-7

В сборник вошло восемнадцать статей, часть из которых были представлены на конференции в Уральском государственном университете им. А.М. Горького 19 мая 2008 г., а остальные написаны авторами специально для настоящего издания. Книга покрывает широкий диапазон тем – от истории зарождения сионистской мысли до современного состояния израильского общества и его политической системы. Особый акцент сделан на анализе российско-израильских отношений в прошлом и настоящем, а также на динамике развития русскоязычной общины еврейского демократического государства.

Редакторы книги – известные ученые, авторы многих работ по истории и политике Ближнего Востока, получивших высокую оценку специалистов: проф. В.А. Кузьмин возглавляет кафедру востоковедения Уральского государственного университета, а д-р А.Д. Эпштейн преподает на кафедре социологии и политологии Открытого университета Израиля и в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

УДК
ББК

На обложке Первый посланник Израиля в Москве Голда Меир вручает верительные грамоты зам. Председателя Верховного Совета СССР П.А. Власову, 11 сентября 1948 г.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Еврейского агентства в России «Сохнут» и Еврейского объединенного распределительного комитета «Джойнт»

ISBN 978-965-91238-2-7

© Коллектив авторов, 2008

© Издательство Уральского университета, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Изучая Израиль: взгляд из Екатеринбурга

*В.А. Кузьмин, Ю.А. Халтурин, Уральский государственный университет
им. А. М. Горького.....* 5

Раздел первый. Из истории сионизма и Государства Израиль

1. Утопия Теодора Герцля «Старая новая земля»

*Д.В. Бугров, Ректор Уральского государственного университета
им. А. М. Горького.....* 11

2. Противоречия Теодора Герцля

Э.А. Замов, Уральский государственный университет 19

3. Социал-реформизм в еврейском национальном движении

Н.В. Юшков, Международный университет XXI века, Москва..... 25

Судьбоносный июнь 1967-го: объединение Иерусалима как столицы
Государства Израиль

*А.Д. Эпштейн, Открытый университет Израиля; С.А. Колжуров, Институт
стран Азии и Африки, Москва..... 35*

5. История Израиля в зеркале кинематографа: от эпоса к
психологической драме

Л.М. Немченко, Уральский государственный университет 42

Раздел второй. Общество и политика Израиля: между войной и миром

6. Особенности этносоциальной структуры израильского общества

Е.А. Иванова, Уральский государственный университет 49

7. Трансформация партии «Ликуд» в контексте социально-
политических перемен в Израиле на рубеже XX и XXI веков

И.М. Баулина, Санкт-Петербургский государственный университет..... 55

8. Начало политического диалога между Израилем и ФРГ

М.А. Куткина, Уральский государственный университет 62

9. Путь Израиля и Египта к мирному договору

В.В. Марченко, Институт стран Азии и Африки, Москва..... 67

Раздел третий. Российско-израильские отношения: прошлое и настоящее

10. История и историография российско-израильских отношений

<i>А.Д. Эпштейн, Открытый университет Израиля; Р.Р. Сулейманов, Казанский государственный университет</i>	85
11. СССР и Израиль: начало	
<i>Н.Ю.Иванова, Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург</i>	95
12. Восстановление российско-израильских дипломатических отношений	
<i>А. Ильиных, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург</i>	102
13. Правовое взаимодействие между Россией и Израилем	
<i>К.А. Попов, Уральская государственная юридическая академия, Екатеринбург</i>	109
14. Экономическое сотрудничество России и Израиля после восстановления дипломатических отношений	
<i>Д.А. Марьясис, Институт востоковедения РАН, Москва</i>	116

Раздел четвертый. Израиль, диаспоры и русскоязычное еврейство

15. Израиль в самосознании еврейских общин диаспоры	
<i>Д.А. Саноян, Институт стран Азии и Африки, Москва</i>	127
16. Интеграция выходцев из СССР/СНГ и их вклад в развитие Израиля	
<i>В. Долинская, член Президиума Союза журналистов Израиля</i>	135
17. Этнокультурные и социально-политические различия в общине выходцев из бывшего СССР в Израиле	
<i>В.Э. Ханин, Университет Бар-Илан, Израиль</i>	141
18. Особенности языковой адаптации русскоязычных иммигрантов в Израиле	
<i>В.А. Скопина-Парадиас, главный редактор информационно-аналитического журнала «Хронотоп», Афины, Греция</i>	151

ИЗУЧАЯ ИЗРАИЛЬ: ВЗГЛЯД ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГА

В.А. Кузьмин,

заведующий кафедрой востоковедения,
Уральский государственный университет
им. А.М. Горького

Ю.Л. Халтурин,

координатор Центра израилеведения
и академической иуданки
Уральского государственного университета
имени А.М. Горького

Предлагаемая вниманию читателей книга является особенной по двум причинам. Во-первых, это первый совместный российско-израильский сборник научных трудов по общественным наукам, который выходит в нашей стране за пределами столицы. Отдельные работы израильских авторов, посвященные истории, культуре, политике, экономике их страны выходили в журналах и сборниках Санкт-Петербургского, Нижегородского, Томского и некоторых других университетов, однако впервые в России вне московских академических структур выходит полноценный научный сборник об Израиле, подготовленный усилиями специалистов из двух стран. Нам в Уральском государственном университете очень приятно, что именно нам довелось стать первопроходцами на этом пути. Во-вторых, сборник этот выходит после того, как с 19 по 24 мая 2008 года в нашем университете прошли первые в истории Урала Дни Израиля. Их проведение стало возможным благодаря совместным усилиям различных организаций, в том числе Посольства Государства Израиль в Российской Федерации, Еврейского агентства в России и Открытого университета Израиля, вуза-партнера Уральского государственного университета.

Поводом для проведения ряда научных и культурных мероприятий стала юбилейная дата – шестьдесят лет с момента создания Государства Израиль, шестьдесят лет со дня установления дипло-

матических отношений между Россией (СССР) и Израилем. Наша страна стала первой из мировых держав, уже 18 мая 1948 года признавшая только что созданное еврейское государство де-юре, и, несмотря на сложности прошлого (о которых, ничего не умалчивая, пишут и авторы статей, включенных в эту книгу), в настоящее время прочные и стабильные отношения между Российской Федерацией и Государством Израиль являются одним из оснований системы стабильности и безопасности во всем ближневосточном регионе. Так будет и впредь. Во всяком случае, успешные визиты в Израиль В.В. Путина весной 2005 года и многочисленные посещения Москвы израильскими руководителями самого высокого ранга (последний государственный визит премьер-министра Израиля в Москву состоялся в октябре 2006 года) – при сохранении доверительного уровня контактов со всеми другими странами региона, как поддерживающими дипломатические отношения с еврейским государством, так и с теми из них, которые пока не пришли к этому – дают основания для уверенного оптимизма. Еще В. Высоцкий пел об Израиле, что «там на четверть бывший наш народ», и уже этот факт объясняет тот интерес, который есть в Израиле к России, а в России – к Израилю. Три статьи, включенные в четвертый раздел настоящей книги иллюстрируют этот тезис более чем отчетливо.

Дни Израиля в Екатеринбурге открыл ректор УрГУ Д.В. Бугров. В своем выступлении ректор справедливо подчеркнул, что наш университет открыт для всех наций, конфессий и государств, толерантно относящихся к другим сообществам; при этом двери университета закрыты для ксенофобии и человеконенавистничества. «Мы принимаем в УрГУ делегации из Германии, Австрии, у нас проходят мероприятия совместно с Русской православной церковью, а сейчас проходят Дни Израиля, и это нормально и естественно», – отметил ректор. Д.В. Бугров также поделился с присутствующими воспоминаниями о том, как впервые нашел книгу знаменитого еврейского утописта Теодора Герцля «Возрожденная древняя страна» в библиотеке своего отца, известного литературоведа Виталия Бугрова. Было весьма символичным, что одним из докладчиков на пленарном заседании был доцент УрГУ Э.А. Замов, анализировавший идеи другой книги Герцля – «Еврейское государство». Статья Э.А. Замова включена в первый раздел настоящей книги.

В выступлении декана факультета международных отношений В.И. Михайленко, подчеркивалось, что израильский опыт в различных сферах – от противостояния терроризму до развития высшего образования – может и должен быть востребован в России. В.И. Михайленко упомянул в этой связи о книге «Национальная безопасность и демократия», изданной Открытым университетом Израиля. Как заметил декан, необходимость соблюдать права человека, не отказываясь от жесткого противостояния терроризму, стоит в настоящее время и перед Россией, и это предопределяет необходимость конструктивного и взаимообогащающего сотрудничества между двумя нашими странами.

На конференции выступали преподаватели, студенты и аспиранты не только Уральского государственного университета, но и других вузов Екатеринбурга и других городов России. Кроме того, присутствовавшие имели возможность услышать содержательные выступления гостей конференции: члена Президиума Союза журналистов Израиля Виктории Долинской, координатора научно-образовательного сотрудничества ОУИ с российскими вузами Александра Эпштейна, сотрудника Института востоковедения РАН Дмитрия Марьясиса. Сейчас, включенные в книгу, которую Вы держите в руках, тексты этих докладов доступны и тем, кто в дни конференции был далеко от Урала. Мы верим в то, что научное сотрудничество, каким бы значимым не было само по себе, имеет особое значение именно в контексте развития и укрепления связей между странами и между людьми в широком смысле слова. Мы надеемся, что проведенная нами конференция и изданная книга вносят в это свой скромный вклад.

Степенное течение научной конференции иногда прерывалось дискуссиями, в ходе которых высказывались полярные точки зрения на ту или иную проблему. Но, как верно отметил, присутствовавший на конференции, Первый секретарь посольства Государства Израиль в России Шмуэль Полищук, такая полярность взглядов и оценок существует и в самом Израиле – разнообразие мнений является фундаментом демократической организации общества. Разделяя это мнение, редколлегия настоящего сборника предоставила возможность выступить на его страницах представителям различ-

ных научных школ, направлений и интересов, исходя из того, что ответственность за свои материалы, их трактовку и выводы несут сами авторы, точка зрения которых может не совпадать с мнением редакции.

Количество докладов было столь велико, что секции, посвященные израильской политике и культуре, проходили параллельно, чтобы дать возможность высказаться всем, чьи доклады соответствовали сформулированным оргкомитетом академическим критериям. Это многоголосье представлено и в настоящей книге, причем в нее включены также и статьи тех наших коллег, которые лично в конференции участие не принимали. К сожалению, мы не смогли включить все поданные нам тексты, сделав попытку обеспечить тематическую стройность издания. Насколько нам это удалось – судить читателям, на благожелательное внимание которых мы очень надеемся.

Мы признательны завершившему свою каденцию в Екатеринбургe главе представительства Еврейского агентства в Уральском регионе Ашеру Уильямперлу как за личное активное участие в конференции, так и за помощь в ее организации и в подготовке настоящей книги. Мы также признательны Культурному центру при Посольстве Государства Израиль в Российской Федерации за помощь в организации конференции и екатеринбургскому представительству еврейского благотворительного комитета «Джойнт» за поддержку в издании этого сборника.

На вечере, посвященном закрытию конференции, был поднят тост – пожелание всем присутствующим собраться в УрГУ вновь через шестьдесят лет, на следующий юбилей Государства Израиль. Мы, однако, надеемся, что ждать так долго не придется и что конференции, подобные этой, будут проходить в стенах нашего университета регулярно. Поэтому мы надеемся, что эта книга – наша первая, но отнюдь не последняя «ласточка».

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

**ИЗ ИСТОРИИ СИОНИЗМА
И ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ**

УТОПИЯ ТЕОДОРА ГЕРЦЛЯ «СТАРАЯ НОВАЯ ЗЕМЛЯ»

Д.В. Бутров,

Ректор Уральского государственного университета
им. А.М. Горького

В 1902 году к жанру социальной утопии (в испытанном времени литературном формате «государственного романа») обратился австрийский писатель и журналист еврейского происхождения Теодор Герцль (1860–1904). Основоположник идеологии сионизма еще в 1896 году написал фундаментальный труд «Еврейское государство» («Der Judenstaat»), явившийся заметным вкладом в процесс создания Государства Израиль, где автор больше известен как Биньямин-Зеев Герцль. Хорошо знакомое многим общественным деятелям с XVI в. (со времен Томаса Мора) стремление показать социально-политические идеалы осуществленными в произвольной конструкции совершенного общества – вот главный мотив появления этого художественного произведения.

На русский язык роман был переведен довольно быстро – уже в 1904 году. В данной статье цитируется именно первое русское издание, экземпляр которого с конца 1960-х гг. хранится в библиотеке семьи известного русского литературоведа В.И. Бутрова.

Различные аспекты жизни еврейского государства будущего Т. Герцль рассматривает в увлекательной форме путешествия по «обновленной земле» двух странников, до того добровольно вычеркнувших себя из мира на двадцать лет жизни в отдаленных водах Тихого океана. Это – разочаровавшийся в жизни еврейский доктор Фридрих Левенберг и старый мизантроп-аристократ германо-американского происхождения Кингскурт (Кенигхоф).

Их провожатым выступает Давид Литвак – молодой предприниматель, семье которого доктор Левенберг когда-то дал денег и тем самым спас от голодной смерти, более того – позволил получить приличное образование. Давид Литвак словно бы олицетворяет собой перерождение, потому что композиция утопии Т. Герцля художественно вы-

строена именно на пафосе обновления и возрождения; именно поэтому в оригинале роман, написанный на немецком языке, называется «Altneuland» – «Старая новая земля».

Страна, которую Левенберг и Кингсбург видели пустынной и нищей на пути в Тихий океан, теперь процветает. Причем процветание это – многоплановое. Теперь пространства, на которых проходило действие Ветхого и Нового Заветов, окультурены, их ландшафты эстетически совершенны, сочетая лучшее из разных уголков Европы, и в то же время изобильны. Таково, например, описание города Хайфы: «Город производил впечатление выдающегося европейского центра, какого-нибудь большого итальянского приморского города. Лазурь неба и моря, богатство красок напоминали благословенную Ривьеру. Но здания были красивей, новей, и уличное движение, при всем лихорадочном оживлении, не сопровождалось обычным шумом... Мостовые были гладки и ровны, как панели, и автомобили катились почти беззвучно, лишь изредка предупреждая пешеходов сигнальными звонками». Больше того: город, построенный по четкому плану, охвачен широкой сетью подземных коммуникаций, проложенных строго под улицами: «проволочные линии, газовые трубы, водопроводные и сточные», даже линии «телефонной газеты»¹.

Это – лишь один из прекрасных городов, которыми теперь возрожденное еврейство застроило Святую землю. Возрождение же – следствие великого переселения евреев на историческую родину – «в конце девятнадцатого и в начале двадцатого столетия дальнейшее пребывание евреев в Европе стало невозможным... Преследования были и социального, и экономического характера». Неприкрытая вражда, гонения и бойкот вынудили европейских евреев оказаться перед выбором: «или сделаться смертельными врагами общества, основанного на несправедливости и человеконенавистничестве, или же найти себе убежище...»². Переселение было инициативой широких еврейских масс, в первую очередь – рабочих и интеллигентов. Т. Герцль подчеркивает негативное отношение к переселению в Палестину верхушки еврейства – «богачи не сочувствовали национальной палестинской идее» с точки зрения своих «буржуазных интересов»³. Именно силами неудовлетворенного своим положением «пролетариата» (сюда Т. Герцль включает и интеллигенцию) в обе-

тованной земле была основана новая еврейская община – Т. Герцль приводит примеры Австралии и Соединенных Штатов Америки, также созданных «с нуля». Механизм переселения автор подробнейшим образом раскрывает в «докладе» Иосифа Леви – одного из руководителей «Нового общества для колонизации Палестины»⁴. Оказывается, во время переселения существовало три механизма его обеспечения, три «юридические личности»: «Первая – учреждения, которые в конце 1900 года обладали капиталом в двадцать миллионов фунтов стерлингов; вторая – акционерное общество, основанное преданными нашему делу лондонскими финансистами с капиталом в десять миллионов фунтов, и третья – артель колонистов, представителями которой были выбираемые на конгрессах вожди партий. Вожди же тогда только дали ход эмиграционному движению, когда они окончательно спелись с акционерами насчет передачи в будущем их капиталов». При этом в колонизации участвовали не только евреи: поначалу очень активно участвовали, например, «протестантские немцы и англичане». А своеобразной «рекламой» предприятия стало путешествие в Палестину на пароходе с многозначительным названием «Будущность» «самых выдающихся, самых значительных людей всего мира, разумеется, без различия национальности и вероисповедания» за счет акционерного общества. Это путешествие находилось в центре внимания мировой прессы – представители интеллектуальной элиты человечества обсуждали реалии и перспективы эмиграции евреев в Палестину, и в итоге появился своеобразный сборник советов, учтенный руководителями артели... В конце концов, артель, ставшая Новой общиной, смогла выкупить акции общества.

«Основные законы гуманности соблюдаются безусловно всеми. Что касается религиозной терпимости, рядом с нашими храмами вы увидите и христианские, мусульманские, буддийские и браминские». В общине мужчины и женщины наделены равными правами и обязанностями; однако «политика ни для женщин, ни для мужчин не существует как занятие или призвание». Больше того, в судах «слова “профессиональный общественный деятель” квалифицируются как оскорбление чести». Поэтому все должности делятся на «платные» и «почетные». Первые замещаются узкопрофильными специалистами, туда не допускаются «приверженцы партий», а платным чиновникам

запрещено принимать участие в общественной жизни. Должности же почетные замещаются «лицами, которые совершенно их не добиваются». Более того – «все члены Новой общины обязаны посвящать два года общественной службе», по окончании своего образования в возрасте от 18 до 20 лет. «В этой Новой общине вашей каждый может жить так, как ему нравится и может быть счастливым...», – задумчиво отмечает доктор Левенберг⁵.

Существует централизованная система здравоохранения и социального обеспечения. Такого рода дорогостоящие социальные институты, однако, не отягощают бюджет государства – «целесообразным распределением сумм достигается большая экономия»⁶. Армии в идеальном обществе по Т. Герцлю не существует.

Развитие мировых коммуникаций и расположение на трансконтинентальном перекрестке торговых путей обеспечивают экономическое и культурное развитие Новой общины. Однако в первую очередь процветание страны основано на прогрессивной «мутуалистической» (т.е. обоюдной, взаимной) организации экономики. «Это самый безобидный и отлично привившийся способ ведения государственного хозяйства», – поясняет Давид Литвак. Новая община использовала опыт «промышленных и земледельческих артелей», кооперации, накопленный в XIX веке европейцами. «Артель» – «средняя форма между индивидуализмом и коллективизмом», которая, по мнению Т. Герцля, не лишает личность «привилегий частной собственности» и в то же время позволяет ей «в союзе с товарищами бороться с подавляющей силой капитала»⁷. Существуют даже «артельные газеты», принадлежащие тысячам подписчиков одновременно и приносящие им доход (чем шире круг читателей, тем выгоднее размещать в газете объявления, а поскольку их размещают, как правило, те же подписчики, деньги в итоге возвращаются к ним, объясняет Герцль). Доходы масс-медиа, которые в Европе и США аккумулировались редакциями, здесь распределяются среди подписчиков, а редакциям остается культурно-просветительская роль. При этом «артельные газеты» носят только торгово-промышленный характер, а по общественным вопросам издаются газеты отдельных лиц и партий.

Следовательно, продвинувшись довольно далеко по пути кооперации, Новая община только укрепила частную собственность –

стимул к работе, усилиям, открытиям и изобретениям». Мутуализм, открытый для «новообразования новых экономических форм», стал гарантией стабильности. Например, в стране очень мало мелкой торговли, а основная коммерция сосредоточена в крупных торговых домах, способных удовлетворить самые разнообразные потребности⁸ (нечто вроде современных shopping mall). Старым же и «не экономичным» формам торговли в «обновленную землю» не удалось даже проникнуть – с самого начала колонистов было так много, что обширный рынок обслуживался не мелкими коммерсантами, а крупными европейскими фирмами. Мелкая торговля сохранилась только для «самых дешевых» и «самых драгоценных» товаров.

Предотвращена и опасность возникновения крупных земельных латифундий – частная собственность на землю не существует, землю можно только арендовать у общины. При этом в «юбилейный год» (раз в 50 лет) земли без выкупа вновь возвращаются общине.

Любопытно, что все преимущества, достигнутые Новой общиной, объясняются Т. Герцлем очень просто: евреи на исторической родине строили государство, используя все лучшее, что Европа создала за минувшие столетия. При этом переселенцы были избавлены от груза старого негативного опыта. Это – утопия с чистого листа. Т. Герцль указывает на то, что массовый приток еврейской интеллигенции, которая не могла в полной мере реализовать себя в странах Европы, решил для страны проблему нехватки кадров, в первую очередь – научных и инженерных.

Как же Т. Герцль решает проблему арабского населения Палестины, которая и сегодня стоит перед современным Израилем? В утопии Т. Герцля, однако, палестинские арабы оказываются куда более добрыми соседями, чем в реалиях XX века. Масштабные проекты евреев, прибывших в Палестину, требовали рабочих рук, которые и были предоставлены арабами. Приобретая по высоким ценам земли арабов, Новая община использовала их много более эффективно. Это автоматически вело и к росту уровня жизни арабов: «Народ этот стал несравненно счастливее; он теперь хорошо питается, дети растут в хороших условиях, учатся кой-чему. На их религиозные верования, на их обычаи никто не посягает – они получили то, о чем и мечтать не дерзали»⁹. «Еврей обогатил нас – что же мы можем иметь против

них? Они живут с нами, как братья с братьями – за что же нам не любить их?» – так отвечает на недоуменный вопрос Кингскурта мусульманин Решид-бей, друг Давида Литвака. Иерусалим же был объявлен *res sacrae, extra commercium* [священной вещью, не имеющей цены].

Однако Т. Герцль вовсе не отмахивается от вопроса о роли и значении толерантности. Напротив, важнейшая внутренняя коллизия его утопии, угрожающая ее стабильности, связана именно с проблемами терпимости. Оказывается, и в просвещенной и благополучной Новой общине существует националистическая партия доктора Гейера.

Показательна речь, с которой Литвак в преддверии выборов президента государства выступает в общине Нейдорф. Оратор коротко характеризует сущность генезиса Новой общины, указывая на связь с социалистическими идеями XIX века, и в первую очередь – с утопиями Эдуарда Беллами (1850–1898) «Через сто лет» и Теодора Герцки (1845–1924) «Страна будущего». По мнению Давида Литвака, устами которого говорит и сам Герцль, «гуманные авторы этих интересных трудов все одинаково заблуждались», полагая, будто «у людей была уже зрелость и свобода суждений, необходимые для создания нового государственного строя» и будто «машина – это самое необходимое, чтобы создать что-нибудь новое». По мысли же Герцля, для этого нужна «только сила, во все времена только сила». Преисполнившись решимости из-за жестоких гонений евреи такой силой обладали, и уже поэтому смогли на новом месте применить все новейшие достижения техники и социальной теории: «Мы создали новую общину не потому, чтобы мы были лучшими людьми, но потому, что мы были людьми с обыкновенными человеческими потребностями воздуха и света, здоровья и чести, свободы и спокойствия... В этом нет большой заслуги, мы ничего необыкновенного не совершили, мы делали только то, что в наших условиях было исторической необходимостью»¹⁰. И Давид Литвак, *alter ego* автора, делает вывод о необходимости сохранять принципы толерантности и открытости Новой общины, так как только это позволит Общине постоянно идти в ногу со временем: «Новая община зиждется на идеях, составляющих общее духовное достояние всех культурных народов... безнравственно отказывать человеку, откуда бы он ни явился, какой бы

национальности, какого бы вероисповедания он ни был – в участии в нашей успешной работе, потому что мы воспользовались знанием и опытом всех культурных народов. И если кто-нибудь к нам примыкает, признает наш государственный строй, принимает на себя общественные обязанности, то он пользуется и нашими правами... Нашим девизом должно быть теперь и всегда: человек, ты брат мой!» Действительно, Герцль характеризует «обновленную землю» так: «не государство, а большая артель»¹¹.

Технически Новая община находится на высочайшем уровне: много места Т. Герцль посвящает описанию успехов науки – производство очищенного воздуха, искусственного льда, добыча брома из вод Мертвого моря¹². Успехи сельского хозяйства во многом основываются на успехах прикладной химии. А ученый-химик доктор Штейнек работает даже над «оздоровлением Африки», разрабатывая средство от малярии, чтобы сделать Африку пригодной для массового переселения из Европы и, что не менее важно, для массового же возвращения американских негров на историческую родину – тем самым, будет исчерпан очередной «неразрешенный народный вопрос, ужас которого может понять только еврей»¹³. В этой связи уместно заметить, что подобный проект (государство Либерия, основанное на исторической родине потомками вывезенных в Северную Америку африканцев) стал осуществляться за восемьдесят лет до появления утопии Т. Герцля.

В сделанном позднее Нахумом Соколовым (1859–1936) переводе на иврит роман назывался «Тель-Авив», т.е. «Весенний холм» (по аналогии с библейским поселением). Считается, что утопическое произведение Т. Герцля (редчайший случай в истории литературы!) вдохновило тех, кто впоследствии определял топонимию еврейского государства, дать соответствующее название одному из крупнейших городов современного Израиля.

Автор сионистской утопии умер в Австрии, где и был похоронен. В завещании Герцль просил похоронить его в Вене рядом с отцом, пока еврейский народ не перенесет его останки в Эрец-Исраэль, что было осуществлено 14 августа 1949 года, вскоре после создания Государства Израиль. Ныне прах провозвестника еврейского государства покоится на горе Герцля в Иерусалиме, а недалеко от его могилы

построен музей. И хотя далеко не все из описанного в «Старой новой земле» воплотилось в действительность, главное предназначение литературной утопии Т. Герцля было реализовано. Поколения сынов и дочерей еврейского народа искали ответы на волновавшие их вопросы – и находили их в романе, в ожидании своего будущего улавливая на его страницах далекий ответ манящего, не забытого в толще столетий горячего солнца Сиона.

¹ Теодор Герцль. «Обновленная земля» (СПб.: Изд. редакции журнала «Образование», 1904), стр. 64 и 98

² Там же, стр. 69.

³ Там же, стр. 143.

⁴ Там же, стр. 191–207 и 210–222.

⁵ Там же, стр. 80–81, 84 и 102.

⁶ Там же, стр. 83.

⁷ Там же, стр. 91.

⁸ Там же, стр. 103–106.

⁹ Там же, стр. 128.

¹⁰ Там же, стр. 151.

¹¹ Там же, стр. 156 и 261.

¹² Там же, стр. 166.

¹³ Там же, стр. 173.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ТЕОДОРА ГЕРЦЛЯ

Э.А. Замов,

Уральский государственный университет
им. А.М. Горького, г. Екатеринбург

Небольшое политическое сочинение «Еврейское государство» Теодора Герцля имело счастливую судьбу. Немногие книги стали фактором зарождения целого государства. Историческое значение этой книги сопоставимо со значением Корана и «Капитала».

Данная небольшая статья посвящена рассмотрению политических взглядов, изложенных в «Еврейском государстве». Эти взгляды глубоко противоречивы. Связано это с борьбой в сознании автора немецкого и еврейского начал, а также начала консервативного и социалистического. Причем эти противоречия доходят до крайностей.

Противоречивы суждения Т. Герцля о национальном характере евреев. В самом начале книги Т. Герцль утверждает: «Мы народ своеобразный, народ особый»¹. А когда он переходит к вопросу о создании государственной системы, заявляет: «...мы ничем не отличаемся от остальных современников...»². Т. Герцль указывает: «Еврей вообще очень бережлив, находчив, исполнителен и быстро свыкается со всякой работой и специальностью, так как он предеан своему семейству и готов для него пойти хоть в огонь и воду»³. А выше Т. Герцль утверждает: «Кто думает и хочет превратить евреев в земледельцев, тот удивительным образом заблуждается»⁴. Что бы сказал Т. Герцль, увидев современные израильские киббуцы? Конечно, было бы нечестно упрекать автора этих высказываний в недалновидности. Т. Герцль жил в эпоху подъема национального сознания европейских народов, что провоцировало идеи национальной исключительности.

Суждения Т. Герцля по поводу государственного устройства настолько своеобразны, что их стоит привести практически полностью. Итак, он пишет: «Я лично большой поклонник и друг монархического правления, ибо только в таком случае возможна более или менее постоянная политика, связанная своими интересами с одним,

исторически прославленным родом, члены которого рождены и воспитаны для власти. Но наша история, к сожалению, претерпела такую массу превратностей, что думать о каком-нибудь царском роде невозможно, да и было бы смешно, если бы мы попытались его отыскивать. Демократическое же правление без полезного противовеса со стороны монарха, кроме того, что страдает во время решения каких-нибудь вопросов, вследствие своей огромности и массы противоречивых мнений, к тому же всегда ведет в парламентах к бесплодному переливанию из пустого в порожнее и создает постыдную клику досужих “политиков по обязанности”. Современные народы, впрочем, и не способны к неограниченному демократическому правлению, и я думаю, что и в будущем они не будут способны к нему. Настоящая демократия всегда требует простых нравов... Итак, я склоняюсь скорее в пользу аристократической республики, тем более, что она вполне согласуется с честолюбивым сознанием нашего народа... всякое же сопротивление будет строго преследоваться и уничтожаться, ибо не может же еврейский союз давать волю различным единичным личностям, недовольным или несогласным»⁵. Примечательно, что еврейский народ не может выдвинуть один достойный род для царской власти, а много родов для аристократической республики почему-то может. Еще более любопытна последняя тирада о подавлении сопротивления несогласных. Сложно поверить, что это писал тот же самый человек, который ниже утверждает следующее: «Пора уже нам, наконец, жить, как свободным гражданам в своей собственной стране, и умереть в своем собственном отечестве»⁶. Т. Герцль понимает еврейскую свободу лишь как свободу от антисемитов, но не от еврейской элиты.

Говоря об организации труда в новом государстве, Т. Герцль отмечает: «организация будет совсем военная: с чинами, повышениями и пенсиями»⁷. Кстати, с точки зрения Т. Герцля, платить черноработчим (которые должны прибыть из Румынии и России) за их работу не следует, а надо ограничиться только их продовольственным снабжением. В целом, представления Т. Герцля о будущем еврейском государстве характерны для представителей тогдашней интеллигенции с ее эклектическим мировоззрением.

Это подтверждает сам Т. Герцль в своих следующих словах: «Антисемитизм в соседях растет не по дням, а по часам, и будет расти, пото-

му что причины, вызывающие его, очень прочно усвоены народом и не могут быть поколеблены. Отдаленная причина, или *causa remota* подобного порядка вещей есть отсутствие в средние века возможности ассимиляции, ближайшая же причина всего этого, или *causa proxima*, есть наш продуктивный излишек среднего интеллигента, не имеющего никакого выхода ни вниз, ни вверх, т.е. не имеющего собственно никакой здоровой возможности превратиться в низший класс, или подняться в высшие слои общества. Беднея, мы образуем пролетариат и создаем разрушителей, т.е. низший персонал руководителей разных революционных партий, а одновременно с этим вверху увеличивается наша денежная сила, которая опять-таки внушает страх»⁸. Т. Герцль негативно относится и к пролетариату, и к буржуазии, и не менее негативно – к крестьянству: «Крестьянство есть собственно историческая категория, в чем легко и удобно убедиться из привычек и забот крестьянина, в большинстве случаев однообразных и старых, и его земледельческих орудий. Те и другие совершенно примитивны, ничем не отличаясь от привычек или земледельческих орудий его предков»⁹. В данном случае единомышленником Т. Герцля оказывается еще один еврей, К. Маркс, написавший о крестьянах в своем «Коммунистическом манифесте» следующее: «...они реакционны – они стремятся повернуть вспять колесо истории». Автор «Еврейского государства» подозревает буржуазию, ненавидит пролетариат и презирует крестьянство. Он положительно отзывается лишь об интеллигенции и конструирует государство, фактически лишенное социальной базы, что практически невозможно.

Т. Герцль пишет: «Ведь причины возникновения социального вопроса зависят только от развития технических пособий. Так, например, отовсюду пар стянул людей к машинам на фабриках, где давит их и делает несчастными... Пар сдавил их, а электричество их, вероятно, опять рассеет и поставит, может быть, в лучшие условия рабочей жизни»¹⁰. По мировоззрению Т. Герцль – типичный позитивист, видящий историю как непрерывный прогресс. Историческое развитие для него идет под решающим воздействием техники. Его идеал – общество, которому технический прогресс поможет обойтись без рабочих, крестьян и предпринимателей.

Говоря об эмиграции евреев во вновь обретенную страну (Палестину или Аргентину), Т. Герцль рассуждает не как еврей, а скорее как немец: «Эмиграция должна происходить по группам, состоящим из членов родственных фамилий и друзей. Никого не следует стеснять или требовать, чтобы он участвовал именно в той, а не в другой группе»¹¹. И далее: «Каждая местность образует свою группу, а в больших городах эти группы будут составляться по участкам, причем члены одной группы, как я уже говорил, могут свободно переходить в другую, так как деление по участкам не есть нечто обязательное»¹². Здесь проявляется одна из черт немецкого уклада жизни – склонность жить в ферейнах, т.е. в союзах.

Противоречивы построения Т. Герцля и в том, что касается роли религии в будущем государстве. Проектируя еврейскую эмиграцию, он пишет: «В каждой группе непременно должен быть раввин, вокруг которого и собираются лица, желающие переселиться. Хотя группировка, как я уже говорил раньше, совершенно произвольна и составляется по собственному желанию, тем не менее, однако, групп может быть столько, сколько всех раввинов, которые, познакомившись с сущностью дела, станут потом другим проповедовать идею переселения, для чего не нужно специально устраивать собраний, в которых бы больше болтали, чем дело делали, а всякий раз, во время богослужений, раввин пусть знакомит всю паству с целями нашего дела, и пусть вера наших отцов опять соединит нас воедино...»¹³. Здесь Т. Герцль видит еврейское общество как явно клерикальное. Ниже он трактует значение раввинов как значение доверенных лиц Еврейского союза, а значит и как государственных чиновников. Одновременно Т. Герцль пишет: «Но может быть, в конце концов, у нас будет теократическое правление? На это, положим, можно ответить отрицательно. Религия нас соединяет, но совесть – освобождает»¹⁴. И далее: «Всякий может свободно исповедовать какую ему угодно религию, или вовсе никакой не исповедовать...»¹⁵. Сознание Т. Герцля буквально разрывается между стремлением использовать религию как инструмент для объединения общества и стремлением создать общество светское, свободное от власти религиозных институций.

Парадоксально решал Т. Герцль и вопрос о вооруженных силах будущего государства. Он утверждал: «Так как предполагается сде-

лать еврейское государство нейтральным, то для охраны порядка извне и изнутри ему необходима только милиция, вооруженная тем не менее по всем современным требованиям военного искусства»¹⁶. Можно было бы признать эти слова за гениальное предвидение возникшей в будущем Армии обороны Израиля как армии во многом штатских людей, но выше Т. Герцль писал (говоря о формировании внутреннего рынка нового государства): «...постепенно будут проявляться более утонченные потребности чиновников, например, служащих у еврейского общества, к которым отношу также и офицеров милиции, составляющей десятую долю всего мужского населения и необходимой против бунтовщиков и негодных людей, хотя нужно надеяться, что все, или большинство, по крайней мере, будут вполне миролюбивы»¹⁷. Обращают на себя внимание значительная численность предполагаемой милиции (ибо вооруженные силы, составляющие даже 1% от всего населения, – уже очень много в мирное время) и функции этих формирований. Весьма показательно, что автор больше боится собственного народа, чем его будущих предполагаемых соседей. Автор пытается совместить идею политической свободы с самым откровенным консерватизмом, который в тогдашней Австро-Венгрии разделялся не евреями (которые в то время возглавляли австрийскую социал-демократию – Адлер, Каутский, Аустерлиц и др., а немецко-венгерской аристократией, как раз антисемитской).

Воззрения Теодора Герцля формировались в крайне напряженной идейно-политической обстановке Австро-Венгрии конца XIX века. То была обреченная на крах страна, державшаяся на личном авторитете одного человека – австрийского императора и венгерского короля Франца-Иосифа (отсюда и неприемлемость монархии для Т. Герцля), раздираемая межнациональными противоречиями (во многом поэтому Т. Герцль и пытался структурировать общество квазиэтническими группами, изолированными друг от друга и не раздражающими друг друга своей специфической этикой), потрясаемая мощным рабочим движением (отсюда и стремление Т. Герцля создать вооруженные силы, занятые по сути лишь сохранением внутреннего порядка), с запутанной системой парламентского законодательства, ежечасно демонстрировавшей свое бессилие. Противоречия в сознании Т. Герцля – это противоречия, довлевшие над сознанием обра-

зованных людей эпохи, во времена которой монархический строй успешно уживался с всеобщим избирательным правом, рационализм ученых сочетался с их же религиозностью, а всплеск национальных культур сочетался с тем фактом, что Европа структурировалась наднациональными империями.

¹ Т. Herzl, «*Der Judenstaat*» (Vienna, 1895), p. 1.

² Там же, p. 12.

³ Там же, p. 9.

⁴ Там же, p. 7.

⁵ Там же, p. 18.

⁶ Там же, p. 21.

⁷ Там же, p. 15.

⁸ Там же, p. 8.

⁹ Там же, p. 5.

¹⁰ Там же, p. 12.

¹¹ Там же, p. 14.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, p. 9.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, p. 11.

¹⁷ Там же, p. 7.

СОЦИАЛ-РЕФОРМИЗМ В ЕВРЕЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ

Н.В. Юшков,

Международный университет XXI века,
Москва

В начале XX века в разных регионах мира наблюдался рост национального самосознания отдельных народов, результатом чего становилось формирование в их среде движений, боровшихся за независимость. Многие народы боролись за признание своей самобытности; их основной задачей было построение национального государства с собственным правительством на территории их компактного проживания. На этом фоне выделяется еврейское национальное движение, оказавшееся в уникальных территориально-исторических условиях.

Девятнадцатый век принес евреям Европы эмансипацию, сделал их полноправной частью европейского общества, они получили недоступные им прежде гражданские права. Еврейские юноши и девушки заполнили собой школы и университеты, однако, как это было и во многих других областях, система образования в этих странах не позволяла евреям солидаризироваться с представителями доминантной нации. Находясь во Франции, они учили, что их предки были галлы, в Германии – немцы, и не так-то просто было решить еврейским студентам – жили ли их предки на землях Европы, или все-таки Иудей¹. Евреи, как и прочие народы, стремились к самоопределению, эти устремления со временем стали воплощаться в национальных движениях различной направленности. Как правило, национальные движения во всем мире никак не были связаны с социализмом, за немногими исключениями, такими как, например, «австромарксизм», который позволил развить чешскому, хорватскому и венгерскому пролетариату собственные рамки социально-политической деятельности, не навязывая им немецкий язык господствующих слоев как обязательный. Однако австромарксизм справедливо

было бы рассматривать скорее как движение социальное, нежели национальное². Еврейское же национальное движение, выразившееся в сионизме, и имевшее множество особенностей, смело взяло на щит идею социал-реформизма. Эта идея фигурирует в работах самых центральных сионистских мыслителей, таких, например, как Т. Герцль, Ахад Ха'Ам, А.Д. Гордон, Б. Кацнельсон и других. Помимо вышеназванных теоретиков, были и такие, которые непосредственно стремились объединить сионизм с учением К. Маркса. Два главных представителя социал-сионистов Н. Сыркин и Б. Борохов имели большое влияние на вторую и третью алию [иммигрантов, прибывших в Палестину/Эрец-Исраэль из Восточной Европы в 1904–1914 и в 1919–1923 гг.].

Уже Т. Герцль в «Еврейском государстве», написанном в 1896 году, уделял большое внимание социальным вопросам. Его интересовало не только построение еврейского государства, но и то, чтобы в этом государстве были школы, в которых бы дети бесплатно получали все необходимые им учебные пособия³. Отдельные главы книги о будущем национальном государстве (в создание которого верил в то время едва ли не один Т. Герцль) посвящены рабочим организациям и семичасовому рабочему дню. Он выступил за создание рабочих организаций по примеру европейских, которые бы предоставляли всем нуждающимся работу, чтобы «ни кому не пришлось прибегать к преступлению из-за нужды»⁴. В то время, когда рабочие многих стран еще боролись за восьмичасовой рабочий день, Т. Герцль заявил о том, в еврейском государстве он должен быть семичасовым и разбит на две части по три с половиной часа каждая. «В продолжение трех с половиной часов, без перерыва, здоровый человек может работать усиленно. После перерыва в три с половиной часа посвященного отдыху, семье, дальнейшему образованию он опять вполне бодр». Также Т. Герцль упоминал о необходимости заботиться о неспособных к труду, об освобождении женщин от тяжелых работ и об освобождении беременных женщин от любых работ вообще⁵. Флаг, который он предлагал для будущего государства, отражал его социальные чаяния: «Белый флаг с семью золотыми звездами, где белое поле символически обозначало бы собою новую светлую жизнь, а звезды – наш семичасовой рабочий день, ибо во имя труда евреи едут в новую страну»⁶.

Не удивительно, что после того, как «Еврейское государство» стало широко известно, Т. Герцль получил письма одобрения своей работы от различных еврейских групп из Восточной и Западной Европы, особенно от еврейских студенческих организаций, которые находились под влиянием социалистических идей⁷.

В 1898 году Нахман Сыркин выпустил в свет свой труд «Еврейское социалистическое государство», в котором социальная составляющая национального движения изложена еще более отчетливо. Оба они, и Т. Герцль, и Н. Сыркин видели причину антисемитизма не в религиозной вражде, а в эмансипации, когда евреев стали ненавидеть как успешных конкурентов в постоянном соревновании, которое навязывает капитализм. Т. Герцль, при всех своих социальных устремлениях, был сторонником монархии, предлагая будущему еврейскому государству стать либо конституционной монархией, либо аристократической республикой; он также сомневался, где именно это государство имеет смысл создавать – в Палестине или в Аргентине (в 1903 году Т. Герцль предложит Шестому Сионистскому конгрессу поддержать идею создания этого государства на территории Уганды). Н. Сыркин был куда более последовательным в своих устремлениях: он не видел другого политического устройства еврейского государства, кроме социалистического, и другого места для него, кроме Палестины/Эрец-Исраэль. Идеологии сионизма и социализма были в глазах Н. Сыркина не конкурирующими, а взаимодополняющими.

Антисемитизм конца XIX века Н. Сыркин рассматривал как следствие эмансипации⁸. Евреи, добившись гражданских свобод, превратились в серьезных конкурентов для христиан. Эксплуатируемые классы рассматривали евреев как эксплуататоров, буржуазия – как конкурентов. И те, и другие, борясь между собой, изливали свой гнев на евреев, из-за чего уровень антисемитизма постоянно рос. Антисемитизм не может остановить даже ассимиляция, к которой склонны (и в то время, и сегодня) многие представители еврейской буржуазии, так как даже ассимилированные евреи все равно остаются таковыми в глазах своих соседей. Не сможет его остановить и социальная революция, так как Н. Сыркин полагал, что с усилением классовой борьбы антисемитизм только усилится. Он будет существовать до

тех пор, пока евреи не будут реально обладать собственным государством, причем государство это должно быть именно социалистическим⁹.

Будучи социалистом, Н. Сыркин не приемлет мысли, что новое государство должно быть построено на социальном неравенстве. На пути к освобождению угнетаемая нация должна пройти путь национального государства, но совершенно немыслимо, подчеркивает Н. Сыркин, чтобы люди добровольно согласились построить государство основанное на неравенстве. По его мнению, капиталистическое государство является «плодом неосознанного течения исторического процесса», тогда как социализм — «плод свободного человеческого сознания»¹⁰.

В 1905 году новую страницу в развитии еврейского национально-го движения открыл Бер Борохов. Взгляды Б. Борохова во многом сформировались под влиянием «австромарксизма», и марксизм он пытался сочетать с сионизмом. Нужно сказать, что к этому синтезу в целом и большинство сионистов, и большинство сионистов относились, мягко говоря, без энтузиазма. Б. Борохов был убежден, что можно найти лишь одно практическое решение «еврейского вопроса»: еврейский средний класс естественным образом иммигрирует в Палестину/Эрец-Исраэль и постепенно разовьет там средства производства. Рост промышленности привлечет в страну евреев-рабочих, которые и возглавят национально-освободительное движение¹¹.

В 1905 году Б. Борохов явился одним из создателей и главным идеологом первой массовой социал-сионистской партии «Поалей Цион» [«Рабочие Сиона»]. Эта организация разделяла как цели БУН-Да, так и социалистов-сионистов. Члены «Поалей Цион» считали необходимым вести борьбу за территориально-политическую автономию, но до достижения этой цели считали необходимым бороться за права еврейского пролетариата в диаспоре.

Основная масса людей, приехавших в Палестину/Эрец-Исраэль в те годы, состояла из малообеспеченных слоев российского и польского еврейства. Профессиональные рабочие, искавшие высокой оплаты своего труда, предпочитали другие места для эмиграции (прежде всего, США, куда в 1881–1914 гг. переселились около двух миллионов российских евреев). Многие иммигранты, прибывавшие

в Палестину/Эрец-Исраэль, были идеалистами, зачастую – едва вышедшими из подросткового возраста. Это были выходцы из Литвы, Белоруссии, Восточной Польши, из других традиционных мест расселения евреев, а также молодые люди, жившие вне «черты оседлости» и не знавшие ни идиша, ни иврита. Эта группа иммигрантов унаследовала многие традиции российского народничества. Идеалом человека для них был пролетарий с развитым классовым сознанием. Физический труд, который был крайне тяжел в неразвитой Палестине/Эрец-Исраэль, они воспринимали не как наказание, а как моральную ценность, которая должна чудесным образом «исцелить» еврейский народ от всех его социальных и национальных недугов. Они гордились своей независимостью и с неохотой принимали помощь извне, хотя и нуждались в ней. Эти энтузиасты были очень требовательны к себе. Их энтузиазм подстегивала уверенность, что после них непременно приедут еще десятки и сотни таких же групп сионистов. Этого, однако, не случилось (масштабы сионистской иммиграции оставались весьма ограниченными), и одиночество, пришедшее на смену энтузиазму, заставило 80% из тех, кто приехал в 1904–1906 гг., вернуться в Россию или продолжить путь в Америку. Оставшиеся же впоследствии заняли ведущие позиции в общественной жизни *ишув*, сыграв центральную роль в формировании той инфраструктуры, на базе которой возникло несколько десятилетий спустя Государство Израиль¹².

Зимой 1905 года в Палестине появились две социалистические партии: «*Ха'поэль ха'цаир*» [«Молодой рабочий»], которая первоначально насчитывала девяносто членов, и уже упоминавшаяся выше «*Поалей Цион*», в которой в первое время состояло шестьдесят человек. Обе эти партии были созданы в период, когда еще не существовало профсоюзов и государственных социальных служб, и обе они взяли на себя их функции. Они организовывали биржи труда, комитеты взаимопомощи, культурные и общественные клубы, а также фонды поддержки для больных. Изначально обе партии пытались объединиться в одну, но им не удалось этого сделать из-за различий в их идеологических платформах. «Поалей Цион» была сильно идеологизирована и связана со Вторым Интернационалом. Политическая программа этой партии содержала тезисы Бера Борохова о

том, что скоро капиталисты начнут вкладывать деньги в Палестину/Эрец-Исраэль, начнется интенсивное развитие промышленности и сельского хозяйства, в результате чего в стране возникнет еврейский рабочий класс, который в ходе классовой борьбы добьется гегемонии пролетариата. Однако прогнозы Б. Борохова о перемещении еврейского капитала в Палестину/Эрец-Исраэль не сбывались, безработица в ишуве оставалась высокой, вследствие чего активистам «Поалей Цион» было чем дальше, тем труднее сохранять приверженность идеологическим постулатам движения¹³.

«Ха'поэль ха'цаир» не была столь идеологизированной, однако, и ее лидеры не отрицали идеалы социализма, придавая большую важность физическому труду, который должен был способствовать национальному возрождению еврейского народа. Духовным лидером «Ха'поэль ха'цаир» был Ахарон Давид Гордон¹⁴. Он прибыл в Палестину/Эрец-Исраэль в 1904 году в сравнительно зрелом возрасте (ему уже исполнилось 47), однако работал простым сельскохозяйственным рабочим, видя в труде на земле путь к обретению еврейским народом «второго дыхания». Днем он работал в поле, а вечерами писал свои эссе, имевшие большое влияние на переселенцев второй и третьей волн алии.

Третья алия началась в 1919 году. Она тоже не была многочисленна, и причиной тому явился экономический кризис, обрушившийся на страну после мировой войны и смены власти (британская армия выбила из страны турок, положив конец четырехсотлетнему османскому правлению). В 1923 году, к концу третьей волны алии, еврейское население Палестины/Эрец-Исраэль составляло 93 тысячи человек. Иммигрантам третьей волны тоже не чужды были идеи социал-реформизма. К январю 1919 года образовалась организация «Ха'халуц», главным идеологом которой был Иосиф Трумпельдор. Целью этой организации было построить в Палестине/Эрец-Исраэль «национальный очаг» для еврейского народа, а для этого необходимо освоение земли еврейским трудом и создание коллективных хозяйств.

Чтобы как-то бороться с массовой безработицей, британские мандатные власти организовали общественные работы, и именно там нашли возможность трудоустройства 82% всех еврейских рабочих в

стране в 1922–1923 гг.¹⁵. Еврейская Федерация профсоюзов (*Хистадрута*), созданная в 1920 году, получала от мандатного правительства или от Всемирной сионистской организации подряды на такие работы как прокладка дорог, строительство зданий, посадка леса и т.д., распределяя эти работы между рабочими отрядами. Закончив работу в одном месте, отряд перемещался в другое место и занимался, как правило, другой работой.

Федерация профсоюзов рабочих Эрец-Исраэль очень сильно отличалась от европейских аналогов. Устав *Хистадрута*, принятый зимой 1920 года, поставил перед организацией следующие задачи: создание касс взаимопомощи, медицинского обслуживания, улучшение условий труда, расширение сети курсов переквалификации. Эти цели сближали его с теми профсоюзами, которые были в Европе, где тред-юнионистские организации в основном боролись за улучшение условий труда и повышение заработной платы рабочих. Однако, помимо этих целей, были и другие, которые показывали некую двойственность *Хистадрута*: эта организация одновременно боролась за права рабочих, но при этом, создав целый ряд предприятий, постепенно стала крупнейшим работодателем в стране. Федерация профсоюзов рабочих Эрец-Исраэль видела свою центральную цель в борьбе за создание хозяйственной инфраструктуры будущего «национального очага». Из-за растущей конфронтации с арабским населением становилась очевидной необходимостью организации охраны еврейских поселений и хозяйственных объектов; Федерация профсоюзов занялась и этим. Помимо этого, в список целей и задач *Хистадрута* входила абсорбция новых иммигрантов, обучение их ивриту и обеспечение работой¹⁶. Задолго до создания государства Федерация профсоюзов создала достаточно мощную промышленную и экономическую базу, включавшую в себя концерн «Хеврат овдим», банк «Ха'поалим», сеть универмагов «Ха'машибир ле'цархан», сеть поликлиник «Кунат холим клалит», строительные фирмы «Салель боне» и «Шикун овдим», спортивное общество «Ха'поэль», а также страховые компании, пенсионные фонды, дома престарелых, центры культуры и просвещения, библиотеки¹⁷. Таким образом, третья алия сохраняла социал-реформистское направление как доминантное в сионистской политической мысли, и иначе просто не могло быть в условиях,

когда рабочая организация становится своего рода каркасом «государства в пути».

В 1924 году началась четвертая алия. В отличие от предыдущих волн массовой миграции, большинство из тех, кто прибыл в Палестину/Эрец-Исраэль в эти годы, принадлежали к городскому среднему классу. Двумя основными причинами их эмиграции являлись притеснение евреев в новых восточноевропейских государствах, образовавшихся после первой мировой войны, особенно в Польше, а также ограничение въездных квот правительством США. Эти переселенцы привезли с собой капитал в четыре раза превышавший все средства, собранные в те годы еврейством диаспоры для Эрец-Исраэль. Эти деньги позволили основать множество новых фабрик, особенно много их было основано в районе Тель-Авива¹⁸. В еврейской общине разгорелись жаркие споры между социалистами и либерально настроенными так называемыми «общинами сионистами» о положительном или отрицательном влиянии «буржуазной алии» на жизнь *мишва*. Так или иначе, либералы были правы в том, что в то время 80% рабочих мест были созданы частными инвесторами, а социалисты верно предсказали экономический кризис, вызванный спекуляцией недвижимостью, который произошел в 1925 году и был преодолен только спустя несколько лет.

Уже в 1919 году была создана социал-демократическая партия «*Ахдут ха'авода*», на базе которой в 1930 году возникла Рабочая партия – МАПАЙ. До 1977 года социал-демократические силы играли ведущую роль в общинной жизни *мишва* и Государства Израиль¹⁹. В 1931 году Давид Бен-Гурион, возглавлявший в то время Федерацию профсоюзов (позднее он возглавил Еврейское агентство, а в 1948 году стал первым премьер-министром Государства Израиль), отмечал неразрывность интересов рабочего класса и нации в целом. «Партия рабочего класса, в отличие от других партий, является не только классовой, заботящейся только об интересах данного класса, но и национальной, ответственной за будущее всего народа и считающей себя не частью, а ядром будущей нации»²⁰. Целью, которую поставил перед левым сионистским движением Д. Бен-Гурион, было создание рабочего класса как основы будущего государства. «Если хозяйство Эрец-Исраэль будет основываться на частном капитале и арабском

труде, здесь сложится колониальное общество; если же оно будет основываться на коллективном, национальном капитале и еврейском труде, то и государство, которое здесь со временем возникнет, будет выражать коллективные и общенациональные интересы»²¹.

Условия, сложившиеся в Эрец-Исраэль, не позволили выдвинуться на передние позиции ни крайне левым радикалам, ни правым. Во главе общинной жизни ишува оказались левоцентристские силы, поставившие во главу угла идеологию социал-реформизма. Именно социал-реформизм, положения которого были развиты еще в работах Т. Герцля, а затем подхваченные многими известными сионистскими деятелями, стал основной идеологией формировавшейся в Эрец-Исраэль новой еврейской общины. Уважение к физическому труду, осознание необходимости освоения еврейскими трудящимися всех профессий для создания экономически и политически независимого национального государства, социальная поддержка и взаимопомощь — все эти ценности были очень важными для сионистского движения в тех непростых условиях Палестины/Эрец-Исраэль, в которых этому движению приходилось реализовывать свою программу. В итоге социал-реформисты смогли взять верх над своими конкурентами слева и справа, что отразилось на облике *ишува*, а затем и добившегося политического суверенитета Государства Израиль.

¹ Эта проблематика замечательно проанализирована Вальтером Лакером в главе «Исход из гетто» в его фундаментальной книге *«История сионизма»* (Москва: «Крон-пресс», 2000), стр. 15–62 [книга была впервые опубликована на английском яз. в 1972 г.].

² Более подробно об «австромарксизме» см.: Отто Бауэр, «Национальный вопрос и социал-демократия» // *«Нации и национализм»* (Москва: «Праксис», 2002), стр. 52–120 [работа была впервые опубликована на немецком яз. в 1924 г.].

³ См.: Теодор Герцль, «Еврейское государство» // *«Избранное»* (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1975), стр. 49 [работа была впервые опубликована на немецком яз. в 1896 г.].

⁴ Там же, стр. 51.

⁵ Там же, стр. 54.

⁶ Там же, стр. 100.

⁷ Ицхак Маор, *«Сионистское движение в России»* (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1977), стр. 45–47 [книга была впервые опубликована на иврите в 1973 г.].

⁸ Анализ взглядов Н. Сыркина см. в книге: Шломо Авинери, *«Основные направления в еврейской политической мысли»* (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1983), стр. 180–199 [книга была впервые опубликована на иврите в 1981 г.].

⁹ Нахум Сыркин, «Еврейский вопрос и социалистическое еврейское государство» // *«Сионизм в контексте истории»* (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1993), том 2, стр. 114–130 [работа была впервые опубликована в 1898 г.].

¹⁰ Шломо Авинери, *«Основные направления в еврейской политической мысли»*, стр. 197.

¹¹ Там же, стр. 210–211.

¹² Вальтер Лакер, *«История сионизма»*, стр. 390.

¹³ Там же, стр. 393.

¹⁴ Шломо Авинери, *«Основные направления в еврейской политической мысли»*, стр. 219.

¹⁵ См.: *«История еврейского национального движения, 1914–1949»* (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1993), стр. 42.

¹⁶ Там же, стр. 47.

¹⁷ Там же, стр. 48.

¹⁸ Там же, стр. 66.

¹⁹ На выборах в Кнессет в 1977 году Рабочая партия впервые уступила правой оппозиции.

²⁰ Шломо Авинери, *«Основные направления в еврейской политической мысли»*, стр. 294.

²¹ Там же, стр. 297.

СУДЬБОНОСНЫЙ ИЮНЬ 1967-го: ОБЪЕДИНЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА КАК СТОЛИЦЫ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

А.Д. Эпштейн,

Открытый университет Израиля
и Институт стран Азии и Африки МГУ
им. М.В. Ломоносова

С.А. Кожеуров,

Институт стран Азии и Африки МГУ

Долгие столетия евреи всего мира повторяли, ни на что особенно не надеясь, «в будущем году – в Иерусалиме». Речь шла о том Иерусалиме, который принято сегодня называть Старым городом (до середины XIX века весь Иерусалим умещался в его стенах), и контроль над которыми был утерян евреями более чем два тысячелетия назад. 8 июня 1967 года, в ходе Шестидневной войны, израильские силы заняли, в частности, и Старый город. Многовековая мечта вдруг неожиданно стала явью, и решать вопрос о ее дальнейшей судьбе должны были политики и юристы, а не раввины и философы. Анализу политико-правовых коллизий, связанных с утверждением израильского суверенитета в Старом городе и в так называемом Восточном Иерусалиме в целом, и посвящена предлагаемая вниманию читателей статья.

На протяжении более чем четырнадцати лет единственной частью занятых в 1967 году территорий, аннексированной Израилем, был Восточный Иерусалим (включая Старый город), находившийся со времени окончания войны 1948 года под контролем Иордании. Решение о присоединении восточной части города к западной, бывшей под израильским контролем, было принято практически сразу после окончания боевых действий Шестидневной войны. Следующее подобное решение – об аннексии Голанских высот – было принято только в 1981 году (соответствующий закон был утвержден в Кнессете 14 декабря), уже в период правления правоцентристского блока «Ликуд» во главе с М. Бегиним, а более никакие территории, занятые

израильской армией в 1967 году, аннексированы не были вообще. Многие государственные деятели (в частности, первый премьер-министр Д. Бен-Гурион, тогдашний глава правительства Л. Эшколь, руководитель его администрации Я. Герцог и другие) выступали за объединение Иерусалима под еврейским правлением. В частности, Моше Даян говорил еще 9 июня 1967 года (т.е., буквально назавтра после захвата восточной части города израильскими войсками), что Израиль сохранит за собой Иерусалим и обеспечит свободу вероисповедания для представителей всех конфессий¹. Однако не забудем и о том, что многие в то время ратовали и за присоединение к Израилю района Гуш-Эцион между Иерусалимом и Вифлеемом и города Хеврон, а также Иорданской долины, но этого сделано не было – ни тогда, ни на протяжении сорока с лишним последующих лет. Таким образом, аннексия Восточного Иерусалима видится во временной перспективе действием еще более особенным, чем это казалось современникам и участникам событий².

Вопрос об аннексии Восточного Иерусалима, обсуждавшийся в правительстве Израиля, практически не вызвал стратегических разногласий. Леви Эшколь (1895–1969) еще 11 июня – то есть, буквально на следующий день после окончания боевых действий – предложил членом правительства объявить об объединении Иерусалима. «Нужно отделить Иерусалим от остальных мест», – подчеркнул премьер-министр³. «Объединение Иерусалима – жизненная необходимость и сердце нации. Оно не подчинено никаким рациональным, политическим, военным или экономическим соображениям – напротив, именно оно и предопределяет все остальные соображения», – говорил Л. Эшколь⁴. Было решено поручить специальной комиссии во главе с министром юстиции Яковом Шимпоном Шапира (1902–1993) в максимально короткий срок выработать процедурные рекомендации, касавшиеся объединения Иерусалима в качестве единой столицы Государства Израиль.

Все министры поддерживали эту идею, за исключением министра образования Залмана Арана (1899–1970)⁵. Опасения, высказанные им, касались возможной жестко негативной реакции на такой шаг со стороны мирового сообщества. Вместе с тем, сроки принятия этого решения дебатировались, причем весьма остро.

Больше всех просил не спешить Аба Эвен (1915–2002), тогдашний министр иностранных дел. Вопрос о территориях, занятых Израилем в 1967 году, обсуждался в то время в ООН, и А. Эвен, находившийся в Нью-Йорке, опасался, что односторонние шаги израильского правительства вызовут намного более жесткую реакцию международного сообщества, чем та, что была бы выражена в их отсутствие. В результате было отложено заседание правительства, запланированное на 20 июня, на котором должны были обсуждаться и утверждаться предложения по вопросу о Иерусалиме, подготовленные межминистерской комиссией во главе с Я.Ш. Шапира. 27 июня вопрос вновь был поставлен на обсуждение, и Аба Эвен вновь попросил об отсрочке – как минимум, на неделю, до окончания обсуждения этого вопроса на Генеральной Ассамблее ООН. Л. Эшколь, в свою очередь, полагал, что подобные отсрочки не служат израильским интересом, служа сигналом о том, что еврейское государство готово к большим уступкам, чем оно было готово на самом деле, однако большинство министров (девять из шестнадцати) выступило в поддержку просьбы А. Эвена, только семеро поддерживали главу правительства. Тогда Л. Эшколь пошел на отчаянный шаг: покинув заседание, он лично позвонил в Нью-Йорк министру иностранных дел, убеждая его снять свои возражения. «Чем больше мы будем ждать, тем сильнее будет международное давление против полного осуществления объединения Иерусалима... Может создаться впечатление, что мы сдаемся международному давлению в вопросе о Иерусалиме», – утешал Л. Эшколь министра иностранных дел⁷. А. Эвен сдался, о чем Л. Эшколь немедленно сообщил членом правительства, после чего решение было принято. В тот же день соответствующее решение было утверждено Кнессетом во всех трех чтениях.

Таким образом, правительство приняло принципиальное решение об аннексии. Израильскому руководству необходимо было решить три важных вопроса: во-первых, каким образом, с формально юридической точки зрения, осуществить аннексию; во-вторых, каковы должны быть границы создаваемого иерусалимского муниципалитета, то есть, фактически, каковы должны быть границы аннексируемой территории; и, в-третьих, какую политику Израиль должен проводить по отношению к арабам, проживающим в восточной части города?

В отношении первого вопроса, по настоянию министра юстиции, был избран путь законодательного закрепления аннексии. Решением правительства создавалась министерская комиссия, которая должна была разработать соответствующие законопроекты. В результате ее работы на обсуждение правительства и на голосование в Кнессете было поставлено три законопроекта. Первым на территорию Восточного Иерусалима распространялось действие израильского законодательства; второй закон предоставлял министру внутренних дел Израиля право определять границы создаваемого иерусалимского муниципалитета; наконец, третий закон гарантировал защиту святых мест. Интересно отметить, что (прежде всего, с целью не привлекать излишнего внимания в ООН) было решено отказаться от принятия отдельного закона об объединении Иерусалима и провозглашении единого города столицей Государства Израиль; соответствующий закон был принят Кнессетом только 5 августа 1980 года⁸. В июне 1967 года было принято другое решение: внести только самые необходимые изменения в несколько уже действовавших законов. Как указывалось выше, 27 июня 1967 года правительство одобрило все три соответствующих законопроекта и немедленно представило их для голосования в Кнессет, где они также были приняты практически без обсуждений. В полночь 28 июня 1967 года обе части города были формально объединены.

Следующей важной проблемой, вызвавшей споры и разногласия, был вопрос о границах аннексируемой территории. Вероятно, единственное, что не обсуждалось и не оспаривалось, — это присоединение Старого города. Комиссию по определению границ возглавлял генерал Рехавам Зеэви (1926—2001, в 1988—2001 гг. — депутат Кнессета, лидер праворадикальной партии «Моледет»; единственный из израильских министров за все время существования государства, убитый палестинскими террористами). Свои предложения он строил, исходя из следующих соображений: максимально возможное расширение аннексируемой территории с тем, чтобы обеспечить городу площадь, необходимую для будущего развития; присоединение к аннексируемой территории аэропорта Атарот; включение в ее состав нескольких источников пресной воды. Кроме того, при проведении границы учитывался демографический фактор, то есть преследова-

лась цель присоединить максимальную территорию с минимальным количеством арабских деревень и, следовательно, арабского населения, на ней.

Однако министр обороны Моше Даян (1915–1981), на утверждение которому был представлен проект, высказал ряд резких возражений. Его не устраивало, прежде всего, то, что на присоединяемой территории находилось целых десять арабских деревень. Однако, парадоксальным образом, даже не это вызвало наибольшие возражения. Главный контраргумент касался того, что объединенный Иерусалим в предлагавшихся границах разделял территорию Западного берега на две части, сообщение между которыми, минуя израильскую столицу, становилось практически невозможным. «Если в будущем мы захотим сделать Западный берег единой административной единицей, ... то нам необходим будет связующий коридор между Хевроном и Вифлеемом [к югу от Иерусалима] и Иерихоном [к западу от него]», – так аргументировал свою позицию Моше Даян⁹. Парадоксальным образом, именно известный своей «ястребиной» политической ориентацией М. Даян беспокоился о том, чтобы израильская аннексия не была «чрезмерной», чтобы в случае передачи территорий под арабский контроль, между Иудеей (южной частью Западного берега) и Самарией (северной частью) оставался бы связующий коридор! Министерская комиссия приняла замечания министра обороны и скорректировала свой проект.

Наконец, третий вопрос, который предстояло решить израильскому руководству, – это вопрос о политике по отношению к арабам, населяющим восточную часть Иерусалима. Вопрос этот имел две составляющие – демографическую, так как на присоединенных территориях проживало около 60 тысяч арабов, и юридическую, так как большинство из них имело иорданское гражданство, и необходимо было решить, давать им израильское гражданство или нет.

Хотя звучали отдельные призывы чуть ли не депортировать все арабское население из присоединенных частей Иерусалима, эта позиция была маргинальной и поддержки не нашла. Зато было принято решение построить новые еврейские кварталы в восточных районах города, и в течение первых десяти лет после объединения города туда переселилось более двухсот тысяч человек. Кроме того,

израильское правительство начало возрождать еврейский квартал Старого города, уничтоженный в ходе войны 1948 года и фактически не существовавший в течение всего иорданского правления.

Проблема предоставления гражданства арабам Восточного Иерусалима была решена следующим образом. Всем им было предложено принять израильское гражданство, однако в директивном порядке оно никому не навязывалось: отказываться ли от гражданства иорданского и принимать ли новое, люди решали сами. Процесс перехода в израильское подданство был довольно длительным, и руководители страны вполне отчетливо осознавали, что не заинтересованы в появлении десятков тысяч новых арабских граждан. Большинство, по тем или иным причинам, часто имея материальную заинтересованность в поездках на Восточный берег, сохранило за собой иорданское гражданство. Израиль же предоставил арабам Восточного Иерусалима статус постоянных жителей, который не давал им права участия в парламентских выборах, но наделял их возможностью принимать участие в выборах муниципальных. При этом Закон о выборах в местные органы власти был изменен – специально для того, чтобы облегчить участие в них арабов Восточного Иерусалима. Согласно закону, участие в муниципальных выборах неграждан, имеющих статус постоянных жителей, не происходит автоматически, а лишь после подачи ими соответствующей просьбы. Применительно к арабам Восточного Иерусалима – и только к ним – это требование было отменено, им было разрешено участвовать в муниципальных выборах в столице страны без подачи каких-либо просьб¹⁰. Впрочем, подавляющее большинство из них этим правом за сорок прошедших с тех пор лет ни разу не воспользовалось, вследствие чего муниципальный совет Иерусалима был и остается исключительно еврейским.

Важно подчеркнуть, что Восточный Иерусалим стал единственной территорией на Западном берегу, которая была аннексирована Израилем, и аннексия эта была закреплена законодательно. Этот факт, впрочем, не помешал Эхуду Бараку и членам возглавлявшийся им делегации на переговоры в Кемп-Дэвиде в июле 2000 года начать-таки разговор о возможности нового раздела города¹¹. Поэтому трудно сказать наверняка, останется ли Иерусалим, как гласит Основной закон, «вечной единой и неделимой столицей Государства Израиль».

¹ Цит. по: Рэндалл и Уинстон Черчилль-мл., *«Шестидневная война»* (Москва/Иерусалим: издательство «Мосты культуры», 2003), стр. 283 [книга опубликована в переводе с издания на английском языке, вышедшего в конце 1967 г.].

² Подробнее об этом см.: Моше Амирав, *«Иерусалимский синдром»* (Иерусалим: издательство «Кармель», 2007) [на языке иврит]; Григорий Меламедов и Алек Д. Эшпштейн, *«Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история»* (Москва – Иерусалим: Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова – Институт Ближнего Востока – Ассоциация «Мосты культуры», 2008).

³ Цит. по протоколу заседания правительства Израиля от 11 июня 1967 г., находящегося в Израильском государственном архиве; см. также: Йоси Гольдштейн, *«Эшколь. Биография»* (Иерусалим: издательство «Кетер», 2004), стр. 582 [на языке иврит].

⁴ Цит. по: Том Сегев, *«1967»* (Иерусалим: издательство «Кетер», 2005), стр. 523 [на языке иврит].

⁵ См.: Shlomo Gazit, *«Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories»* (London: Frank Cass Publishers, 2003), p. 245.

⁶ Цит. по протоколу заседания правительства Израиля от 27 июня 1967 г., находящегося в Израильском государственном архиве; см. также: Йоси Гольдштейн, *«Эшколь. Биография»*, стр. 735, сноски 892.

⁷ Цит. по: Аба Эвен, *«Главы жизни»* (Тель-Авив: «Сифрият поалим», 1978), том 2, стр. 432 [на языке иврит].

⁸ См. официальный текст этого правового акта: Основной закон: Иерусалим – столица Израиля // *«Конституционное право»*, под ред. Р. Длуми и М. Коэна (Гиватайм: издательство «Махшевот», 1998), стр. 244 [на языке иврит].

⁹ Цит. по: Shlomo Gazit, *«Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories»*, p. 246.

¹⁰ См.: Uzi Benziman, «Israeli Policy in East Jerusalem after Reunification» // *«Jerusalem. Problems and Prospects»*, ed. by Joel L. Kraemer (New York: Praeger, 1980), pp. 103–104.

¹¹ См.: Menachem Klein, *«The Jerusalem Problem. The Struggle for Permanent Status»* (Gainesville: University Press of Florida, 2003), особенно стр. 71–81; Алек Д. Эшпштейн, «Опыт прошлого и драмы настоящего. Политическая психология палестино-израильских переговоров об окончательном урегулировании конфликта» // *«Палестинско-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии»* (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004), стр. 11–67.

ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ В ЗЕРКАЛЕ КИНЕМАТОГРАФА: ОТ ЭПОСА – К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДРАМЕ

А.М. Немченко,
Уральский государственный университет
им. А.М. Горького, г. Екатеринбург

Исследовательский интерес к израильскому кино обусловлен несколькими причинами. Во-первых, поскольку кинообраз является инструментом визуальной антропологии, то перед нами уникальный случай – вся история Государства Израиль попала на пленку (государство, как известно, моложе самого молодого вида искусства), благодаря чему собран колоссальный материал кинодокументов. Традиции документалистики – важный факт израильского кинематографа, помогающий ему сегодня активно входить в мировой кинопроцесс (а присутствие и награды израильского кино на ведущих европейских кинофестивалях тому доказательство). Во-вторых, вся история израильского кино может служить матрицей, по которой развивался мировой кинематограф. Родившись в рамках буржуазной культуры, соединив в себе интерес к позитивному знанию и в то же время установку на развлечение, европейский и американский кинематограф первые десятилетия своего существования отстаивал права на признание его в качестве искусства. Так и израильский кинематограф был озабочен, в первую очередь, отнюдь не проблемами киноязыка, а проблемами сугубо прикладными: идеологическими и психотерапевтическими. Так, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. фильмы выпускались скорее в пропагандистских целях; неслучайно в молодой истории израильского кино за этим периодом закрепилось название «сионистский реализм». В-третьих, израильский кинематограф повторяет путь искусства, в целом. Аристотелевская формула «эпос – драма – лирика» работает при рассмотрении становления национально-го кинематографа. Наконец, в-четвертых, современный израильский кинематограф, относительно недавно появившийся на российских

экранах в режиме фестивальных программ (первый фестиваль израильского кино состоялся в Москве в 2001 году, годом ранее израильское кино было показано в Санкт-Петербурге, в Екатеринбурге к настоящему времени прошло шесть фестивалей израильского кино), может служить моделью выстраивания стратегий по работе с массовой аудиторией.

Сионистский реализм в кинематографе затрагивал и семантическую составляющую фильма, и его прагматику. Смысловая сторона фильмов этого периода была пока однозначна: строить, обороняться, ясно понимая, что враг всегда рядом. Жизнь страны в большом пространстве и большом времени (военном и полувоенном) диктовала такие темы, как государственная безопасность, озеленение пустыни, армия, репатриация, киббуцы. Интересно, что в гражданском (Федерация профсоюзов) и военном (Армии обороны Израиля) ведомствах был создан комитет с одним и тем же названием – Отдел кинематографии. Задачи фильмов этого периода схожи с задачами советского военного кино до эпохи «оттепели»: ярко выраженные положительные герои, однозначный образ врага, преобладание дидактических интонаций. Идеальной моделью такого кино может выступить фильм 1955 года «Высота 24 не отвечает». Эпические картины могут быть связаны и с мирными событиями – для Израиля это, в первую очередь, проблемы репатриации, создания так называемого «плавильного котла». Такие фильмы подробно воссоздают контекст событий конца 1940-х – 1960-х годов, времени, ставшего для Израиля периодом великих переселений.

Фильмы сионистского реализма подобны полевым исследованиям антропологов, это – своеобразный народный роман, в котором полифонически звучат разные этнографические голоса. Чаще всего эти голоса конфликтуют, когда дело доходит до следования традициям, родовое определение «еврей» здесь не срабатывает. Для 1960-х гг. таким репрезентативным фильмом была картина «Салах Шабати». Салах Шабати – репатриант из Марокко, который пытается соединить в киббуце, с его новыми традициями, традиции марокканские. Это соединение приводит к комическому несоответствию – как соблюсти традицию выкупа невесты в таком социуме, где частные деньги отсутствуют? Как связан факт «купли-продажи» с любовью?

Частным проявлением эпического сионистского реализма можно считать и комедийную линию израильского кино – в 1970-е годы комедии о жизни страны и ее жителях, преимущественно, сефарадах, так непохожих на европейцев, называли «бурекасами». Традиции кинематографического «народного романа» дожили и до XXI века. Так, в фильме «Поворот налево в конце света» Ави Ашера на одном пространстве суждено оказаться репатриантам из Индии и Марокко. Одни считают себя англичанами, другие французами, снобизм тех и других задает комическую атмосферу фильма. В современном эпическом кинематографе очень отчетливо прослеживается тема Другого. Здесь мы сталкиваемся с особенностью именно израильской культуры, которая вся творится из разных Других. Мир в стране зависит не только от состояния армии и готовности к наступлению врагов; дорога к миру выступает как тяжелая индивидуальная работа по признанию Другого. Часто эту работу берут на себя взрослеющие дети. В ленте А. Ашера две абсолютно непохожие друг на друга подружки, вышедшие из разноязыких семей, общаются между собой на иврите, именно им предстоит пережить измену и предательство, испытать «очищение» трагедией, а в результате, поставить на место завравшихся взрослых.

Израильские фильмы, показанные на российских экранах в последние годы, отличаются явным переносом акцентов с большого (в бахтиновском понимании) пространства и времени на локальное. Чаще всего таким локальным пространством оказывается семья. Интерес к семье – отличительная черта эпических, драматических, комических израильских фильмов. В кинематографе сионистского реализма семья выступала важной составляющей эпического повествования о традициях народа, она явно мифологизировалась, задавая рамки эталона избранности народа. В более поздний период, условно называемый «плюралистическим реализмом», мы наблюдаем процесс демифологизации традиционных ценностей и представлений об исключительности еврейских традиций. Сухая в научном смысле диалектика традиционного и современного в фильме Амоса Гитан «Кадош» приобретает трагический характер. Перед героинями фильма, молодыми женщинами из ортодоксальной общины, стоит экзистенциальная проблема выбора: есть ли шанс у современных женщин

быть счастливыми? Какова цена счастья? Насколько распространяется власть общины? Что из себя представляет пространство частной жизни и индивидуальной свободы в общине? Интересно, что психологическая драма остается верной традициям, сформированным в период сионистского реализма – это тщательно воссозданная картина жизни, множество мелочей, представляющих для израильского зрителя этнографический интерес.

Традиционный взгляд на сакральность еврейской семьи подвергается серьезному переосмыслению в картинах последних лент. Так, Ронит и Шломи Элькабец в фильме «И взять себе жену» передают атмосферу ада в семье, где есть все формальные составляющие счастья: четверо здоровых детей, помогающий на кухне муж, родственники, достаток... Ронит Элькабец до боли убедительно играет женщину, которая просто не любит мужа. Ситуация истинно трагическая: правы оба, и страдающий муж, и измученная собой жена, но разрешить конфликт банальным разводом не удастся – традиция в виде огромного количества родственников удерживает людей в семье. В израильских лентах мы оказываемся свидетелями разных семейных традиций – от ультраортодоксальной ашкеназской до исламизированной марокканской, но независимо от того, насколько жестко придерживаются люди традиции, истории о семье – это всегда больше, чем история конкретной пары, это история столкновения индивидуального сюжета с сюжетом, прописанным вековыми традициями.

Демифологизация традиций в израильском кино представлена и в более жестких вариантах. Так, в фильме Карен Едаи «Свет» не просто отсутствуют семейные традиции, в нем подвергаются жесткому анализу иерархия традиционных ценностей. Полуголодная Ордант полы и не гнушается никакой работы, чтобы спасти мать-проститутку, но жертвенность девочки, в конечном итоге, приводит ее же на панель. Еще более страшный вариант детской жертвенности во имя семейных традиций дан в фильме «На первый взгляд» Даниэля Сыркина. Инцест в этом фильме рассматривается не только как болезнь отца, но и как результат страха и стыда всех членов семьи перед окружающим миром. Названные фильмы демонстрируют очень важную позицию художника – позицию честного и жесткого анализа вещей, традиционно не обсуждаемых публично.

Израильское кино создается в ситуации постоянной напряженности. В такой ситуации возможны разные стратегии работы с массовым сознанием: от мифологизации собственной истории, традиций (так работало тоталитарное искусство) до демифологизации, своеобразного оперативного вмешательства в тело собственной культуры. Израильский кинематограф выбирает очень продуктивный путь – путь честного взгляда на себя и пытается понять и разглядеть Другого.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.

**ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА
ИЗРАИЛЯ: МЕЖДУ ВОЙНОЙ И
МИРОМ**

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ИЗРАИЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

Е.А. Иванова,

Уральский государственный университет
им. А.М. Горького, г. Екатеринбург

Процесс «собираия» всех евреев на исторической родине породил феномен иммигрантского переселенческого общества со сложной мозаикой культурных, религиозных и этнических взаимоотношений. По некоторым данным, евреи, переселявшиеся в Израиль, были выходцами из 103 стран и говорили на семидесяти различных языках¹ (интересен тот факт, что еще в начале XX века иврита в качестве разговорного языка, по сути, не существовало – он был возрожден практически единоличными усилиями одного из первых переселенцев Э. Бен-Иехуды²). Это были люди из разных «миров», со своим культурным багажом, ценностями и традициями, обретенными в «чужой» земле. Поэтому, неудивительно, что процесс формирования единой еврейской нации протекал достаточно болезненно, сопровождался острыми конфликтами и взаимными претензиями. Между тем, многие из этих проблем и по сей день не утратили своей актуальности.

Одним из существенных препятствий на пути становления единой ивритской культуры являются различия между двумя основными группами еврейского населения: *ашкеназами* – выходцами из Западной и Восточной Европы, а также Америки и *сефардами* – евреями, прибывшими на землю Израиля из стран Средиземноморья, Балкан и, прежде всего, с ближневосточных территорий.

До 1882 года *сефарды* составляли большинство (около 60%) еврейского населения Палестины/Эрец-Израэль. Однако с началом массового переселения евреев из стран Европы ситуация изменилась кардинальным образом, и уже к 1948 году *ашкеназы* составляли приблизительно 77% населения учрежденного в том же году Государства Израиль. Именно они внесли основной вклад в создание независи-

мого еврейского государства, заложив в его основание принципы, которые во многом были чужды «восточной» части израильского еврейства.

С началом массовой иммиграции *сефардов* состав населения Израиля вновь резко изменился: уже к началу 1960-х годов около 60% израильтян составляли именно евреи «восточного» происхождения, в основном из Северной Африки. Сегодня на долю евреев-уроженцев арабских стран приходится около половины еврейского населения Израиля. Из них едва ли не половину составляет община марокканских евреев, численность которых в конце 1990-х гг. превышала 500 тысяч человек³.

Произошедшие в этнической структуре израильского общества перемены не могли не сказаться на всем ходе его развития. Сам процесс адаптации «восточных» евреев к доминирующей ашкеназийской культуре проходил чрезвычайно болезненно. Многие из переселившихся в Израиль *сефардов* были глубоко религиозными людьми (к примеру, выходцы из Йемена), которые практически ничего не знали о нормах и ценностях израильского общества и вообще не имели понятия, кто такие «эти неверующие ашкеназим». Следовавшие Галахе, они с испугом и осуждением наблюдали непривычный для них секулярный *ашкеназский* образ жизни. Но самым худшим для них было то, что далеко не все израильтяне соблюдали религиозные обряды и, прежде всего, святость Субботы. Все это рождало в выходцах из «восточных» общин чувство отчужденности, неприятия местных обычаев и традиций⁴.

Ситуация усугублялась еще и тем, что *ашкеназы*, со своей стороны, зачастую с высокомерием и пренебрежением относились к своим «восточным» соплеменникам, считая их примитивными и даже более грубо – представителями «иудаизма каменного века».

Социальный статус «восточных» евреев долгое время также был намного ниже, чем евреев европейского происхождения и уроженцев Израиля (*сабр*). Этому способствовали, в частности, и особенности социально-экономического и культурного развития стран, из которых прибывали «восточные» евреи.

В отличие от большинства *ашкеназов*, *сефарды* зачастую вынуждены были оставлять все свое имущество на своей «прежней» родине:

только при выполнении этого условия местные власти соглашались выпустить их из страны. Такова, в частности, была участь йеменских и иракских евреев. В свою очередь, молодое израильское государство не обладало достаточными ресурсами для обеспечения даже минимально приемлемых условий жизни столь большого числа неимущих переселенцев. Их селили в специальных «транзитных лагерях» (*маабарот*)⁵, откуда их в последствии, часто без их согласия, переправляли либо в кооперативные поселения (иммигрантские мошавы), либо в т.н. города развития, расположенные в периферийных районах страны. В результате возникали целые поселения, гомогенные или почти гомогенные по своему этническому составу, которые по сути являлись беднейшими в государстве⁶.

На протяжении длительного периода времени «восточные» евреи отставали от «западных» по многим показателям: по уровню доходов (даже уже в 1984 году доход средней *сефардской* семьи составлял только 78% от одного средней ашкеназской семьи⁷), образования, профессиональной подготовки и т.д.

Все это стимулировало возростание недовольства среди евреев-выходцев из стран Востока и по отношению к лейбористскому политическому руководству страны, и по отношению к *ашкеназам*, которые находились в более выгодном положении. Временами это недовольство приобретало форму активной борьбы. Так, в июле 1959 года в одном из беднейших районов Хайфы (Вади Салиб), населенном преимущественно евреями марокканского происхождения, вспыхнули массовые беспорядки, сопровождавшиеся погромами магазинов и т.д. Это были первые в Израиле вспышки насилия подобного рода.

События лета 1959 года обнажили серьезные социальные проблемы, долгое время находившиеся в тени нескончаемой борьбы за независимость и обеспечение безопасности, которую Государство Израиль вело с самого момента своего создания. В обществе вспыхнула бурная дискуссия, главным предметом которой стал глубокий социально-экономический разрыв между двумя его крупнейшими сегментами. Открывшиеся противоречия даже побудили некоторых заговорить о существовании «второго Израиля»⁸.

В начале 1970-х годов в стране вспыхнули новые беспорядки. В роли их основных зачинщиков выступили члены леворадикальной орга-

низации восточных евреев, носившей (отнюдь неслучайно) громкое имя «Черные пантеры»⁹. Представители этого движения в открытую заговорили о существовании в израильском обществе этнического конфликта. «Наша организация возникла в результате горечи и обид, накопившихся с начала прибытия первых европейских поселенцев в страну... наша организация является первым выражением сопротивления евреев Востока. Сопротивления, продолжающегося столько же, сколько мы знаем *ашкеназских* евреев»¹⁰, – говорилось в печатном органе движения – бюллетене «Черные пантеры».

В 1971 году «Черные пантеры» провели ряд демонстраций в крупных городах страны, вызвавших широкий резонанс в израильском обществе, которые, наконец, заставили правительство обратить внимание на проблемы восточных евреев. Были даны обещания принять меры для улучшения их положения. Некоторые требования сефардов, действительно, были удовлетворены. В частности были увеличены пособия по безработице. Но в целом ответ на выступления восточных евреев был импульсивным и частичным¹¹.

В первые десятилетия государственной независимости Израиля процесс повышения социального статуса представителей «восточных», прежде всего марокканской, общин и привлечения их лидеров во властные структуры проходил чрезвычайно медленно. Путь *сефардов* к власти долгое время был весьма тернист. Он начался с городов развития, преимущественно населенных «восточными» евреями, где с 1960-х годов их представители начали доминировать в некоторых муниципальных органах и были избраны мэрами. На национальном уровне *сефардам* также удалось достичь больших высот: среди них – бывшие президенты страны Ицхак Навон и Моше Кацав, министры иностранных дел Шломо Бен-Ами и Сильван Шалом, министры обороны Биньямин Бен-Элизер, Ицхак Мордехай, Шауль Мофаз и Амир Перец и другие. Однако произошло это значительно позже.

Между тем, разделительная линия между *ашкеназами* и *сефардами* пролегает и по политическому полю, в существенной степени определяя расстановку политических сил в стране.

Начиная с середины 1970-х годов избиратели из «восточных» общин стали переходить на сторону главного соперника лейбористов – блока «Ликуд», который, во многом именно благодаря подде-

рже *сефардов*, сумел выиграть выборы в Кнессет девятого созыва и стать правящей партией в стране¹². Более того, с течением времени «восточные» общины создали собственные этнические партии, которые должны были защищать их от этнической дискриминации. Значение появления на политической арене такого рода политических партий трудно переоценить. Особую роль в деле укрепления позиций сефардских общин сыграла партия ШАС, которая на выборах в Кнессет в 1999 году получила 17 мандатов, став третьей по размеру фракцией в парламенте страны (на выборах 2006 года эта партия получила 13 мандатов)¹³.

Тем не менее, несмотря на оптимистичную положительную динамику в процессе интеграции израильского общества, преодоления обособленности «восточных» общин, «выравнивания» социально-экономического и политического статуса *сефардов* и *ашкеназов*, противоречия между последними, как считают и израильские, и зарубежные исследователи, в ближайшие годы сохранят свое значение. Процесс формирования единой израильской нации будет еще долгим¹⁴.

¹ См.: Helen Chapin Metz (ed.), *Israel: A Country Study* (Washington: GPO for the Library of Congress, 1988), раздел 48 («Jewish Ethnic Groups»).

² О возрождении иврита см. блестящую книгу: Бенджамин Харшав, *«Язык в революционное время»* (Москва: издательство «Текст», 2008), стр. 163–356 [книга опубликована в переводе с издания на английском языке, выпущенного в 1993 г.]

³ См. фундаментальную монографию: И.Д. Звягельская, Т.А. Карасова и А.В. Федорченко, *«Государство Израиль»* (Москва: Институт востоковедения РАН, 2005), стр. 405.

⁴ Там же, стр. 405.

⁵ О сложностях с обеспечением жильем выходцев из стран Востока, прибывших в Израиль в конце 1940-х – в 1950-е гг., см.: Яэль Энох, «Репатриация и абсорбция» // *«Становление израильской демократии. Первое десятилетие»*, книга 1 (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001), стр. 153–163.

⁶ О создании «городов развития» и их проблемах см.: Дан Гилады и Арнон Голан, «Урбанизация и городское планирование» // *«Общество, экономика и культура Израиля. Первое десятилетие»*, книга 1 (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2002), стр. 152–166.

⁷ См.: Helen Chapin Metz (ed.), *Israel: A Country Study*, раздел 51 («Ethnicity and Social Class»). Подробный анализ этого вопроса представлен в книге: Eliezer Ben-Rafael and Stephen Sharot, *«Ethnicity, Religion, and Class in Israeli Society»* (Cambridge University Press, 1991).

⁸ См.: Helen Chapin Metz (ed.), *Israel: A Country Study*, раздел 50 («The Second Israel»).

⁹ Первой опубликованной научной работой об этом движении стала статья: Erik Cohen, «The Black Panthers in Israeli Society» // *«Jewish Journal of Sociology»*, vol. 14, no. 1 (1972), pp. 93–110.

¹⁰ Цит. по: Михаэль Дорфман (Дан Михаэль), «Черные пантеры в Израиле» // *«Заметки по еврейской истории. Интернет-журнал еврейской истории, традиции, культуры»*, №3 (2002), pp. 93–110, <http://berkovich-zametki.com/Nomer3/Panthers1.htm>.

¹¹ И.Д. Звягельская, Т.А. Карасова и А.В. Федорченко, *«Государство Израиль»*, стр. 407.

¹² Первой опубликованной научной работой о пути «Ликуда» к власти стала книга: Yonathan Shapiro, *«The Road to Power. Herut Party in Israel»* (Albany: State University of New-York Press – SUNY Series in Israel Studies, 1991).

¹³ Об общественно-политических движениях, созданных «восточными» евреями в Израиле, см.: Бениамин Нойбергер, *«Политические партии в Израиле»* (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1998), стр. 293–297 (о партии ТАМИ) и стр. 262–268 (о партии ШАС).

¹⁴ См. обсуждение этой темы в книге: Eliezer Ben-Rafael и Yochanan Peres, *«Is Israel One: Religion, Nationalism, and Multiculturalism Confronted»* (Leiden: Brill Academic Publishers, 2005).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРТИИ «ЛИКУД» В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН В ИЗРАИЛЕ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ

И.М. Баулина,
Санкт-Петербургский
государственный университет,
менеджер академических проектов НОФ
«Русское общество друзей
Еврейского университета в Иерусалиме»,
Москва

События двух последних десятилетий, среди которых нельзя не отметить масштабную иммиграцию из СССР/СНГ, значительно изменили весь социально-демографический облик израильского общества. За последние двадцать лет в стране произошли также существенные экономические, политические, культурные перемены. Обращаясь к изменениям в политической сфере, в частности, определяя место партии «Ликуд», долгое время являвшейся крупнейшей партией Израиля (именно как лидеры «Ликуда» премьер-министрами Израиля последовательно стали М. Бегин, И. Шамир, Б. Нетаниягу и А. Шарон; в «Ликуде» провел большую часть своей политической жизни и нынешний премьер-министр Израиля Эхуд Ольмерт), можно выделить, как минимум, три значительных фактора.

Одним из факторов, повлиявших практически на все сферы израильского общества, несомненно, стал переговорный «процесс Осло» и его последствия. Можно последовательно проследить, как за динамикой мирного процесса от периода его «расцвета» (1993–1995 гг.) до его краха с началом «интифады Аль-Акса» (2000 год), изменяется израильское общество, а с ним меняется и структура партийной системы¹.

Для партии «Ликуд» переговорный процесс с лидерами ООП, начатый представителями «левых», изначально противоречил собственной идеологической и политической платформе, ведь именно

жесткая политика по палестинскому вопросу определяла основу внешнеполитической доктрины «Ликуда» в течение предыдущих лет. Однако в 1994 году депутаты от «Ликуда» проголосовали за ратификацию мирного договора с Иорданией, тем самым, признавая за сопредельным государством право на территории древнего еврейского царства. (Что, понятно, очевидным образом противоречило гимну ревизионистского движения: «Два берега у Иордана, этот – наш, и тот тоже»). Однако если даже в конце 1980-х годов у «Ликуда» еще оставалась возможность вести противоборство с «левыми» на основе традиционной программы «единого и неделимого» Израиля, то с продвижением мирного процесса это становилось сложнее. Новая геополитическая ситуация в регионе заставила внести коррективы в программные документы ведущей правоцентристской партии страны. В новой редакции программы партии, обнародованной в октябре 1994 года, фактически допускалась потеря суверенитета над территориями с высокой плотностью арабского населения, но полностью исключалась возможность создания независимого палестинского государства. В программе было подтверждено и несогласие «Ликуда» с идеей ухода Израиля с Голанских высот, пусть даже и в рамках мирного договора с Сирией. С этой программой «Ликуд» готовился выйти на выборы 1996 года². Однако, став премьер-министром, Б. Нетанияху вынужден был продолжать переговорный процесс с ООП. Его попытка уклониться от контактов с Я. Арафатом обернулась масштабными волнениями в сентябре 1996 года (в них с обеих сторон погибли более восьмидесяти человек), которые были остановлены только после личной встречи двух лидеров под патронажем президента США.

Реализуя новую для партии политику, в 1997 году Б. Нетанияху подписывает протокол о передислокации в Хевроне, а в 1998 году – соглашение Уай-Плантейшн. Так в соответствии с меморандумом Уай-Плантейшн, подписанным 23 октября 1998 года представителями Израиля и ООП, территория, находившаяся под полным контролем Палестинской администрации (зона «А») увеличивалась почти в шесть раз – до 18% всей территории Западного берега. Кроме того, Израиль согласился значительно увеличить площадь зоны «В» (в ней Палестинской администрации передавались все полномо-

чия в гражданских сферах, тогда как Израиль продолжал сохранять свои полномочия в сфере обеспечения безопасности), которая достигла в итоге 22% территории Западного берега³.

Так партия «Ликуд» шаг за шагом отходило от своих, казалось, основополагающих идеологических позиций. Обращает на себя внимание то, что с момента прихода к власти в 1977 году представители «Ликуда» трижды оставляли «идеологические рубежи»: сначала в обмен за мирное соглашение с Египтом премьер-министр М. Бегин согласился на полный уход Израиля с Синайского полуострова; в середине 1990-х годов Б. Нетанияху передал под контроль ПНА Хеврон и ряд других районов на территории Западный берег реки Иордан; в 2003 году А. Шарон выдвинул (и в 2005 году – осуществил) план вывода израильских сил и поселений из Газы и Северной Самарии – это, впрочем, и раскололо «Ликуд» надвое, вследствие чего возникла партия «Кадима» [«Вперед»].

Значительным фактором изменений в израильском обществе последних десяти лет XX века можно считать приезд в Израиль так называемой «большой алии» репатриантов из стран бывшего Советского Союза. Израильские партии неожиданно столкнулись с огромным пластом потенциальных избирателей. Новые израильтяне основали свои движения, а затем и партии, представляющие интересы этой группы населения. Именно голосование «русской улицы» решило судьбу практически всех парламентских выборов 1990-х годов⁴.

«Ликуд», как и его главный соперник – Партия Труда, еще перед выборами 1992 года начал борьбу за «русского» избирателя (на сегодняшний день – это около 15% электората). Возникают необходимость ведения агитации на русском языке и потребность «бронирования» за «русскими» кандидатами мест в партийном списке. Однако место, забронированное в 1999 году для Владимира (Зеэва) Гейзеля, оказывается непроходным, и он так и не стал депутатом; место, забронированное для русскоязычного кандидата в 2003 году, занял абсолютно неизвестный в общине Михаил Горловский, привлеченный впоследствии к суду за категорически запрещенное в Кнессете «двойное» голосование (за себя и отсутствовавшего в зале товарища по фракции). В 2006 году для русскоязычного кандидата было забронировано 15-е место, но из-за провала партии на всеобщих выборах

и оно оказалось непроходным. Занявший его Юлий Эдельштейн сумел попасть в Кнессет лишь спустя год, в конце февраля 2007 года, после того, как несколько депутатов добровольно сложили с себя полномочия парламентариев.

И, наконец, еще один важный фактор, который повлиял непосредственно на политическую систему государства и на облик партии «Ликуд» – изменение закона о выборах (введение прямого голосования за премьер-министра в 1992 году и отмена этого закона после выборов 2001 года). Введение нового порядка голосования двумя бюллетенями (отдельно за партию и отдельно – за премьер-министра) было обусловлено необходимостью укрепить позиции премьер-министра и его независимость от политического шантажа со стороны небольших партий⁵. В свою очередь, увеличение электорального барьера с 1 до 1.5% перед выборами 1992 года и до 2.5% – перед выборами 2006 года, должно было снизить количество представленных в израильском парламенте партий, укрепив крупнейшие из них.

Снижение доли крупных партий (эта тенденция обозначилась с середины 1980-х годов) могла привести к дестабилизации политической системы, так как давало небольшим партиям больше возможностей для коалиционных торгов, ставя лидеров страны в зависимость от совершенно периферийных по своему значению факторов (например, летом 1990 года только вмешательство Любавичского ребе М.М. Шнеерсона, запретившего депутату от ортодоксальной религиозной партии «Агудат Исраэль» Аврааму Вердигеру поддерживать в «левое» правительство, сорвало утверждение Шимона Переса премьер-министром Израиля). Премьер-министр же, избираемый всеми гражданами страны, должен был, по замыслу сторонников реформы, стать независимой фигурой, обладающей широкой свободой действий при формировании правительства.

На практике, однако, введение этого закона привело лишь к увеличению числа предвыборных блоков и соглашений. Возможность же голосовать одним бюллетенем за вопросы «общегосударственной» значимости (находящиеся в ведении премьер-министра), а другим – за партию, представляющую секторальные интересы, не только не снизила роль небольших партий, но, напротив, увеличи-

ла их количество и суммарное представительство в Кнессете. Это, в свою очередь, привело к еще большему снижению роли крупных партий, и в том числе – «Ликуда».

Уместен вопрос, что же является причиной усиления сегментации израильского парламента – ход переговорного процесса, который привел к постепенному размыванию различий между двумя ведущими партиями, или введение новой модели голосования? Исследователи отмечают, что «новая система действительно усилила тенденции секториализма, что отрицательным образом повлияло на положение двух крупнейших партий, [однако...], нет достаточных оснований для того, чтобы считать, что этот процесс не имел бы место, если бы продолжала действовать старая система...»⁶. Увеличение количества мелких партий вместо усиления крупных (что ожидалось от реформы) косвенно свидетельствует, что дело не только в системе голосования.

Перед первыми прямыми выборами премьер-министра, состоявшимися в 1996 года, «Ликуда» был вынужден пойти на соглашение с небольшими партиями («Гешпер» и «Цомет»), забронировав для них по семь мест среди первых 40 кандидатов в объединенном списке, для того, чтобы те поддержали кандидатуру Б. Нетанияху на пост премьера. Таким образом, новая система вынудила «Ликуда» пойти на уступки, в результате которых на парламентских выборах партия потеряла более десяти мест, отданных партнерам по блоку. На выборах 1996 года две крупнейшие партии в сумме получили 66 мандатов (в наиболее успешном для них 1981 году – 95), на выборах 1999 года – только 42 (еще четыре мандата получили партнеры Партии Труда по созданному ею блоку «Единый Израиль»). Последние прямые выборы премьер-министра состоялись в 2001 году (отдельно от выборов в Кнессет), после чего система голосования двумя бюллетенями была отменена.

Досрочные выборы 28 января 2003 года проходили в условиях продолжавшейся интифады. Из двадцати девяти поданных заявок на участие в выборах лишь тринадцать партий преодолели electoralный барьер, составлявший тогда 2%. Партия «Ликуда» во главе с Ариэлем Шароном получила 38 мандатов, став крупнейшей в Кнессете. Партия Труда получила лишь 19 мандатов и осталась в

оппозиции. Количество мелких партий, представленных в Кнессете, сократилось до восьми.

Однако инициированный Ариэлем Шароном так называемый «план одностороннего отмежевания» не только раскалывает израильское общество на его сторонников и противников, но и, в конечном счете, раскалывает и сам «Ликуд». Сначала из правительства вышел бывший министром финансов Б. Нетанияху, а затем и сам А. Шарон в ноябре 2005 года покинул «Ликуд», создав собственную партию «Кадима». На выборах, прошедших в марте 2006 года, позиционирующая себя как центристская партия «Кадима» занимает первое место; «Ликуд» же получает рекордно малое количество мест в Кнессете (12 мандатов), занимая лишь четвертое место (меньше «Ликуд» получил лишь однажды – на выборах в Кнессет второго созыва в 1951 году).

Правомерно задаться вопросом о том, является ли нынешняя расстановка партий на политической карте Израиля необратимой? Можно ли говорить о переходе израильской партийной системы на новый этап, например, трехпартийности или к многопартийной системе? Вполне вероятно, что израильская партийная система вернется к доминированию двух партий. В ситуации продолжающейся конфронтации с правящим в Газе «Хамасом» и сохраняющей свои позиции в Ливане «Хезболлой» система может вернуться к доминированию двух партий, хотя едва ли они вернут себе те позиции, которые они занимали до середины 1980-х годов. Вероятнее всего, этими доминирующими партиями вновь станут «Ликуд» и Партия Труда. Партия «Кадима», по крайней мере, если она будет продолжать сегодняшнюю политику, едва ли продержится более одной каденции, если только она не создаст блок, например, с Партией Труда. В силу продолжающейся тяжелой ситуацией в сфере безопасности все шансы выйти вперед имеет именно «Ликуд», имеющий на сегодняшний день наиболее сильные позиции в опросах общественного мнения и не ассоциирующийся с провальной Второй ливанской войной лета 2006 года.

¹ Подробнее об этом см: И.М. Баулина, «Динамика арабо-израильских переговоров 1990-х годов и их влияние на социально-экономическую и политическую жизнь израильского общества» // *«Материалы Одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике»* (Москва, 2004), книга 1, стр. 467–477 и И.М. Баулина, «Два года интифады: социально-экономические и политические последствия

для израильского общества» // *«Израиль и ближневосточный конфликт в исследованиях молодых российских учёных: от Кемп-Давида до интифады Аль-Акса»* (Москва: Русское общество друзей Еврейского университета в Иерусалиме; «Тирош» – труды по иудаике, 2005), стр. 56–67.

² См.: Т.А. Карасова, «Ближневосточное урегулирование и израильское общество» // *«Ближний Восток и современность»*, №7 (1999), стр. 70.

³ См.: А.Д. Эпштейн, *«Бесконечное противостояние. Израиль и арабский мир: войны и дипломатия»* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2003), стр. 145.

⁴ Подробнее об этом см.: Владимир (Зев) Ханин, *«“Русские” и власть в современном Израиле. Становление общины выходцев из СССР/СНГ и ее роль в политической структуре страны на рубеже XX и XXI веков»* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2004).

⁵ См.: Тamar Герман, *«Выборы и поведение избирателей»* // *«Власть и политика в Государстве Израиль»*, книга 9 (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2000), стр. 83–93.

⁶ Фрагмент из отчета Ш. Вайса, посвященного причинам электорального поражения Ш. Переса на выборах 1996 г., цит. по: Т. Герман, *«Выборы и поведение избирателей»*, стр. 92–93.

НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА МЕЖДУ ИЗРАИЛЕМ И ФРГ

М.А. Куткина,

Уральский государственный
университет им. А.М. Горького,
Екатеринбург

Установлению дипломатических отношений между ФРГ и Израилем в 1965 году предшествовал долгий процесс преодоления взаимного недоверия и сопротивления, как среди политической оппозиции, так и среди граждан обоих государств. Это стало значительным шагом вперед на пути, намеченным главой Всемирного еврейского конгресса Нахумом Гольдманом (1895–1982), первым премьер-министром Израиля Давидом Бен-Гурионом (1886–1973) и первым федеральным канцлером пост-гитлеровской Германии Конрадом Аденауэром (1876–1967).

Прошлое двух народов навсегда наложило неизгладимый отпечаток на их отношения. Однако, как это не парадоксально, сразу же после образования Государства Израиль обе страны стали искать пути взаимного сближения, так как для их руководителей было очевидно, что полное отсутствие контактов между немцами и евреями не может продолжаться вечно.

Налаживание отношений шло очень медленно: на пути обоих государств, возникших почти одновременно (в 1948 году – Израиль, в 1949 году – ФРГ) стояло множество препятствий, как внутренних, так и внешних. После окончания войны немцы были поглощены собственным бедственным положением, им предстояло восстановить из руин разделенную на несколько оккупационных зон страну. С другой стороны, память о Холокосте довлела над любыми политическими процессами, происходившими в Израиле в первые годы его существования.

Однако на повестку дня обоих государств встали новые задачи. Израиль с первого дня своего существования был вынужден вести войну с арабскими странами, речь шла о самом существовании ев-

рейского государства. Кроме того, в Израиль устремились европейские евреи, пережившие Холокост, и иммигранты, прежде сдерживаемые мандатарием Палестинской территории – Великобританией. Большинство из них не имело средств к существованию. В результате Израиль оказался в критической ситуации, выходом из которой могла быть лишь помощь извне – экономическая и военная, найти которую было крайне тяжело в условиях послевоенной разрухи.

Страной, наиболее подходящей на роль финансового донора, оказалась оккупированная союзниками Западная часть Германии, а впоследствии ФРГ. Это было связано с тем, что, во-первых, существовала возможность потребовать компенсаций за совершенные преступления, даже несмотря на жесткую критику всех компенсационных проектов со стороны израильской общественности¹. Во-вторых, благодаря плану Маршалла Германия имела возможность производить репарационные и компенсационные выплаты. В-третьих, в обмен на значительную экономическую помощь по «плану Маршалла» союзники, прежде всего Соединенные Штаты, требовали гарантий демократического развития страны, что в первую очередь означало необходимость полной денацификации, которая подразумевала осознание совершенных преступлений и начало израильско-германских отношений.

В Израиле в первые годы его существования сложилась двоякая ситуация: с одной стороны, в официальных политических и общественных кругах существование ФРГ попросту игнорировалось, с другой стороны, слышались одиночные протесты по поводу того, что от Германии не поступало никаких извинений или компенсации за совершенные преступления и разграбленное еврейское имущество. Из этого делался вывод о неудаче денацификации, о неспособности «новой Германии» оторваться от наследия прежнего режима.

Многие евреи – и в Израиле, и в странах диаспоры – считали, что ФРГ должна принести извинения и выплатить компенсацию за страдания еврейского народа: «С самого окончания войны евреи всего мира ждут декларации от немецкого народа и его правительства с призывом искупить грехи прошлого. До сих пор лишь очень немногие немцы принесли покаяние и потребовали действий от германского правительства... В течение шести лет после падения нацистского

режима немцы и их правительство хранят молчание»². В то же время, в 1951 году, когда 47 государств заявили о прекращении состояния войны с Германией, премьер-министр Израиля Д. Бен-Гурион выразил протест, ссылаясь на то, что руководители ФРГ так и не высказали официального осуждения политики А. Гитлера по отношению к евреям, и что в сознании немецкого народа мало что изменилось с тех пор³. Это заявление было сделано в начале августа 1951 года и вызвало протест в немецких СМИ. Однако вплоть до 31 августа ФРГ вновь хранила молчание, причины которого опять же были неясны мировому сообществу: либо это свидетельствует о нежелании правительства ФРГ возлагать на себя какие-либо обязательства материального характера перед Израилем и еврейством диаспоры, либо же правительство просто пока не выработало согласованной позиции по этому вопросу.

Так или иначе, 31 августа реакция ФРГ на слова Д. Бен-Гуриона все же последовала, став, таким образом, первой попыткой начать диалог с Израилем. Рудольф Кюстермайер, редактор одной из ведущих газет Западной Германии *«Die Welt»*, вместе с журналистом Эрихом Лютом опубликовал в своем издании две статьи, продублированные затем в *«Die neue Zeitung»*, а также по радио. Соавтор Р. Кюстермайера Э. Лют – главный инициатор этого выступления – был одним из тех немцев, которые публично признали принятие на себя ответственности за последствия национал-социализма в Германии. В конце 1940-х годов он искал пути сближения с различными общественными структурами Франции, в Гамбурге устраивал дискуссионные клубы, где обсуждались причины и последствия массового антисемитизма в Третьем рейхе⁴.

Выражая официальную позицию западно-германского руководства Р. Кюстермайер и Э. Лют заявили о готовности начать диалог с Израилем: «Все, что мы можем сделать для того, чтобы как-то положить начало [процессу примирения], это вести разговор с евреями в Германии и Израиле. Ни Израиль, находящийся сегодня в столь тяжелом положении, ни отдельные евреи, испытавшие безграничный страх и понесшие невосполнимые потери, спасаясь из нацистских концлагерей, не могут первыми вымолвить слово. Мы – именно те, кто должны начать! Мы должны сказать: мы просим у Израиля

мира... Мы должны подать пример, который в то же время был бы знаком нашей готовности вести борьбу против остатков антисемитизма с тем же напором и прямотой, с какими мы атакуем любые новые проявления антисемитизма. Мы должны донести до них свой призыв к миру... с выражением скорби за шесть миллионов невинных жертв и с благодарностью за те неисчислимы блага, которые создал еврейский народ во всем мире и в Германии»⁵.

Это заявление всколыхнуло Западную Германию. Затем последовало несколько обращений Э. Люта к немецкому народу, в которых он неизменно подчеркивал, что именно немцы первыми должны высказать настойчивый призыв к миру с Израилем, и каждый раз подобные попытки начать диалог вызывали крайне неоднозначную реакцию среди немцев.

Таким образом, в 1951 году впервые была сделана попытка покончить с многолетним избеганием двумя государствами любого упоминания друг о друге. Главной целью выступления было определить отношение в обществе к проблеме как в ФРГ, так и в Израиле. Кроме того, теперь правительство ФРГ ждало неофициальных высказываний со стороны израильтян, некоего ответа, без которого сложно было определить, настроен ли Израиль на какой-либо диалог с немцами вообще.

Всего через месяц был сделан еще более решительный шаг: на этот раз Конрад Аденауэр уже на правительственном уровне, в качестве федерального канцлера поднял этот вопрос. Помимо разговора о моральной ответственности немецкого народа, К. Аденауэр уже вполне определенно заявил, что «федеральное правительство готово совместно с представителями мирового еврейства и Государства Израиль искать решение проблемы возмещения ущерба с тем, чтобы облегчить безграничные душевные страдания невинных жертв»⁶.

Речь К. Аденауэра перед правительством стала первым официальным заявлением немецкой стороны о готовности к диалогу. Реакция на нее была вновь крайне неоднозначной. В Израиле раздавались протесты и заявления, что разговор о репарациях неуместен, когда речь идет о таком преступлении как Холокост. Эти протесты не прекращались и после того, как Кнессет одобрил решение пра-

вительства Израиля в пользу начала официальных переговоров с ФРГ о репарациях, открывшихся в марте 1952.

Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что на долгом пути поиска компромисса и налаживания отношений между ФРГ и Израилем были достигнуты значительные успехи. Дальнейшее движение в этом направлении продолжается; не прекращаются и усилия по установлению все более тесных контактов между двумя народами, в том числе и на уровне простых граждан. По сей день действуют программы молодежного обмена, когда немецким подросткам предоставляется шанс пожить в израильской семье и наоборот. В Иерусалиме и Тель-Авиве открыты филиалы Института Гёте, где заинтересованные израильтяне могут приобщиться к немецкой истории и литературе. После установления в 1965 году дипломатических отношений между государствами их политические руководители регулярно встречаются между собой, причем не раз высказывалось мнение, что из всех стран Европы именно Германия проводит наиболее про-израильскую политику. Ростки, посеянные в 1951 году, дали обильные всходы.

¹ См.: Йехнам Вайц, «Политические и идеологические дискуссии» // «Становление израильской демократии. Первое десятилетие», книга 2 (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001), стр. 176–219; Ольга Зайцева, «Начальные этапы формирования памяти о Холокосте в израильском обществе (1948–1962)» // «Еврейское образование», №1–2 (2004), стр. 201–224.

² Цит. по: Lily Gardner Feldman, «*The Special Relationship between West Germany and Israel*» (Boston: Allen and Unwin, 1984), p. 34.

³ Цит. по: Yeshayahu A. Jelinek, «*Deutschland und Israel, 1945–1965: Ein Neurotisches Verhältnis*», S. 49.

⁴ Lily Gardner Feldman, «*The Special Relationship between West Germany and Israel*», p. 38.

⁵ Erklärung von Erich Lueth und Rudolf Kuestermeier in der deutschen Presse, April 1951 // «*Der deutsch-israelische Dialog: Dokumentation eines erregenden Kapitels deutscher Ausenpolitik*», ed. by R. Vogel (Hamburg: K.G. Saur, 1990). Band 1. S. 28.

⁶ Там же. S. 40.

ПУТЬ ИЗРАИЛЯ И ЕГИПТА К МИРНОМУ ДОГОВОРУ

В.В. Марченко,
Институт стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова

На протяжении долгих лет в Израиле доминировало мнение, что первой арабской страной, которая подпишет мирный договор с еврейским государством, будет Ливан, ибо, если «враг моих врагов – мой друг», то с кем, как не с христианским Ливаном, Израилю строить добрососедские отношения на мусульманском Востоке?! Затем на роль «первой ласточки» израильское общественное сознание выдвинуло Иорданию, ибо с главами Хашимитской династии королями Абдаллой и Хусейном израильские руководители встречались столько раз, что впору было уже прекратить скрывать этот «секрет Полишинеля». Однако действительность оказалась иной, и первой арабской страной, протянувшей Израилю руку мира, оказался Египет.

О решении вступить в прямые и всеобъемлющие переговоры с Израилем президент Египта А. Садат объявил в ноябре 1977 года. 9 ноября он произнес речь на ежегодной церемонии открытия сессии египетского парламента. Я. Арафат (по выражению А. Садата, «наш дорогой друг и соратник в нашей борьбе») присутствовал в зале. К его – да и отнюдь не только его – огромному удивлению А. Садат заявил, что он готов идти «на самый край света в поисках мира. Израиль будет поражен, когда услышит то, что я сейчас скажу вам: ради переговоров о мире я готов отправиться в их собственный дом, в Кнессет»¹.

Когда А. Садат делал свое заявление, то, видимо, понимал, что теперь следует ожидать положительной реакции из Иерусалима. От румынского лидера Н. Чаушеску и из слов М. Даяна, оброненных во время тайного визита в Марокко (между странами не было дипломатических отношений) в сентябре 1977 года², А. Садат знал, что премьер-министр М. Бегин готов на территориальные компромиссы вне «исторической Палестины» в обмен на мир. Он понимал также, что

М. Бегин – сильный руководитель и будет выполнять те соглашения, которые подпишет.

Официальный ответ Израиля на инициативу А. Садата последовал не сразу. Правительству было не ясно, являются ли слова египетского президента оперативным предложением вступить в прямые переговоры, или это всего лишь пропагандистский ход. Министр иностранных дел М. Даян отреагировал сдержанно, заметив, что следует внимательно изучить цели этого шага А. Садата. Он опасался, что от Израиля потребуют слишком высокую цену за этот беспрецедентный жест. Тогдашний начальник Генерального штаба М. Гур пошел еще дальше, заявив, что речь идет о мошенническом трюке, предпринятом с непонятными целями, и что необходимо привести армию в состояние повышенной боевой готовности. Сам М. Бегин довольно быстро преодолел свой скептицизм и решительно поддержал визит А. Садата в Иерусалим, признав его историческую важность. Письмо с официальным приглашением было направлено в Каир при посредничестве американского посольства в Тель-Авиве.

Инициатива А. Садата была, в основном, плодом его личного решения. Несмотря на это, не следует забывать о заблаговременной подготовке почвы в рамках интенсивного диалога Египта с администрацией президента Дж. Картера, а также о личных контактах между представителями Египта и Израиля. Эти контакты осуществлялись в различных европейских столицах, однако главным образом – в Марокко, которая тогда была известна как страна, поддерживающая связи с Израилем. Двумя ключевыми фигурами в этих контактах были заместитель главы правительства Египта Хасан аль-Туаме и министр иностранных дел Израиля Моше Даян. В ходе контактов, как явствует, в частности, из воспоминаний М. Даяна, была подготовлена почва для соглашения: если Израиль согласится на возвращение занятого им в ходе Шестидневной войны Синайского полуострова, то Египет согласится на тщательные меры обеспечения безопасности и на подлинный мир с Израилем, предусматривающий нормализацию двусторонних отношений³.

Спустя четыре дня после выступления А. Садата, 14 ноября 1977 года, М. Бегин предпринял ответный жест, сообщив на приеме в честь французской делегации, находившейся с визитом в Израиле

ле, что «от имени правительства он приглашает президента Египта Анвара Садата прибыть в Иерусалим для проведения переговоров о мире между Израилем и Египтом». На следующий день официальное приглашение было передано в Египет по американским дипломатическим каналам, и оно было принято. Решение пригласить А. Садата в Иерусалим исходило, по-видимому, лично от М. Бегина. М. Даян отнесся к инициативе А. Садата с подозрением. Позднее он писал в мемуарах: «После непродолжительных, но напряженных размышлений над истинными мотивами А. Садата, М. Бегин отбросил, наконец, все сомнения и скептицизм и поверил в искренность египетского лидера. Он оценил ценность первого шага на пути к миру и понял, что то был акт исторической важности»⁴.

Первым лицом вне Египта, узнавшим о намерении А. Садата посетить Иерусалим, был иранский шах, который горячо одобрил это намерение. Интересно, что встречаясь с королем Саудовской Аравии Фахдом, А. Садат о своих планах не обмолвился⁵.

На исходе субботы 19 ноября в половине девятого вечера А. Садат прибыл в аэропорт имени Д. Бен-Гуриона. Если само заявление А. Садата оставило многих израильтян равнодушными, то его прибытие в Израиль вызвало огромный эмоциональный подъем. Толпа израильтян собралась в аэропорту, приветствуя первого арабского лидера, публично объявившего о своем стремлении к миру. На следующее утро президент Садат молился в мечети аль-Акса в Иерусалиме, позднее посетил церковь гроба Господня и Яд ва-Шем – музей Катастрофы европейского еврейства. В тот же день он выступил с речью в Кнессете. Он напомнил аудитории, что его предложение мира было не внезапной прихотью, но постоянной целью: «Я взял на себя историческую ответственность, и поэтому несколько лет назад, 4 февраля 1971 года, если быть точным, я выразил желание подписать мирный договор с Израилем». Он затронул религиозную ноту, причем с чувством более глубоким, чем это обычно делают политики: «Судьбе было угодно, чтобы мой визит к вам, визит мира, совпал с исламским праздником, святым праздником ал-Адха, праздником жертвоприношения, когда Авраам, да пребудет он в мире, праотец арабов и евреев, предстал перед Богом. Когда Всевышний призвал его, Авраам пошел, уверенно и с чувством, не из слабости, но напро-

тив, под влиянием могучей духовной силы и по своей доброй воле, для того, чтобы принести в жертву своего собственного сына, находясь под властью твердой и непоколебимой веры в идеалы, которые дают жизнь и наделяют ее смыслом»⁶.

А. Садат, несмотря на обилие религиозной риторики, четко контролировал политические аспекты своей речи перед Кнессетом. «Я приехал сюда, – заявил А. Садат вопреки тому, что реально входило в его планы, – не для подписания сепаратного мира между Египтом и Израилем». Он призвал к мирному соглашению, которое «положило бы конец израильской оккупации территорий, занятых в 1967 году, и обеспечило бы фундаментальные права палестинского народа, включая его право на самоопределение и на создание самостоятельного государства». Дело палестинского народа, согласно А. Садату, «было ключом ко всей проблеме». Он также повторил, хотя и не столь четко, претензии арабов на Иерусалим. Однако израильтян не особенно впечатлили эти слова. Из встреч с заместителем премьер-министра Египтом Х. Тухами М. Даян вынес мнение, что для египтян основной вопрос – именно возвращение под египетский суверенитет Синай, о создании же палестинского государства речь не шла. Египетский президент хотел совместной с Израилем декларации, которая бы защитила его от внешней и внутренней критики, чтобы израильтяне сделали хотя бы минимальные шаги в решении палестинского вопроса. «В ваших интересах, – говорил А. Садат израильтянам, – чтобы я оставался лидером арабского мира... Но мы должны что-то иметь, иначе меня забросают камнями»⁷.

В ответной речи М. Бегина почти не было риторики. И он, и его коллеги были весьма удовлетворены не только самим присутствием А. Садата, но и новизной его подхода, в частности, его фразой: «Мы готовы жить с вами в мире и справедливости». Обратив внимание на упоминание А. Садатом Авраама, «праотца арабов и евреев», М. Бегин выделил ту тему, которая не получила своего выражения в речи А. Садата: «Я приветствую президента Египта, приехавшего в нашу страну и участвующего в заседании Кнессета. Время перелета между Каиром и Иерусалимом очень коротко, но до настоящего момента расстояние казалось бесконечным. Президент проявил мужество и сумел преодолеть это расстояние. Мы, евреи, высоко ценим мужес-

тво, и мы оценили мужество нашего гостя. Нам самим необходимо мужество, чтобы существовать, и поэтому мы знаем, что это такое».

А. Садат и М. Бегин встретились снова, теперь уже на египетской земле, в Исмаилии, 25–26 декабря 1977 года. Они договорились о создании военных и политических комиссий для ведения непрерывных переговоров. После этих переговоров А. Садат выступил с заявлением, в котором, в частности, сказал: «Египет считает, что на Западном берегу и в полосе Газы должно быть создано палестинское государство. Израиль согласен, что палестинские арабы в Иудее и Самарии и в полосе Газы должны получить право на самоуправление»⁸.

В декабре министр обороны Эзер Вейцман, выступая перед членами Кнессета от блока «Аикуд», выразил мнение израильского правительства по поводу позиции А. Садата. «Египтяне, – сказал Э. Вейцман, – готовы пойти на отдельные соглашения с Израилем при условии, что будет найдена формула, которая позволит им отложить всеобъемлющее урегулирование на более поздний срок»⁹.

В качестве такой формулы М. Бегин выдвинул свой план автономии для палестинских арабов Западного берега (Иудей и Самарии) и полосы Газы. При этом обеспечение безопасности и поддержание общественного порядка должны были остаться в руках израильских властей, а за гражданами Израиля сохранялось право приобретать в собственность землю и жить в Иудее и Самарии. По вопросу о суверенитете М. Бегин предложил формулировку, позволявшую отложить решение этого вопроса на более поздний срок: «Израиль по-прежнему настаивает на своем праве осуществлять суверенную власть в Иудее, Самарии и полосе Газы. Израиль осознает, что существуют другие мнения по этому вопросу, и поэтому, ради возможности заключить соглашение о мире, он предлагает оставить вопрос о суверенитете этих областей открытым»¹⁰.

По поводу Синая М. Бегин ясно дал понять, что Израиль в конечном итоге выведет свои войска за существовавшую прежде международную границу. На заседании Кнессета экс-премьер министр И. Рабин подверг критике план М. Бегина за то, что арабам собирались отдать слишком много: «Рано или поздно Бегин приведет нас к тому, что мы имели до войны 1967 года»¹¹. Однако Кнессет подавляющим большинством одобрил план М. Бегина.

На встрече в Асуане 4 января 1978 года Дж. Картер и А. Садат согласились «признать законные права палестинского народа и позволить палестинцам принимать участие в решении своей собственной судьбы». Как и в случае с речью А. Садата в Кнессете, сам факт принятия совместной декларации был значительно важнее формулировок, которые в ней содержались. Однако через две недели после Асуанской декларации процесс мирного урегулирования между Египтом и Израилем затормозился. А. Садат отозвал египетских представителей из политической комиссии в Исмаилии, а также из Иерусалима. Переговоры зашли в тупик и не возобновлялись до сентября 1978 года. В Асуане А. Садат и Дж. Картер подчеркнули необходимость включить палестинскую проблему во всеобъемлющее урегулирование. В связи с этим могло показаться, что причина прекращения переговоров коренилась в той пропасти, что существовала между планом М. Бегина и Асуанской декларацией. В речах А. Садата содержались формулировки, казалось, подтверждавшие такой вывод. Однако на самом деле причиной остановки мирного процесса были вовсе не палестинцы, а проблема Синая.

В январе А. Садат понял, что по этому вопросу, столь важному для его престижа и для интересов Египта, М. Бегин высказывается двусмысленно. М. Бегин пообещал, что после достижения окончательного соглашения Синай будет возвращен Египту полностью; однако действия М. Бегина в начале 1978 года противоречили этому обещанию. 3 января, за день до асуанской встречи, израильское правительство приняло решение укрепить существующие на Синае поселения и подготовить строительство шести новых поселений в Восточном Синае. После того, как сообщения об этом решении просочились в прессу, Каир и Вашингтон выразили свое резко негативное отношение к подобному решению. Израильское правительство отказалось от строительства новых поселений, но продолжало укреплять уже существующие. Большинство членов израильского правительства, очевидно, полагали, что можно уговорить А. Садата заключить соглашение, при котором Синай являлся бы частью суверенного Египта, а Израиль имел бы свои поселения на этой египетской территории¹².

Эта политика «создания новых фактов» на Синае, как выразился некогда М. Даян, во время переговоров с Египтом осуществлялась по

инициативе бывшего тогда министром сельского хозяйства А. Шарона, которого поддерживал министр иностранных дел М. Даян. В тот период А. Шарон и М. Даян пользовались поддержкой М. Бегина. Противоположную позицию занял министр обороны Эзер Вейцман (впоследствии – президент Государства Израиль). Он хорошо понимал важность Синая для А. Садата. В декабре, во время встречи в Исмаилии, А. Садат сказал Э. Вейцману: «Я готов заключить мирный договор с обменом послами, со свободой навигации, со всем, что вы хотите. Но вы должны уйти из Синая! Это включает все поселения. Все до одного!»¹³.

Дж. Картер связал свой престиж с мирной инициативой А. Садата, и серьезная негативная реакция на действия Израиля со стороны Соединенных Штатов не заставила себя ждать. В феврале и марте передовые статьи крупнейших американских газет изображали М. Бегина главной помехой на пути к миру. Отношения между Израилем и Белым домом стали еще более натянутыми в связи с поставками американского оружия в Египет и Саудовскую Аравию. Пронизраильское лобби в американском конгрессе выступало против этих поставок. А. Садат посетил Соединенные Штаты в феврале 1978 года; его чествовали там почти как национального героя. Э. Вейцману, приехавшему в эту страну в следующем месяце, был оказан холодный прием. Во время этого визита отношения между Израилем и США еще более испортились в результате нескольких атак палестинских боевиков против Израиля и ответных израильских контртеррористических операций, которые американцы считали чрезмерно жесткими.

Кризис в американо-израильских отношениях был частично преодолен в ходе переговоров М. Даяна с государственным секретарем С. Вэнсом 26–28 апреля. М. Даян предложил вместо продолжения спора об общих принципах, который заводил переговоры в тупик, попытаться договориться о рамках, в которых могли бы быть разработаны практические меры по созданию автономии для арабских жителей Западного берега и полосы Газы. Он предложил также отказаться от споров о возможности или невозможности принять план М. Бегина и вместо этого использовать его просто как основу для дальнейших переговоров. При этом, как писал в своих мемуарах сам

С. Вэнс, «несмотря на состоявшуюся договоренность, так и не имел место обмен письмами между Дж. Картером и М. Бегинным о моратории на создание израильских поселений на Западном берегу и в Газе»¹⁴.

Эти предложения М. Даяна, в конечном итоге выведшие переговоры из тупика, были примечательны в двух отношениях.

Во-первых, очень удачным изобретением было понятие «рамки» – оно идеально удовлетворяло международному контексту переговоров и позициям сторон и позднее было широко использовано в Кемп-Дэвидских соглашениях. Рамки – это нечто общее, на что стороны могли согласиться, отложив конкретные решения о деталях на более поздний период. Затем стороны могли договориться о некоторых деталях для заполнения рамок, вновь отложив другие детали. Израиль предлагал Египту то, что, по мнению израильского правительства, Египет действительно хотел: формулу, которая позволила бы отложить всеобъемлющее урегулирование на будущее, а сейчас заняться разработкой сепаратного соглашения, которое удовлетворяло бы интересам Египта. Вторая, весьма интересная и очень странная особенность предложений М. Даяна – это то, что они были сконцентрированы исключительно на проблеме Западного берега и полосы Газы. Как отмечалось выше, причиной прекращения переговоров были поселения на Синае, а не на Западном берегу. Тем не менее, эти две проблемы были парадоксальным образом тесно связаны в умах израильских руководителей, которые горели желанием разделить эти две проблемы практически и политически. М. Бегин и его соратники опасались, что ликвидация поселений на Синае создаст прецедент для ликвидации поселений в Иудее и Самарии. Поэтому они очень хотели, чтобы администрация Дж. Картера приняла план М. Бегина хотя бы как основу для переговоров.

В конце июля 1978 года президент Дж. Картер направил государственного секретаря С. Вэнса на Ближний Восток с приглашением для М. Бегина и А. Садата на встречу в Кемп-Дэвид, уединенное местечко в горах штата Мэриленд, где они и их советники будут недоступны для прессы. М. Бегин и А. Садат сразу же согласились; президент Египта, однако, потребовал, чтобы Соединенные Штаты были равноправным партнером в переговорах (американцы с радостью

откликнулись на это приглашение, ими же и спровоцированное). Переговоры в Кемп-Дэвиде начались 5 сентября и продолжались до 18 сентября.

Дж. Картер надеялся, что простая сельская обстановка и общая столовая для всех гостей помогут установить неформальные отношения и тем самым создать лучшее взаимопонимание между израильянами и египтянами. В целом этого не произошло, хотя было одно исключение – Эзер Вейцман, который сумел наладить прекрасные личные отношения с Анваром Садатом. У Э. Вейцмана была веселая, располагающая к себе натура, что явилось приятным контрастом мрачной лихорадочности М. Бегина и непроницаемой напряженности М. Даяна. Особенно трудно складывались отношения между М. Даяном и А. Садатом.

Члены команды А. Садата были еще менее склонны к заключению договора с Израилем, чем он сам. Поэтому вряд ли переговоры в Кемп-Дэвиде закончились успешно, если бы не постоянное присутствие, настойчивость и энергия президента Дж. Картера. Подтверждение этому можно найти в мемуарах Бутроса Гали, сопровождавшего А. Садата в Кемп-Дэвид: «Вечером в моей комнате в отеле «Мэдисон» я вспоминал странную атмосферу этих переговоров. А. Садат был очень гибок, в то время как делегация придерживалась твердой позиции, и мы использовали эти различия в противоборстве с американцами и израильянами. Израильская сторона являла собой полную противоположность. М. Бегин был неуступчив, тогда как его делегация казалась гибкой и даже терпимой»¹⁵.

Значительная часть дискуссии в Кемп-Дэвиде касалась Западного берега, полосы Газы и палестинцев, но единственно серьезной темой переговоров был Синай, и Дж. Картер знал об этом от А. Садата. О своих беседах с А. Садатом в Кемп-Дэвиде Дж. Картер пишет: «Я пытался уговорить его разрешить части израильян остаться в поселениях на Синае под защитой ООН. Он проявил большую гибкость в отношении всех других вопросов, но здесь твердо стоял на своем»¹⁶.

Самой трудной проблемой в Кемп-Дэвиде было уговорить Израиль отказаться от своих поселений на Синае. Дж. Картер достиг этого на двенадцатый день переговоров (суббота, 16 сентября 1978 года). Дж. Картер пишет: «Я думал, что дискуссии не будет конца.

Очевидно, этот процесс был крайне болезненным для премьер-министра Бегина, который повторял слова “ультиматум”, “чрезмерные требования”, “политическое самоубийство”. Однако в конце концов он обещал в течение двух недель представить на обсуждение Кнесета вопрос: “Готов ли Израиль убрать из Синая свои поселения, если по всем другим вопросам будет достигнуто согласие?” Я полагал, что А. Садат удовлетворится этой уступкой. Наконец-то!»¹⁷

Используя предложение М. Даяна, в Кемп-Дэвиде были разработаны две системы «рамки»: «рамки для мира» в регионе (в основном, касавшиеся Западного берега и полосы Газы) и рамки для мирного договора между Египтом и Израилем. Как вспоминает Дж. Картер, А. Садат «не проявил большого интереса к детальной разработке рамок для мира». Эти «рамки» были весьма туманны и, в основном, сводились к ссылкам на будущие, весьма проблематичные переговоры, в которых приняли бы участие Египет, Израиль, Иордания и «представители палестинского народа». Предполагался пятилетний период «переходной автономии» для обеспечения «мирного и упорядоченного процесса передачи власти»¹⁸.

По мнению М. Бегина, такие формулировки были вполне совместимы с его планом. Согласно интерпретации Садата, рамки для мира, разработанные в Кемп-Дэвиде, были весьма отличны от плана М. Бегина. И М. Бегин, и А. Садат отчетливо понимали, насколько их интерпретации различались между собой, но оба они сочли за лучшее не вдаваться в эти различия. Того же мнения придерживался и президент Дж. Картер. При этом в двустороннем договоре были четко зафиксированы и «полный египетский суверенитет в рамках международно признанных границ», и право Израиля на свободное судоходство по Тиранскому проливу и Суэцкому каналу.

К рамочному соглашению прилагались и сопроводительные письма. В своем письме Дж. Картеру М. Бегин обещал, что вопрос о ликвидации поселений на Синае будет поставлен на голосование перед Кнесетом. В письме А. Садата Дж. Картеру говорилось, что если израильские поселения не будут убраны с Синая, Египет не заключит мирный договор с Израилем. Еще одно письмо А. Садата к Дж. Картеру содержало изложение арабской позиции по вопросу

Иерусалима. Но, в отличие от вопроса о Синае, вопрос о Иерусалиме не связывался с заключением мирного договора.

Помимо всего этого, Египет и Израиль получили заверения, что американская помощь этим странам будет увеличена. Эти заявления, впрочем, не были включены в Кемп-Дэвидские протоколы. Факт, однако, состоит в том, что, если в 1968–1973 гг. Египет не получал экономической или военной помощи США, с 1974 по 1977 гг. размер этой помощи вырос с 20 до 908 миллионов долларов, а в 1979 г. превысил два с половиной миллиарда долларов; в 1980–2005 гг. размеры американской помощи Египту менялись, но ни разу не опускались ниже миллиарда долларов в год¹⁹. Американская помощь Израилю исчисляется еще большими суммами, причем две эти страны – Израиль и Египет – возглавляют список стран, получающих финансовую поддержку со стороны США. Каковы бы ни были взгляды М. Бегина на синайские поселения в прошлом, теперь он занял твердую позицию в отношении эвакуации этих поселений и поставил перед собой задачу добиться одобрения своего решения Кнессетом.

Вернувшись в Израиль после подписания Кемп-Дэвидских протоколов, М. Бегин обратился к кабинету министров с предложением не ставить перед Кнессетом вопрос, но добиться принятия следующей резолюции: «Кнесет одобряет Кемп-Дэвидские протоколы, подписанные премьер-министром в Белом доме 17 сентября 1978 года. Если в результате переговоров между Египтом и Израилем будет достигнуто соглашение и подписан текст договора, Кнессет дает полномочия правительству... эвакуировать израильских поселенцев из Синая и переселить их в другое место»²⁰. Решающее заседание кабинета состоялось 24 сентября и продолжалось семь часов, после чего предложение М. Бегина было принято подавляющим большинством голосов. В голосовании в Кнессете приняли участие все 120 членов Кнессета. За резолюцию правительства голосовали 84 человека, против – 19, 17 воздержались.

26 марта 1979 года в Вашингтоне Анвар Садат и Менахем Бегин, а также президент США Джимми Картер в качестве свидетеля подписали мирный договор между Арабской Республикой Египет и Государством Израиль. После ратификации его обеими сторонами он вступил в силу 25 апреля 1979 года.

Египетско-израильский договор состоит из преамбулы, девяти статей, и целого ряда приложений. Все протоколы, дополнения и карты, приложенные к договору, рассматриваются как его неотъемлемая часть²¹.

Договор предусматривал прекращение состояния войны между АРЕ и Израилем и восстановление суверенитета Египта над Синаем. Стороны договорились также о том, что «нормальные отношения, которые будут установлены между ними, будут включать полное признание, дипломатические, экономические и культурные отношения, прекращение экономического бойкота и мер дискриминационного характера, наложенных на свободу передвижения лиц и товаров». Израильские суда, в том числе военные, получили право прохода через Суэцкий канал. Израиль обязался завершить «полный вывод своих вооруженных сил и гражданских лиц с Синайского полуострова не позднее, чем через три года после обмена ратификационными экземплярами данного договора». Причем в течение первых девяти месяцев со дня обмена ратификационными грамотами Израиль обязался вывести свои войска на линию, проходящую восточнее Эль-Ариша до Рас-Мухаммед. Сразу после завершения этого этапа вступал в силу пункт 3 ст. III договора, предусматривающий полную нормализацию двусторонних отношений.

28 апреля 1982 года последние израильские войска и гражданские лица в соответствии с положениями мирного договора покинули египетскую территорию.

Президенту Дж. Картеру подписанные соглашения принесли огромный политический капитал. Однако в арабском мире, за исключением Египта, реакция была единодушной и резко отрицательной. 31 марта 1979 года Вторая багдадская встреча в верхах осудила договор так же, как в свое время это сделала Первая багдадская встреча, и призвала к санкциям против Египта. Следующая встреча в Тунисе в ноябре того же года подтвердила эту позицию и усугубила изоляцию Египта. Конференция министров иностранных дел мусульманских стран одобрила следующую резолюцию: «Исламские государства объявляют о своей готовности начать джихад на том основании, что он представляет собой последовательную

конфронтацию с сионистским противником на всех фронтах: военном, политическом, экономическом, информационном и культурном»²².

Историческое примирение Египта с Израилем получило религиозное одобрение со стороны духовной академии Эль-Азхар в Каире. В обнародованном его постановлении говорилось, что египетско-израильский договор заключен в рамках мусульманского права и подписан Египтом «с позиции силы», после победы, которую он [якобы] одержал в войне 1973 года. Он без сомнения отвечает интересам мусульман, поскольку возвращает территории их законному владельцу. В постановлении отмечалось, что решения в вопросах войны и мира находятся полностью в компетенции руководителя государства, который лучше всех знает, в чем благо его подданных, и что надлежит воздерживаться от внутренних распрей, способных лишь ослабить единство исламского общества²³.

Мирные соглашения разрушили табу, существовавшее в арабском мире на миротворческие контакты с Израилем, и разорвали заколдованный круг войн, периодически вспыхивавших на Ближнем Востоке, в которых Египет всегда играл ведущую роль. Для А. Садата мир призван был прежде всего решить проблемы, стоявшие в политической повестке дня Египта: освободить его от бремени лидерства в общеарабской борьбе, которое истощало его ресурсы и усугубляло экономические трудности, и, что еще важнее, расчистить путь к серьезному и всеобъемлющему стратегическому сотрудничеству с США, которые превращались в единственную сверхдержаву, активно действующую на Ближнем Востоке.

Мирные соглашения основывались на принципе «территории в обмен на мир». В плане оперативных действий это выразилось в возвращении всего Синайского полуострова под суверенитет Египта. Оценка А. Садата, согласно которой М. Бегин сумеет навязать свое решение противникам соглашения из правого израильского лагеря, оказалась верной. Вдобавок Египет сумел получить от Израиля «декларацию принципов» относительно права палестинцев на Западном берегу Иордана и в секторе Газы на самоопределение. Такая декларация нужна была А. Садату для того, чтобы представить мирное соглашение арабскому миру как выгодную сделку. Для Израиля же

возмещением за территориальные уступки служили прорыв ситуации блокады, в которой страна находилась, официальное признание ее легитимного существования в регионе и укрепление позиций Израиля в международном сообществе.

Мир с Израилем нес в себе многочисленные выгоды для Египта. В результате его страна смогла заняться конструктивным решением своих неотложных внутренних проблем на базе щедрой финансовой помощи Соединенных Штатов. Египет также получил международное признание в качестве важного фактора поддержания стабильности на Ближнем Востоке. Одним из проявлений такого признания стало награждение А. Садата (а также М. Бегина и Дж. Картера) Нобелевской премией мира – за его политическое мужество.

Однако у этих выгод была своя цена. Поворот в сторону Запада и предпочтение прагматико-экономических соображений идеологическим обязательствам в плане «общерабского дела» привели к падению престижа Египта на региональной арене. Из главного претендента на лидерство в арабском мире Египет превратился в игрока изолированного и второстепенного. Арабские государства не ограничились публичным осуждением политики А. Садата. Они также порвали дипломатические отношения с Египтом. Садат, очевидно, недооценил силу противодействия его политике в арабском мире. Он рассчитывал на поддержку своих действий со стороны богатой и умеренной Саудовской Аравии, однако последняя, особенно под воздействием исламской революции в Иране (1979 г.), была вынуждена присоединиться к «фронту отказа». Не оправдались и надежды А. Садата на подключение Иордании к начатому им мирному процессу.

Изоляция Египта на межарабской арене оказала свое влияние и на внутриполитическую ситуацию в стране. Волна энтузиазма, сопровождавшая поездку А. Садата в Иерусалим, уступила место чувству разочарования, вызванному недостаточностью «плодов мира» в сфере экономического развития и отсутствием существенного прогресса в политических переговорах о судьбе палестинцев. «Палестинская тема» осталась открытой для переговоров, но в зависимости от готовности и желания израильской стороны. Внутри- и внешнеполитическими трудностями А. Садата поспешили воспользоваться его

противники, как насеристы и представители левой оппозиции, так и фундаменталисты, в борьбе за общественное мнение. Насеристы и левые утверждали, что мир с Израилем означает предательство общеарабских интересов и отказ Египта от своей исторической роли в регионе. Фундаменталисты твердили, что евреи и израильтяне – враги ислама и мусульман, и говорить с ними следует лишь языком джихада. Либеральное же течение, которое поддерживало мирный процесс как часть программы превращения Египта в процветающее современное общество, не было эффективным образом организовано и не имело официальных институтов. По большей части оно пребывало в глухой защите перед лицом нападков слева и справа, особенно со стороны фундаменталистов.

Жизнь самого А. Садата оборвалась в результате покушения, организованного воинствующими мусульманскими фанатиками в октябре 1981 года. Попытки А. Садата договориться с ними, включавшие встречи с лидерами политической оппозиции, куда входили и представители «Мусульманского братства», в Исмаилии в августе 1979 года и в декабре 1980 года (в этой встрече участвовал тогдашний верховный наставник «Братства» О. ат-Тельмесани)²⁴, к сожалению, успеха не имела. Однако убийство президента А. Садата не привело к потрясениям в государстве или к прекращению действия мирных соглашений с Израилем. Ставший новым президентом Египта Хосни Мубарак остался верен курсу своего предшественника.

¹ Цит. по: Коннор О'Брайен, «Осада» (Иерусалим: Библиотека «Алия», 1990), том 2, стр. 91 [издание на англ. яз. было опубликовано в 1986 г.].

² Об этих поездках М. Даяна см.: Евгений Примаков, «Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами» (Москва: «Российская газета», 2006), стр. 174–176.

³ См.: Меир Хатина, «Египетско-израильский мирный договор: процесс и результаты» (Иерусалим: общество «Тэзна», 2002), стр. 5 [перевод с иврита].

⁴ Цит. по: Коннор О'Брайен, «Осада», том 2, стр. 93.

⁵ См.: Евгений Примаков, «Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами», стр. 176.

⁶ Цит. по: Коннор О'Брайен, «Осада», том 2, стр. 94–95.

⁷ Цит. по: Ирина Звягельская, «Конфликтная политика США на Ближнем и Среднем Востоке (Середина 70-х – вторая половина 80-х годов)» (Москва: издательство «Наука», 1990), стр. 127.

⁸ Цит. по: Коннор О'Брайен, «Осада», том 2, стр. 99.

⁹ Цит. там же.

- ¹⁰ Цит. там же, стр. 100.
- ¹¹ Цит. там же.
- ¹² См. там же, стр. 101.
- ¹³ Цит. там же, стр. 102.
- ¹⁴ С. Vance, «*Hard Choices: Critical Years in America's Foreign Policy*» (New York, 1983), p. 228.
- ¹⁵ Бутрос Бутрос Гали, «*Путь Египта в Иерусалим*» (Москва: Институт Африки РАН, 1999), стр. 181 [книга была впервые опубликована на англ. яз. в 1997 г.].
- ¹⁶ Jimmi Carter, «*Keeping Faith: Memoirs of a President*» (London: Collins, 1982), p. 384.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: Коннор О'Брайен, «*Осада*», том 2, стр. 108.
- ¹⁹ См.: Jeremy Sharp, «Egypt – United States Relations» (Congressional Research Service, 2005), pp. 13–14.
- ²⁰ Цит. по: Коннор О'Брайен, «*Осада*», том 2, стр. 110.
- ²¹ Подробный анализа текста израильско-египетского мирного договора см. в книге: Валентин Юрченко, «*Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.)*» (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003), стр. 82–86.
- ²² См.: Коннор О'Брайен, «*Осада*», том 2, стр. 116
- ²³ См.: Менр Хатина, «*Египетско-израильский мирный договор*».
- ²⁴ См.: М.З. Ражбадинов, «*Египетское движение 'Братьев-мусульман'*» (Москва: Институт востоковедения РАН – Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004), стр. 172

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

**РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ**

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А.Д. Эпштейн,

Открытый университет Израиля
и Институт стран Азии и Африки МГУ
им. М.В. Ломоносова

Р.Р. Сулейманов,

Казанский государственный университет

Изучение российско-израильских отношений (в том числе и в советский период) имеет едва ли не более длинную историю, чем сами эти отношения. Перед нами достаточно редкий в политологии случай когда историография событий имеет куда более длинную хронологию, чем сами описываемые события, ибо дипломатические отношения между СССР и Израилем разрывались дважды (в сумме – на без малого четверть века), в то время как изучение Израиля в СССР, равно как и изучение Советского Союза/России в Израиле не прекращалось ни на один год. В 1990-е – 2000-е годы количество опубликованных работ по истории отношений между СССР/Россией и Израилем выросло в разы, что связано как с общим резким увеличением количества научных публикаций в последние десятилетия, так и изменением политического климата в двусторонних отношениях. Возникла насущная потребность проанализировать богатейший опыт двухсторонних связей, что и стали делать российские и израильские (а также некоторые американские) исследователи. В России уже были успешно защищены несколько кандидатских диссертаций как по истории политики СССР/России на Ближнем Востоке в целом, так и применительно к Израилю, что позволяет говорить о формировании российской научной школы израилеведения, в которой проблематика отношений между Москвой и Иерусалимом находит свое достойное место.

Доступ в архивы открыл возможность опубликовать весьма объемные сборники документов по истории отношений СССР и Из-

раиля. Учитывая крайнюю трудность в проникновении в архивы министерств иностранных дел обеих стран, подобные сборники документов еще долго будут служить для востоковедов и историков-международников основной источниковой базой по истории отношений между Россией и Израилем. Правда, пока документы позволяют нам заглянуть лишь в эти отношения в первые годы израильской независимости. Мы имеем возможность через призму архивных документов посмотреть только на первые два десятилетия отношений до их разрыва в 1967 году, причем если период до 1953 года отражен с должной полнотой в двухтомном издании, вышедшем в 2000 году¹, то события 1953–1967 гг. отражены в опубликованных сборниках документов (прежде всего, в двухтомнике «Ближневосточный конфликт»)² лишь частично. Изначально предполагалось, что первый двухтомник станет началом широкомасштабного издательского проекта, однако, хотя с момента его появления прошло уже восемь лет какой-либо двусторонний договор о рассекречивании и опубликовании документов последующего времени так и не был подписан, из-за чего работа практически прекращена. Несмотря на то, что от событий пятидесятых – шестидесятых годов нас отделяет сорок лет и более, многие документы, касающиеся выработки и реализации советской политики по отношению к Государству Израиль, остаются засекреченными до сих пор.

Официальные документы, касающиеся публичной советской политики по отношению к Израилю и Ближнему Востоку в целом в годы, когда дипломатические отношения между двумя государствами были разорваны, были опубликованы МИД СССР в 1989 году³. Однако в распоряжении исследователей до сих пор нет документов о том, кем, как и по каким причинам реально принимались ключевые решения. Некоторые документы, касавшиеся политики советских властей относительно еврейской эмиграции из страны, были опубликованы в сборнике, подготовленном Б. Морозовым⁴, однако и в нем нет ни одного свидетельства о согласии на выезд десятков тысяч человек ежегодно. Максимальная квота, фигурирующая в наиболее релевантном документе по этому вопросу – записке Ю.В. Андропова и А.А. Громыко в ЦК КПСС от 10 июня 1968 года – 1.500 человек⁵ – была превышена в 1979 году вдвое, в 1971 году – в девять,

а в 1972 году – более чем в двадцать раз (в 1972 году из СССР по «еврейской линии» выехали 31.681 человек, в 1973 г. – 34.733 человек). Возвращалось ли высшее руководство СССР к этой теме, были ли определены какие-то новые предельные цифры числа эмигрантов, либо же ситуация развивалась преимущественно стихийно, под давлением стремившихся покинуть СССР еврейских активистов – недвусмысленного ответа на этот вопрос дать пока, к сожалению, невозможно. Как нет в распоряжении историков и какого-либо документа, из которого бы вытекало решение советского руководства приостановить выдачу выездных документов евреям, что фактически свернуло эмиграцию в начале 1980-х годов. Хотя красной нитью через всю историю отношений Израиля и СССР/России проходит тема иммиграции советских/российских евреев на «историческую родину», едва ли не центральная роль Вашингтона в этом вопросе российскими исследователями практически не рассмотрена. Вместе с тем, именно американские власти на протяжении многих лет «холодной войны» использовали эти проблемы как важнейший фактор в их давлении на руководство Советского Союза⁶.

В обзорно-мемуарных книгах А.Е. Бовина и Е.М. Примакова говорится о тайных дипломатических контактах между советскими и израильскими представителями (в частности, оба автора признаются, что в 1970-е годы побывали в Израиле, Е.М. Примаков подробно рассказывает о своих встречах с высшими руководителями еврейского государства⁷), причем говорится о том, что конфиденциальный канал связи между государствами продолжал существовать до декабря 1991 года, т.е. непосредственно до восстановления официальных отношений. При этом опубликованы лишь отдельные документы конца 1980-х годов, касающиеся дискуссий в советском руководстве относительно возможностей восстановления двусторонних отношений⁸. Весь же пласт документов, касающихся тайной дипломатии 1970-х – 1980-х годов, до сих пор скрыт от исследователей. О том, что происходит в 1990-е – 2000-е годы, мы можем судить только по официальным коммюнике, однако, дежурные протоколы и стереотипные заявления для прессы являются лишь вершиной айсберга отношений между Россией и Израилем, что, конечно, не позволяет понять всю специфику существующих контактов. В настоящее вре-

мя немало аналитических статей и обзоров публикуется «по горячим следам», да и мало какая информация может на самом деле быть сохранена в тайне, если одна из вовлеченных сторон заинтересована сделать ее достоянием гласности. И все же нельзя не отметить, что имеющая в распоряжении исследователей документальная база совершенно недостаточна для глубокого, всестороннего анализа. Остается надеяться, что архивы обеих государств откроются в максимально ближайшем будущем, чтобы дать понять исследователям каких проблем касались две страны, когда переговоры и контакты велись за закрытыми дверями.

Мемуарные источники по истории дипломатических отношений Москвы и Иерусалима представлены исключительно воспоминаниями советских и израильских посольских работников⁹; к сожалению, на русский язык не переведена крайне познавательная мемуарная книга Мордехая Намира, сменившего Голду Меир на посту посланника в СССР¹⁰. Опубликованы также мемуары советских офицеров и солдат, воевавших в Египте против Израиля в ходе Шестидневной войны и Войны на истощение (в 1967–1970 гг.)¹¹. Однако мемуары, дневники, воспоминания послов (и тем более – военных) отражают понимание событий лицами, которые были лишь исполнителями чужой воли, так как, за редчайшими исключениями, не посольские работники и не офицеры среднего и низшего звена принимают решения по поводу того или иного курса внешней политики своей страны в данном регионе – они лишь «винтики» бюрократической машины государства, где последнее слово – за правящей элитой (будь то президентом, главой правительства, Генеральным секретарем правящей партии или каким-либо другим высокопоставленным должностным лицом). Именно правящая верхушка принимает решение устанавливать или разрывать дипломатические отношения, углублять или замораживать их, поддерживать материально (а порой, и оружием) те или иные силы внутри страны, проводить пропаганду против существующего режима, вербовать своих агентов и т.д. Как уже отмечалось, для нас остается загадкой, кто именно был инициатором разрыва дипломатических отношений с Израилем в 1953 и 1967 годах. Лично Сталин и лично Брежнев? Но их мемуаров или дневников, позволяющих однозначно ответить на этот вопрос, в на-

шем распоряжении нет. А может быть, оба генеральных секретаря ЦК КПСС находились под влиянием кого-нибудь из своего ближнего окружения? И если это так, кто именно был тем, кто настаивал на разрыве отношений с еврейским государством? Были ли эти решения спонтанными реакциями на отдельные события (в феврале 1953 года – на взрыв на территории советской дипломатической миссии в Тель-Авиве, в июне 1967 года – на израильскую военную операцию против Сирии на Голанах), или же они были тщательно и заранее продуманы, а данные события стали только поводом для реализации решений, которые, так или иначе, были бы реализованы в любом случае? К сожалению, ни в первом, ни во втором случае мы не можем дать удовлетворительный ответ на этот вопрос. Хотя изданы мемуары Н.С. Хрущева, Д.Т. Шепилова, М.С. Горбачева и ряда других обитателей советского политического олимпа, пока нет работ, посвященных проблеме отношения к Израилю руководства СССР (как и современной России) на основе их личных документов. Нет и таких же работ об отношении израильских руководителей к СССР. Отдельные издания воспоминаний Хаима Вейцмана, Шимона Переса, Менахема Бегина и Беньямина Нетанияху, выпущенные и в переводе на русский язык, не позволяют нам составить комплексное представление об их отношении к Советскому Союзу. Хотя выходцы из Российской империи внесли огромный и разносторонний вклад в создание израильской государственности¹², почти все высшие руководители Государства Израиль на протяжении всего периода его существования – уроженцы территорий, входивших в состав Российской империи, и российская политическая культура оказала огромное влияние на сионистское движение и менталитет его лидеров¹³, политико-психологического исследования этого феномена в исторической перспективе так и не было проведено. Хочется верить, что эта лакуна будет заполнена в обозримом будущем. Не забудем и о том, что израильское руководство смотрело на СССР/Россию как на важнейший источник для изменения демографической ситуации в Палестине/Эрец-Исраэль, как на огромный резервуар для иммиграции, который необходимо открыть для Израиля. Значимость миграционного фактора в двусторонних отношениях в полной мере осознается израильскими исследователями¹⁴, однако в российской

литературе эта тема пока не получила должного отражения. В целом, значимость «израильского фактора» во взаимоотношениях советских евреев с властями собственной страны лишь становится объектом научного изучения¹⁵.

Вышеизложенные критические замечания не должны затмить главное, а именно – читатель, заинтересованный составить адекватное представление о различных периодах советско-, а затем российско-израильских отношений, вполне может сделать это¹⁶. Оригинальных монографических исследований, касающихся советско-/российско-израильских отношений, пока, увы, в России не издано, однако большое количество статей, а также литература на иностранных языках позволяют заполнить многие лакуны. Серьезные работы посвящены и формированию политики СССР по палестинскому вопросу¹⁷, и вкладу Советского Союза в само создание Государства Израиль¹⁸, и каждому из трех периодов двусторонних дипотношений: первому (до их разрыва в феврале 1953 года)¹⁹, второму (с июля 1953 по июнь 1967 гг.)²⁰ и третьему (с декабря 1991 года по настоящее время)²¹. Корпус опубликованных исследований, посвященных этой тематике, к настоящему времени вполне значителен, и непрерывно пополняется.

Большое количество работ посвящено политике Москвы на Ближнем Востоке, усилиям российской дипломатии, порой направленным на снижение остроты арабо-израильского конфликта, а, порой, напротив, на эскалацию региональной гонки вооружений. В каждой из арабо-израильских войн Советский Союз играл некоторую роль, порой – весьма значимую, и исследователи, естественно, не могли обойти этот феномен стороной²². Рассматривались и дипломатические инициативы Советского Союза по сближению позиций вовлеченных в конфликт сторон²³. Учитывая, что арабо-израильский конфликт был и оставался ареной борьбы супердержав, не приходится удивляться тому, что отдельные авторы связывают динамику отношений СССР/России с Израилем и арабскими странами с тенденциями, преобладавшими в двусторонних отношениях СССР и США и участию каждой из них в ближневосточной региональной политике²⁴. В книгах, посвященных ближневосточной политике России в целом, ее роли в арабо-израильском

конфликте и переговорном процессе традиционно уделяются содержательные главы²⁵.

Значительный тематический блок в историографии советско-/российско-израильских отношений составляют статьи об экономических отношениях между государствами²⁶, а также о вопросах, относящихся к сфере пересечения религии и политики²⁷. Естественно, что и израильский опыт “выхода из социализма”, и израильская модель обеспечения свободы совести и вероисповедания для представителей различных религий (иудеев, христиан, мусульман, приверженцев бахаизма и др.) привлекает внимание российских исследователей.

На сегодняшний день опубликованные работы по истории советско-израильских и российско-израильских отношений позволяют говорить, что этап формирования концепций и сбора основных документальных материалов (несмотря на обозначенные выше проблемы в этой сфере) в целом завершен. Изданные книги и статьи затрагивают практически все аспекты, которые являлись ключевыми для истории отношений двух стран. Вместе с тем, список неизученных вопросов еще весьма и весьма значителен.

¹ См.: «*Советско-израильские отношения*». Сборник документов в 2-х книгах (Москва: «Международные отношения», 2000).

² См.: «*Ближневосточный конфликт*» (Из документов Архива внешней политики Российской Федерации), отв. ред. – В.В. Наумкин. Том первый, 1948–1956; том второй, 1957–1967 (Москва: международный фонд «Демократия», 2003). Обзор этой книги см.: Г.Г. Косач, «Новые данные АВП РФ по истории ближневосточного конфликта. 1947–1967» // «*Новая и новейшая история*», №5 (2004). См. также выпущенный на английском языке сборник Yaacov Ro'i, «*From Encroachment to Involvement: A Documentary Study of Soviet Policy in the Middle East, 1945–1973*» (New York and Jerusalem: John Wiley and Israel Universities Press, 1974), включавший преимущественно открытые документы из советской печати.

³ См.: «*СССР и ближневосточное урегулирование. Документы и материалы*» (Москва: МИД СССР – Издательство политической литературы, 1989).

⁴ См.: «*Еврейская эмиграция в свете новых документов*», под ред. Б. Морозова (Тель-Авив: издательство «Иврус», 1998).

⁵ См. там же, стр. 62.

⁶ См. на эту тему выпущенную в США книгу израильского профессора Ф. Лазина: Fred Lazin, «*The Struggle for Soviet Jewry in American Politics*» (Lanham: Lexington Books, 2005).

⁷ См.: Александр Бовин, «*5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства*» (Москва: Захаров, 2000), стр. 49–52, Евгений Примаков, «*Конфиденциально*.

Ближний Восток на сцене и за кулисами» (Москва: «Российская газета», 2006), стр. 268–276 и 287–298.

⁸ См.: «Нами проводится линия на постепенное и дозированное развитие контактов с Израилем...» (К 15-летию полного восстановления дипломатических отношений с Израилем), предисловие и публикация А.Е. Локшина // *«Аехаим»*, №10 (2006), стр. 21–26.

⁹ См.: Голда Меир, «Посланник в Москве» // *«Моя жизнь»*, пер. с иврита Р. Зерновой (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1993), стр. 273–313 [издание на иврите было опубликовано в 1976 г.]; Михаил Попов, *«Тридцать семь лет на Ближнем Востоке. Записки дипломата»* (Москва: МГИМО, 2002), стр. 9–69; Дмитрий Чувакин, «Записки советского посла в Израиле. 1964–1967» // *«Новая и новейшая история»*, №5 (1996).

¹⁰ См.: Мордехай Намир, *«Миссия в Москве»* (Тель-Авив: «Ам овед», 1971 [на иврите]).

¹¹ См.: *«Тогда в Египте... Книга о помощи СССР Египту в военном противостоянии с Израилем»* (Москва: Институт стран Азии и Африки – Совет ветеранов боевых действий в Египте, 2001); Г.Б. Харитонов, главы из книги *«Служил Советскому Союзу»* (К 40-летию Шестидневной войны в Египте) // *«Военно-исторический архив»*, №6 (2007), стр. 7–21.

¹² См.: Гершон Свет, «Русские евреи в сионизме и в строительстве Палестины и Израйля» // *«Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г.»* (Нью-Йорк, 1960; переиздание – Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2002), стр. 239–275; Ицхак Маор, *«Сионистское движение в России»* (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1977, пер. с иврита); Анна Симонова, «“Русские” сионисты во всемирном сионистском движении» // *«Judaica Rossica»*, №1 (2001), стр. 61–79; Анна Симонова, «Сионистское движение в Советской России в 20-е годы» // *«Российский сионизм: история и культура»* (Москва: «Дом еврейской книги», 2002), стр. 278–287; А.Б. Цфасман, «Евреи Палестины и Советский Союз в годы Второй мировой войны: становление сотрудничества» // *Материалы Восьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике*, том 1 (Москва, 2002), стр. 115–126; *«Идемте же отстроим стены Йерушалаима. Евреи из Российской империи, СССР/СНГ в Эрец-Израэль и Государстве Израиль»*, том 1, под ред. Ю.Д. Систер и М.А. Пархомовского (Иерусалим, 2005); том 2, под ред. Р. Пархомовской (Иерусалим, 2006).

¹³ См.: Зива Галиан, «Советский опыт сионизма: экспорт советской политической культуры в Палестину» // *«Ab Imperio»*, №4 (2003), стр. 329–376.

¹⁴ См., в частности: Yaacov Ro'i, *«The Struggle for Soviet Jewish Emigration, 1948–1967»* (Cambridge: Cambridge University Press, 1991); Yaacov Ro'i, «Soviet Policy towards Jewish Emigration: An Overview» // *«Russian Jews on Three Continents: Migration and Resettlement»*, ed. by N. Lewin-Epstein, Y. Ro'i and P. Ritterband (London: Frank Cass, 1997), pp. 45–67.

¹⁵ См.: Д. Шехтман, «Советская Россия, сионизм и Израиль» // *«Книга о русском еврействе, 1917–1967»* (Нью-Йорк, 1968; переиздание – Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2002), стр. 325–353; Алек Эшпштейн, «Народная дипломатия и ее последствия: посланник Израйля Голда Меир в Московской хоральной синагоге в сентябре – октябре 1948 года» // *«Московская хоральная синагога. 100 лет»*, под ред. А.Е. Локшина (Москва: «Дом еврейской книги», 2006), стр. 177–203; Михаил Мицель, «Еврейство Украины в его связях с Государством Израиль в 1948–1958 годы»

// *«Евреи в России: История и культура»*, под ред. Д.А. Эляшевича (Санкт-Петербург: Петербургский еврейский университет, 1998), стр. 253–262.

¹⁶ Наиболее большой хронологический период покрывает статья: Владимир Носенко, «Характер и этапы советско-израильских отношений (1948–1990)» // *«СССР и третий мир: новый взгляд на внешнеполитические проблемы»* (Москва, 1991), стр. 65–104. На иврите издана очень содержательная монография Моше Зака *«Сорок лет диалога с Москвой»* (Тель-Авив: «Маарив», 1988), к сожалению, не переведенная на русский язык.

¹⁷ См.: Михаил Агапов, *«СССР и палестинская проблема в 1920–1943 гг.»* (Диссертация на степень кандидата исторических наук, 2004). На иврите вышла фундаментальная монография Биньямина Пинкуса *«Особые отношения. СССР и его союзники и их отношения с еврейским народом, сионизмом и Государством Израиль, 1939–1959»* (Сде-Бокер: Институт наследия Бен-Гуриона, 2007).

¹⁸ См.: Ю.И. Стрижов, «Советский Союз внёс весомый вклад в создание Государства Израиль» // *«Азия и Африка сегодня»*, №5 (1998), стр. 45–49; Ю.И. Стрижов, «СССР и создание Государства Израиль» // *«Международная жизнь»*, №11/12 (1995), стр. 94–97.

¹⁹ См.: М. Сидоров, «Первые годы. Отношения между СССР и Израилем в конце 40-х – начале 50-х годов» // *«Нева»*, №10 (1991); Г.Г. Исаев, «Уроки истории: советско-израильские отношения в 1948–1951 гг.» // *«Политическая экспертиза»*, №3 (2006), стр. 114–130. К сожалению, так и не была переведена на русский язык фундаментальная книга Yaacov Ro'i, *«Soviet Decision Making in Practice: The USSR and Israel, 1947–1954»* (New Brunswick: Transaction, 1980), а также монография Arnold Krammer, *«The Forgotten Friendship. Israel and the Soviet Bloc, 1947–1953»* (Urbana: University of Illinois Press, 1974). К сожалению, невозможно всерьез рекомендовать изданное массовым тиражом журналистское сочинение Леонида Млечина *«Зачем Сталин создал Израиль?»* (Москва: Эксмо, Яуза, 2005).

²⁰ См.: Йосеф Говрин, *«Израильско-советские отношения 1953–1967»* (Москва: «Прогресс», 1994, пер. с иврита А. Варшавского), а также: Светлана Гасратян, «Религиозный фактор во взаимоотношениях Израиля и СССР: роль иудаизма (50-е – 60-е годы)» // *«Восток»*, №4 (1996).

²¹ См.: И.В. Рыжов, *«Особенности развития взаимоотношений России с Государством Израиль в 90-е годы XX века»* (Диссертация на соискание степени канд. ист. наук, Нижний Новгород, 1999); Стефани Гоффман, «Российско-израильские отношения в последнее десятилетие» // *«Общество и политика современного Израиля»*, под ред. А.Д. Эпштейна и А.В. Федорченко (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2002), стр. 313–334; Алек Эпштейн, «Израиль и Россия: несостоявшийся роман?» // *«Россия в глобальной политике»*, том 5, №3 (2007), стр. 195–205.

²² См.: М.М. Наринский, «Советский Союз и Суэцкий кризис 1956 года. Новые данные» // *«Новая и новейшая история»*, №2 (2004); С. Шварц, *«Советский Союз и арабо-израильская война 1967 года»* (Нью-Йорк: издание Американского еврейского рабочего комитета, 1969); Р.Д. Дауров, *«Арабо-израильская война 1967 года в контексте политики и дипломатии Советского Союза»* (Диссертация на степень кандидата исторических наук, Москва, 2007); М.М. Наринский, «Советский Союз и арабо-израильская война 1973 года» // *«Новая и новейшая история»*, №4 (2006); А.Ю. Шумихин, «Кремлевское руко-

водство и урегулирование ближневосточного кризиса в октябре 1973 г.: Воспоминания советского дипломата». Рец. на: V. Israelyan, *«Inside the Kremlin during the Yom Kippur War»* (University of Pennsylvania Press, 1995) // *«США: экономика, политика, идеология»*, №9 (1996). В переводе с английского была опубликована крайне противоречивая работа: Изабелла Гинор, «Шестидневная война» 1967 года и позиция СССР // *«США и Канада: экономика. Политика. Культура»*, №12 (2002). Недавно появился важный сборник статей: Yaacov Ro'i and Boris Morozov (eds.), *«The Soviet Union and the June 1967 Six Day War»* (Stanford University Press, 2008).

²³ См.: А.К.С. Сувейлим, *«Арабо-израильский конфликт 1948–1991 годов и роль Советского Союза в его урегулировании»* (Диссертация на степень кандидата исторических наук, Москва, 1991); Г.Н. Султанов, *«Советско-египетские политические отношения и проблема урегулирования ближневосточного конфликта в 70-е годы»* Диссертация на степень кандидата исторических наук, Москва, 1989); Е.Д. Пырлин, *«Трудный и долгий путь к миру: Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования»* (Москва: «Российская политическая энциклопедия», 2002).

²⁴ См., в частности: Владимир Румянцев, *«Арабо-израильские отношения в 1950-е гг.: взгляд из Вашингтона и Москвы»* (Томск: Томский государственный университет, 2007); О.В. Теремов, «Новая ситуация на Ближнем Востоке и российско-американские отношения» // *«США: Экономика. Политика. Идеология»*, №11 (1992).

²⁵ См., например: А.М. Васильев, *«Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму»* (Москва: «Наука», 1993); *«Россия на Ближнем Востоке»*, отв. ред. А.О. Филоник (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001), статьи Е.Я. Сатановского и А.Ж. Хасянова; С.Г. Лузянин, «Россия – Израиль – Палестина (Палестинская автономия). Новые измерения старых проблем» // *«Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на Ближний Восток»* (2004–2008 гг.)» (Москва: АСТ – «Восток–Запад», 2008), стр. 104–119.

²⁶ См.: А.В. Федорченко, «Российско-израильские экономические связи: итоги и перспективы» // *«Мировая экономика и международные отношения»*, №2 (2000); Н.В. Хаустов, «Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Израилем в 90-е годы» // *«Востоковедный сборник»*, №2 (2001), стр. 333–351; Ф.А. Тринич, «Россия – Израиль: состояние торгово-экономического сотрудничества» // *«Ближний Восток и современность»*, №20 (2003), стр. 346–354; А.В. Федорченко и Д.А. Марьясис, «НТК России и Израиля: возможности взаимодействия» // *«Аналитический доклад Центра ближневосточных исследований МГИМО (У) МИД России»*, №7 (2006).

²⁷ См.: Светлана Гасратян, «Русская духовная миссия в Израиле в 40-60-е годы XX века» // *«Восток»*, №5 (1998); Дмитрий Шевелев, «Позиция Русской православной церкви Московского патриархата по палестинской проблеме в период второй интифады» // *«Ближний Восток и современность»*, №15 (2002), стр. 229–238.

СССР И ИЗРАИЛЬ: НАЧАЛО

Н.Ю.Иванова,

Российский государственный педагогический
университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

В этом году Государству Израиль исполнилось шестьдесят лет. Решение о разделе Палестины было принято, когда Организация Объединенных Наций (ООН) делала свои первые шаги. Весьма значительна и роль Советского Союза в принятии данного решения. Такое важное событие в ближневосточном регионе, как создание Государства Израиль, имело непосредственное отношение к Советскому Союзу, у которого представилась удачная возможность обеспечить свои стратегические интересы за счет создания просоветского анклава на территориях, несколько десятков лет контролируемых Великобританией, с которой СССР в конце 1940-х годов уже находился в состоянии «холодной войны»¹. Спустя десятилетия все события, происходившие на заре становления нового государства, получают иную окраску, однако, на мой взгляд, было бы интересно посмотреть на происходившее глазами современников этих событий, опираясь на советские публикации того времени.

Во-первых, в советской печати раз за разом повторялась мысль о тягостном положении всех подмандатных и колониальных стран, о нарушении в данных странах прав человека и о справедливой борьбе за независимость; категорически осуждались колониальные настроения империалистических держав. Одной из подмандатных стран являлась Палестина. Англия захватила Палестину в 1917 году (английские войска оккупировали страну в ходе военных операций против Османской империи, в состав которой входила Палестина). В 1922 году Лига Наций формально подтвердила британский мандат на эту страну. На первой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций делегаты держав-мандатариев назвали ряд подмандатных стран, которые – с теми или иными оговорками – будут переданы в систему международной опеки. Палестины в их числе

не оказалось. Это объяснялось тем, что необходимо было подождать результатов изучения вопроса об иммиграции евреев в Палестину специально созданной для этой цели англо-американской комиссией, которая начала свою работу в Вашингтоне, затем перебралась в Лондон и намеревалась в скором времени посетить Палестину².

О своем решении создать совместную комиссию правительства США и Великобритании объявили в ноябре 1945 года. Эта комиссия имела целью «изучить политические, экономические и социальные условия в Палестине и их влияние на проблемы иммиграции евреев и их расселения на благополучие народов, населяющих Палестину, а также произвести учет желающих иммигрировать и лиц, которых обстоятельства вынуждают иммигрировать в Палестину или в другие неевропейские страны, и разработать рекомендации для временного урегулирования этих проблем, также как и для их постоянного разрешения». В процессе своей работы комиссия посетила Англию, Германию, Польшу, Чехословакию, Австрию, Италию, Грецию, Египет, Палестину, Сирию, Ливан, Ирак, Саудовскую Аравию и Трансиорданию³.

Советские представители выступили против образования такой комиссии, аргументируя свою позицию двумя причинами. Отмечалось, что, с одной стороны, вся ответственность возлагалась на Англию: она привлекла Соединенные Штаты, чтобы решить свои проблемы – разделить ответственность за отказ предоставить независимость Палестине. С другой стороны, указывалось на корыстные интересы правительства Соединенных Штатов: в свете предстоявших президентских выборов, администрация Г. Трумэна имела явное желание получить поддержку еврейского населения страны.

Вполне очевидно, что Советский Союз категорически осуждал колониальные порядки, установленные Англией во время своего тридцатилетнего господства в Палестине. Утверждалось, что, действуя по своему излюбленному методу – «разделяй и властвуй», англичане спровоцировали и разжигали острую межнациональную вражду между арабами и евреями⁴. Данное утверждение кочевало из статьи в статью: английскую политику, намеренно проводившуюся в Палестине для сохранения своего господства, называли основной причиной столкновений двух народов.

Во-вторых, в прессе того времени особый упор делался на столкновении нефтяных интересов Англии и США на Ближнем Востоке. Созданная англо-американская комиссия по вопросу о Палестине вызывала особые нарекания: каковы правовые основания для функционирования данной комиссии, с учетом начала работы новой международной организации (ООН)? Кто уполномочил ее разрешать палестинскую проблему без участия непосредственно заинтересованных сторон? После опубликования 30 апреля 1946 года доклада данной комиссии и арабские, и еврейские лидеры выразили однозначный протест против ее рекомендаций. 10 сентября 1946 года в Лондоне открылась очередная конференция по палестинскому вопросу, как неоднократно подчеркивали советские журналисты, – без участия представителей арабского и еврейского населения Палестины. После того, как 10 февраля 1947 года на конференции в Лондоне как евреи, так и арабы отвергли новые предложения, касавшиеся Палестины, ситуация в этом регионе значительно ухудшилась. Предвидя неизбежность утраты своего мандата, из-за недовольства и арабов, и евреев, Великобритания весной 1947 года предложила созвать специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН для рассмотрения палестинского вопроса. Ко времени созыва чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи положение в Палестине было крайне напряженным: там продолжались межнациональные волнения, переросшие в кровопролитные столкновения. Английские власти были не в состоянии установить порядок в стране, несмотря на то, что держали там значительные воинские подразделения. По данным, публиковавшимся в советской печати того времени, на каждые восемнадцать жителей Палестины, считая стариков и детей, приходилось по одному британскому солдату. Средства массовой информации СССР особо отмечали, что ни суровый полицейский режим, ни террор не могли подавить распространение антибританского сопротивления, как среди евреев, так и среди арабов⁵.

Работавшая с 28 апреля по 15 мая 1947 года специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН создала комиссию, уполномоченную подготовить решение вопроса о будущем Палестины к очередной сессии ГА в конце того же года. 14 мая 1947 года представитель Советского Союза А.А. Громько выступил на специальной сессии

Ассамблеи как решительный сторонник безотлагательного и справедливого решения вопроса о Палестине в интересах населяющих ее народов и международного мира. По мнению А.А. Громыко, в специфических условиях этой страны, населенной двумя народами – арабами и евреями, – каждый из которых имеет в ней свои исторические корни, законные интересы обоих этих народов могли бы быть защищены должным образом только путем создания независимого демократического арабско-еврейского государства. Именно такую мысль выдвинул в своем выступлении А.А. Громыко. По его словам, такое государство должно было быть основано на равных правах для еврейского и арабского населения и могло бы обеспечить сотрудничество этих двух народов в их общих интересах и для их общей пользы. И только в том случае, как указал А.А. Громыко, если бы оказалось, что невозможно наладить отношения между еврейским и арабским населением Палестины, следовало бы рассмотреть второй вариант устройства страны: разделение ее на два самостоятельных, независимых государства – еврейское и арабское⁶.

Созданная Специальной сессией Генеральной Ассамблеи ООН Палестинская комиссия после обследования положения в стране представила второй сессии Генеральной Ассамблеи доклад, в котором большинство предлагало разделить Палестину на два самостоятельных государства, а меньшинство выдвинуло предложение создать единое государство, в котором большинство населения составляли бы арабы (на тот момент арабы составляли около двух третей общего числа жителей Палестины). При этом комиссия в целом сходилась на том, что следует прекратить действие британского мандата над Палестиной. Вокруг этих двух предложений и протекала в основном борьба на Генеральной Ассамблее и в Специальном комитете по вопросу о Палестине осенью 1947 года.

В-третьих, очень энергично формировалось мнение об активной позиции, занятой СССР по созданию еврейского государства: советская делегация, поддержав создание двух государств, подчеркнула, что такое предложение полностью соответствует подлинным интересам как еврейского, так и арабского населения Палестины. Советская делегация поддержала предложение о прекращении британского мандата над Палестиной и о выводе британских войск к середине

1948 года. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о разделе Палестины, об образовании на ее территории двух государств и о прекращении к 1 августа 1948 года действия британского мандата и о выводе британских войск к этому моменту⁷. На сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в декабре 1947 года арабские представители угрожали применением силы против попыток осуществить раздел Палестины, передав какую-либо часть ее территории еврейскому государству⁸.

Согласно принятому плану раздела Палестины, территория арабского государства определялась в 11.1 тысяч квадратных километров, с населением в 725 тысяч арабов и 10 тысяч евреев. Территория еврейского государства – 14.1 тысяч квадратных километров, с населением 498 тысяч евреев и 407 тысяч арабов. Район Иерусалима, в котором проживали 105 тысяч арабов и 100 тысяч евреев, выделялся в самостоятельную административную единицу, управление которой должно было осуществляться от имени ООН Советом по опеке⁹.

Памятуя о своем выступлении на специальной сессии, в котором постоянный представитель СССР при ООН А.А.Громько ратовал за создание в Палестине единого государства, на пленарном заседании ГА ООН 26 ноября 1947 года он заявил: «Возникает вопрос, почему подавляющее большинство делегаций, представленных на Генеральной Ассамблее, остановилось на этом варианте, а не на каком-либо другом. Объяснить это можно только тем, что всякие другие варианты решения вопроса о Палестине оказались нереальными и непрактичными, при этом я имею в виду также и вариант создания независимого единого арабско-еврейского государства с равными правами для арабов и евреев. Опыт изучения вопроса о Палестине, включая опыт работы Специальной комиссии, показал, что евреи и арабы Палестины не хотят или не могут жить вместе. Отсюда следовал вывод: если эти два народа, населяющие Палестину, оба имеющие глубокие исторические корни в этой стране, не могут жить вместе в пределах единого государства, то ничего иного не остается, как образовать вместо одного два государства – арабское и еврейское». Никакого иного практически осуществимого варианта, по мнению советской делегации, нельзя было придумать¹⁰.

29 ноября 1947 после длительных дебатов этот проект был принят. Принятие резолюции предопределила международная обстановка, сложившаяся в послевоенное время, вследствие которой за раздел Палестины выступили супердержавы; к этому варианту решения также склонялось большинство стран-членов ООН. В условиях нарастания напряженности в регионе подобный ход действий (образование двух самостоятельных государств – арабского и еврейского) был, вероятно, наиболее разумным. Решение о разделе Палестины было принято в ноябре 1947 года, после шестимесячного обсуждения на специальной сессии Генеральной Ассамблеи. За это решение голосовало большинство государств, в том числе и Соединенные Штаты. Не прошло, однако, и четырех месяцев, как при новом обсуждении палестинского вопроса в Совете Безопасности 19 марта 1948 года представитель США Уоррен Остин заявил, что правительство его страны предлагает отказаться от плана раздела Палестины и предлагает установление временной опеки ООН над Палестиной ввиду того, что в условиях категорического несогласия арабских стран выполнить решение ООН о разделе практически невозможно¹¹. Советский Союз с самого начала занял твердую позицию, добиваясь быстрого и точного выполнения решений Генеральной Ассамблеи. Советская делегация поддерживала ту точку зрения, что Совет Безопасности ООН несет формальные обязательства в отношении принятого 29 ноября 1947 года решения о разделе Палестины¹².

13 мая английское министерство колоний и министерство иностранных дел опубликовали совместное заявление об окончании британского мандата на Палестину.

14 мая 1948 года закончилась Специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по палестинскому вопросу. Ассамблея отклонила франко-американское предложение об установлении временной опеки над Иерусалимом как противоречащее решению от 29 ноября 1947 года о разделе. В этот же день в Тель-Авиве было торжественно провозглашено создание Государства Израиль.

18 мая 1948 года была опубликована телеграмма министра иностранных дел СССР В.М. Молотова временному правительству Государства Израиль, в которой сообщалось, что правительство Со-

ветского Союза приняло решение об официальном признании государства Израиль и его временного правительства¹³.

¹ См.: Г. Исаев, «Уроки истории: советско-израильские отношения в 1948–1951 гг.» // *«Политическая экспертиза»*, №3 (2006), стр. 114–130.

² «Ганнштвенная комиссия» // *«Новое время»*, №3 (1946), стр. 27.

³ К. Сережин, «Источник смуты на Ближнем Востоке» // *«Новое время»*, №11 (1946), стр. 14–15.

⁴ М. Мусина, «К событиям в Палестине» // *«Пропаганда и агитация»*, №11 (1948), стр. 54.

⁵ «Палестинский вопрос в ООН» // *«Новое время»*, №17 (1947), стр. 16.

⁶ «Палестинский вопрос в ООН» // *«Новое время»*, №21 (1947), стр. 19–20. Полный текст цитируемого выступления А.А. Громыко опубликован в книге: *«Советско-израильские отношения, 1941–1953»* (Москва: «Международные отношения», 2000), книга 1, стр. 211–218.

⁷ А. Алексеев, «Вторая сессия Генеральной Ассамблеи ООН» // *«Мировое хозяйство и мировая политика»*, №12 (1947), стр. 11.

⁸ М. Гус, «Арабский восток и империалистическая реакция» // *«Пограничник»*, №7 (1948), стр. 73.

⁹ А. Канунников, «К палестинскому вопросу» // *«Новое время»*, №19 (1948), стр. 7–11.

¹⁰ Полный текст цитируемого выступления А.А. Громыко опубликован в книге: *«Ближневосточный конфликт. 1947–1956»* (Москва: Международный фонд «Демократия», 2003), стр. 8–13; цит. фрагмент на стр. 9.

¹¹ См. об этом: Говард Сакер, *«История Израиля»* (Иерусалим: Библиотека «Алия», 1995), том 2, стр. 278–279 [перевод книги, впервые опубликованной на англ. языке в 1976 году].

¹² «Палестинский вопрос и Организация Объединенных Наций» // *«Новое время»*, №24 (1948), стр. 1.

¹³ Эта телеграмма опубликована в книге: *«Советско-израильские отношения, 1941–1953»* (Москва: «Международные отношения», 2000), книга 1, стр. 305.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А. Ильиных,

Уральский государственный университет
им. А.М. Горького

Сложившаяся после Шестидневной войны 1967 года тушиковая ситуация в деле урегулирования арабо-израильского конфликта была отчасти связана с отсутствием дипломатических отношений между Израилем и Советским Союзом¹. Тогдашнему советскому руководству не хватило выдержки и самообладания для проведения более сбалансированной политики по отношению к Израилю, верх взяли эмоции. Советские руководители решили поддерживать только арабскую сторону, что потом весьма негативно сказалось как на роли СССР в регионе, так и на его участии в поиске путей решения ближневосточного конфликта. До конца 1980-х гг. Москва считалась только с мнением арабских стран, игнорируя то, что исходило от Вашингтона и Иерусалима.

Перестройка в СССР существенно облегчила установление дипломатического диалога. Тем не менее, необходимость восстановления дипломатических отношений с Израилем была осознана советским руководством задолго до перестройки. Так, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко (занимал этот пост в 1957–1985 гг.) еще на конференции в Женеве в декабре 1973 года предложил восстановить советско-израильские дипломатические отношения когда наметится заметный прогресс в урегулировании арабо-израильского конфликта². «Необходимо обеспечить уважение и признание суверенитета, территориальной целостности и политической независимости всех государств Ближнего Востока, их права жить в мире. Это относится и к Израилю. Наша позиция ясна и последовательна от начала до конца – мир и безопасность для всех народов этого района. ... Советский Союз не питает вражды к Государству Израиль как таковому», – заверял А.А. Громыко³. Такой подход к роли СССР в урегу-

лировании арабо-израильского конфликта сохранялся и в середине 1980-х гг. И только 24 апреля 1987 года Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачев заявил, что: «В последнее время много говорят об отношениях между Советским Союзом и Израилем, причем нагромождается масса небылиц. Скажу прямо: нельзя считать нормальным отсутствие этих отношений. Но ведь и разрыв произошел по вине Израиля. Он являлся следствием агрессии против арабских стран. Мы однозначно признаем – в той же мере, как и за всеми государствами, – право на мир и безопасное существование. Вместе с тем, как и прежде, Советский Союз категорически против проводимой Тель-Авивом политики силы и аннексий. Должно быть ясно, что сдвиги в отношениях с Израилем мыслимы только в русле процесса ближневосточного урегулирования. Вырвать этот вопрос из такого контекста невозможно. И эта взаимосвязь создана развитием событий, самой израильской политикой»⁴. 18 мая 1987 года М.С. Горбачев вернулся к этому вопросу, отметив, что советско-израильские дипломатические отношения «смогут быть восстановлены при наличии реального прогресса в ближневосточном урегулировании». Однако сразу вслед за этим М.С. Горбачев добавил: «У нас нет причин относиться к Израилю иначе, чем к любому другому государству, кроме одной – агрессивной политики Израиля в отношении арабов»⁵. Эти слова возвращали советскую позицию к тем же рубежам, на которых она находилась в начале 1970-х годов.

В Израиле многие представители левых кругов готовы были согласиться с тем, что восстановление дипломатических отношений между СССР и Израилем неразрывно связано с реальным процессом мирного урегулирования в регионе. Будущий президент страны Эзер Вейцман также призвал правительство «считаться с Советским Союзом в мирном процессе, так как невозможно навечно оставаться в изоляции». Постепенно начались поиски взаимовыгодных контактов между израильскими и советскими дипломатами и политиками⁶.

В результате политики перестройки и «нового политического мышления» процесс нормализации российско-израильских отношений получил свое логическое развитие. (до этого интересы Израиля в СССР представляло посольство Нидерландов). В июле 1987 года в Израиле начала свою работу советская консульская миссия, занимав-

шаяся выдачей виз, а также проблемами российской собственности на территории Палестины. В 1988 году в Москву прибыла израильская консульская группа во главе с Арье Левином. В Советском Союзе весьма одобрительно оценили такой шаг израильских властей, как выдача в 1988 году преступников, угнавших пассажирский самолет и направивших его в Израиль. Захваченный самолет и всё похищенное имущество и валюта также были возвращены. Советское правительство было благодарно за материальную помощь и сочувствие, проявленные властями и отдельными гражданами Израиля в связи с разрушительным землетрясением в Армении в декабре 1988 года⁷.

С поворотом к политическому реализму в отношениях между двумя странами начались и активные контакты между советскими и израильскими представителями на самых разных уровнях. В феврале 1989 года во время поездки министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварнадзе по некоторым странам Ближнего Востока в Каире состоялась его встреча с министром иностранных дел Израиля Моше Аренсом⁸. Оцениваю свою встречу с советским коллегой, израильский министр сказал: «В течение двадцати лет мы переживали период «засухи» в отношениях Израиля с СССР в связи с тем, что Советский Союз порвал дипломатические отношения. Сегодня мы напоминаем людей, которые встретились после того, как очень долго не общались. Накопилось много вопросов, которые необходимо обсудить. Но всякий раз нам недостает отведенного времени. Мне показалось, мы оба считаем, что должны больше общаться. Один из вопросов, по которому мы договорились, – организация встречи экспертов по Ближнему Востоку для обмена мнениями и аналитическими соображениями. Кроме того, мы решили дополнительно встретиться друг с другом. Думаю, в последующие несколько недель вы сможете наблюдать развитие диалога между нашими странами с целью наверстать упущенное за истекшие двадцать лет. Я не настолько амбициозен, чтобы полагать, что один – два контакта приведут нас к соглашению. Наши взгляды расходятся по ряду вопросов. Но у нас есть общие цели. Я вижу, что Советский Союз очень заинтересован в мире на Ближнем Востоке. Я, со своей стороны, сказал, что никто не заинтересован в мире больше, чем Израиль. Мы рады видеть у Советского Союза желание способствовать установлению

мира в регионе, и я считаю, что он способен это сделать. Но прежде чем, мы достигнем согласия, необходимо прийти к пониманию друг друга. СССР должен осознать наши чувства, и, конечно же, Советский Союз постарается, чтобы мы поняли, в чем состоят его взгляды. Возможно, в процессе такого обмена наши позиции станут ближе... Советский Союз, вне всякого сомнения, может оказать помощь, убедив те арабские страны, на которые имеет влияние, вступить с нами в прямой контакт»⁹.

Позднее как сенсацию восприняли на Западе встречу специального представителя СССР по Ближнему Востоку Г. Тарасова с помощником заместителя премьер-министра Израиля Н. Новиком. По этому поводу Г. Тарасов заявил корреспонденту газеты «Известия» 27 июля 1989 года: «Никакой сенсации нет. Идет обычная дипломатическая работа, требующая постоянных усилий. Активно участвуя в поисках путей урегулирования ближневосточного конфликта, Советский Союз, естественно, поддерживает регулярные контакты со всеми заинтересованными сторонами. Журналистам пора привыкнуть к этому: ведь такая работа будет продолжаться и дальше. В этом году советский специальный представитель уже побывал в Дамаске, Каире, Аммане. На прошлой неделе я встречался в Тунисе с председателем Исполкома Организации освобождения Палестины Ясиром Арафатом и другими палестинскими руководителями, это была очень полезная встреча. Разумеется, нельзя обойти вниманием и Израиль, прямого участника конфликта. Помимо диалога на уровне министра иностранных дел, контакты осуществляются и через консульские группы обеих стран, находящиеся, соответственно, в Москве и Тель-Авиве. Во вторник я принимал руководителя израильской группы А. Левина, а, находясь проездом в Париже, также в порядке поддержания контактов встречался с Н. Новиком. Хочу отметить, что в контактах со всеми заинтересованными сторонами основной целью остается, прежде всего, подготовка и организация международной конференции по Ближнему Востоку»¹⁰.

В начале 1990 года в Москве находился с визитом депутат Кнессета и тогдашний министр науки Израиля Эзер Вейцман, который, в частности, заявил корреспонденту «Известий» 8 января: «В нашем сознании Советский Союз всегда занимал исключительное мес-

то. Люди моего поколения были воспитаны на русских традициях и культуре. Мой отец родом из Пинска, родители матери вышли из Риги и Полтавы. В каждом из моих родственников есть хотя бы частичка русской крови. Вы много сделали для нас. СССР стоял у истоков рождения Израиля. В наших отношениях были и взлеты, и падения, потом произошел разрыв. Сейчас же, как мне кажется, происходит своеобразное возрождение связей с вашей страной, отчасти благодаря эмиграции из Советского Союза. Что касается моего визита, то его цель – установить нормальные рабочие отношения с Академией наук и другими научными организациями. Отдельные контакты между учеными наших стран были и раньше, но сейчас мы намерены перевести их на официальный уровень. Думаю, что наши переговоры – только начало взаимовыгодного процесса расширения сотрудничества в различных областях. А для того, чтобы этот процесс развивался быстро и поступательно, необходимо сделать то, что давно уже назрело, на мой взгляд, стало жизненной необходимостью: нужно, наконец, восстановить нормальные дипломатические отношения между СССР и Израилем. Убежден, что это был бы правильный шаг в интересах обеих стран»¹¹. Данное заявление предполагало начало полноценных контактов высокопоставленных должностных лиц и политических деятелей двух стран.

С тех пор прошло восемнадцать лет, и за это время ситуация в сфере двусторонних контактов изменилась до неузнаваемости. Визиты израильских официальных лиц любого, в том числе и самого высокого, уровня в Россию стали обыденным делом, равно как и поездки сотен тысяч россиян в Израиль. В апреле 2005 года государственным визитом в Израиле побывал и президент Российской Федерации В.В. Путин¹². Первым же российским руководителем высокого ранга, посетившим в начале 1990-х годов Израиль, был министр иностранных дел СССР А.А. Бессмертных, прикладывавший значительные усилия во имя возвращения СССР в ближневосточную дипломатию полноправным участником. В поисках путей к созыву региональной мирной конференции, стремясь усадить арабские страны и Израиль за один стол переговоров, министр иностранных дел СССР с 8 по 15 мая 1991 года совершил большую поездку по ряду стран Ближнего Востока, в ходе которой посетил Египет, Иор-

данию, Саудовскую Аравию, Израиль, дважды побывал в Сирии, а в Каире имел две встречи с прибывшим туда же госсекретарем США Дж. Бейкером. На обратном пути в Москву А.А. Бессмертных сделал остановку в Женеве, где встретился с председателем Исполкома Организации освобождения Палестины Я. Арафатом.

Поездки А.А. Бессмертных в Саудовскую Аравию и Израиль стали первыми в истории отношений в СССР с этими странами визитами советского министра иностранных дел. «Я понимал, – рассказывал позднее А.А. Бессмертных, – что мы ничего не можем там, на Ближнем Востоке, сделать, если мы не будем вести переговоры с Израилем... Мне Горбачев говорит, что, мол, арабские друзья будут шуметь. Я говорю: Михаил Сергеевич, я Вас уверяю, ни одного звука не будет, все будет нормально»¹³.

Советский Союз приступил к процессу полного восстановления дипломатических отношений с Израилем. Через несколько часов после выступления ставшего после августовского путча министром иностранных дел СССР Б.Д. Панкина на Генеральной Ассамблее ООН 29 сентября 1991 года состоялась его встреча с министром иностранных дел Израиля Д. Леви. Д. Леви говорил о том, с какой тревогой следили в Израиле за развитием путча, как ликовали и приветствовали победу демократических сил. Д. Леви отметил, что готов немедленно подписать с Б. Панкиным соглашение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Израилем¹⁴.

В октябре 1991 года Б.Д. Панкин прилетел в Израиль для подписания соглашения о восстановлении двусторонних отношений в полном объеме и обмене дипломатическими миссиями на уровне посольств. 3 января 1991 года представительства в Москве и Тель-Авиве стали генеральными консульствами. В октябре 1991 года между Израилем и СССР были установлены дипломатические отношения. Вручение верительных грамот состоялось при том понимании, что до 30 декабря 1991 года посол А. Бовин будет послом Советского Союза, а после – послом России¹⁵.

Нормализация и установление российско-израильских дипломатических отношений способствовали не только дальнейшему развитию политического, экономического и культурного сотрудничества двух государств, но и содействовали стабилизации и улучшению ре-

гиональной безопасности на Ближнем Востоке, а также привели к более активному участию СССР и России в процессе арабо-израильского урегулирования.

¹ См.: Йосеф Говрин, *«Израильско-советские отношения»* (Москва: «Прогресс», 1994), стр. 117–119 и 319–328 [перевод книги, впервые изданной на языке иврит в 1990 г.].

² См.: Александр Бовин, *«5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства»* (Москва: Захаров, 2000), стр. 9.

³ Заявление А.А. Громыко на Мирной конференции по Ближнему Востоку в Женеве, 21 декабря 1973 г. // *«СССР и ближневосточное урегулирование. Документы и материалы»* (Москва: МИД СССР – Издательство политической литературы, 1989), стр. 186 и 188.

⁴ Цит. по: Александр Бовин, *«5 лет среди евреев и мидовцев»*.

⁵ Из ответов Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева на вопросы редакции газеты «Унита», 18 мая 1987 г. // *«СССР и ближневосточное урегулирование. Документы и материалы»*, стр. 402.

⁶ Цит. по: А.И. Медведко, «Россия и Ближний Восток: сто лет в сопряжении войны и мира» // *«Ближний Восток: проблемы региональной безопасности»* (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000), стр. 69.

⁷ См.: И.А. Звягельская, Т.А. Карасова и А.В. Федорченко, *«Государство Израиль»* (Москва: Институт востоковедения РАН, 2005), стр. 276.

⁸ В.И. Носенко, «Строить – не ломать: нормализация отношений с Израилем понадобилась Советскому Союзу в перестройку» // *«Время новостей»*, 18 октября 2006 г.

⁹ Цит. по: Interview with Foreign Minister Arens on Israel Television, 22 February 1989 // *«Israel's Foreign Relations, 1988–1992»* (Jerusalem: Ministry for Foreign Affairs, 1993), документ 21.

¹⁰ Цит. по: «Россия, ближнее и дальнее зарубежье Азии» (Москва, 1997), стр. 27.

¹¹ Цит. по: Е. Рашковский, «Третий мир – Россия – Израиль» // *«Мировая экономика и международные отношения»*, №3 (1993), стр. 118–119.

¹² См. комментарии Георгия Мирского и Михаила Маргелова «России удалось показать флаг» // *«Российская газета»*, №3759, 29 апреля 2005 г., а также аналитическую справку В.П. Панкратьева «Визит Президента России В.В. Путина на Ближний Восток (25–29 апреля 2005 г.)» (Москва: Институт востоковедения РАН – Отдел комплексных проблем международных отношений).

¹³ Цит. по: В.А. Кузьмин, *«Советская внешняя политика в биографиях наркомов и министров иностранных дел (1917–1991)»* (Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001), стр. 402–403.

¹⁴ См. там же, стр. 452–453.

¹⁵ См.: Александр Бовин, *«5 лет среди евреев и мидовцев»*, стр. 11–17.

ПРАВОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИЗРАИЛЕМ

К.А. Попов,

Уральская государственная юридическая
академия

Одной из форм проявления международных отношений является заключение двусторонних международных договоров. Можно смело выдвинуть максиму, что если между странами происходят активные двусторонние контакты, то их результатом всегда будут международно-правовые договоры двустороннего характера.

Заключение двусторонних договоров по вопросам правового сотрудничества очень важно для обеих сторон, так как главной целью сотрудничества является сближение правовых систем в области экономики и торговли; обеспечение прав человека и создания условий для совместной борьбы с преступностью.

История двусторонних отношений между СССР и Израилем является отражением внутреннего развития этих двух государств, которые образовались в XX веке как результат грандиозных политических экспериментов.

Традиционно в исторической периодизации двусторонних отношений между Израилем и Россией (СССР, Россия является правопреемницей СССР в его международных договорах и обязательствах) выделяется три этапа.

Первый этап. СССР стал одним из первых государств, что признали Израиль *de facto* и первым *de jure* (18 мая 1948 года), был одним из государств-лоббистов, что обеспечили поддержку в парламентских структурах ООН при принятии резолюции о разделе Палестины №181/II от 29 ноября 1947 года. Стремительность установления первых в истории российско-израильских дипломатических отношений поражает: после признания Израиля *de jure* 18 мая уже 26 мая были установлены дипломатические отношения, а 9 августа в Тель-Авив прибыла советская дипломатическая миссия; 17 августа посланник СССР в Израиле П.И. Ершов вручил свои верительные

грамоты; 6 сентября в Москве открылось израильское представительство во главе с Г. Меир¹.

Первый кризис наступил в 1948 году и был связан с вопросом о возможности выезда советских евреев в Израиль. В дальнейшем отношения между государствами по многим причинам ухудшались день ото дня; в феврале 1953 года они были разорваны в первый раз (формальным поводом для разрыва дипотношений послужил странный взрыв на территории посольства СССР в Тель-Авиве)². Однако вскоре после смерти И.В. Сталина советская сторона выразила согласие на восстановление дипотношений, и уже 17 июля 1953 года они были возобновлены в полном объеме. Вместе с тем, сам характер отношений между двумя государствами в то время не позволял говорить о сближении позиций практически ни по одному из стоявших на повестке дня вопросов³.

Второй этап. 10 июня 1967 года, на следующий день после того, как Израиль начал военное наступление против Сирии, СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем⁴. К этому решению присоединились все восточноевропейские страны (в том числе Югославия), за исключением Румынии, которая стала единственной страной Варшавского Договора, не разорвавшей дипломатических отношений с Израилем. Небезынтересно отметить, что в годы, когда между СССР и Израилем были установлены дипломатические отношения (с 1948 по 1967 гг., с коротким перерывом в 1953 году) еврейская эмиграция из Советского Союза была практически запрещена, в то время как в период отсутствия дипломатических отношений (с 1967 по декабрь 1991 гг.) счет шел на тысячи и даже десятки тысяч человек в год, за исключением периода 1981–1986 гг. Совершенно абсурдной была ситуация в 1990–1991 гг., когда дипломатических отношений между странами не было, как не было и прямого авиасообщения, однако, из СССР в Израиль эмигрировали более 350 тысяч человек.

Третий этап. С момента вручения верительных грамот послом СССР в Израиле Александром Бовиным 23 декабря 1991 года начался современный период истории отношений между Израилем и Россией⁵.

Вопрос о нынешнем статусе двусторонних отношений остается предметом спора среди специалистов. Так, нынешний посол Государства Израиль в России Анна Азари считает, что между двумя

странами «очень широкий спектр сотрудничества, гораздо более широкий, чем принято считать»⁶. В свою очередь, известный российский дипломат Юлий Воронцов, напротив, говорит: «Я бы сказал, что они [российско-израильские отношения] нормализовались. Но и не особенно улучшились – ведь все основные «раздражители» остались, прежде всего палестинская проблема»⁷. Интересно, что если Ю. Воронцов обвиняет в том, что эти отношения не улучшились, Израиль, то Стефани Гоффман, возглавлявшая центр по изучению постсоветского пространства в Иерусалимском университете, напротив, выразила мнение, что «решающее слово о всем, что касается взаимоотношения двух стран, остается скорее за Россией, чем за Израилем»⁸. Известный израильский политолог Алек Эпштейн отмечал, что можно говорить о двустороннем разочаровании сторон в связи с нереализованным потенциалом сотрудничества⁹.

На данный момент между Россией и Израилем заключен ряд двусторонних договоров в различных областях. Так, 31 апреля 2006 года был подписан договор о сотрудничестве между координационным бюро экономических организаций в Израиле и торгово-промышленной палатой России. В рамках этого договора стороны обязались увеличить объем совместных проектов, осуществляемых российскими и израильскими бизнесменами. Договор подписали президент Ассоциации промышленников и председатель координационного бюро Шрага Брош и президент торгово-промышленной палаты России, бывший премьер-министр и министр иностранных дел России Евгений Примаков. Согласно договору, Израиль и Россия будут расширять деловые связи, уделяя особое внимание развитию сотрудничества между предприятиями малого и среднего бизнеса в обеих странах. Кроме того, стороны обязались обмениваться информацией в отношении регулятивных действий, связанных с международной торговлей. Важной основой для реализации данного договора служит Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Израиль об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы, подписанная еще 25 апреля 1994 и ратифицированная Федеральным Собранием Российской Федерации 8 октября 2000 года. Конвенция вступила в силу 7 декабря 2000 года¹⁰.

В области судебной защиты для субъектов предпринимательской деятельности между Россией и Израилем действует система многосторонних договоров универсального характера, в которых участвуют оба государства: это Конвенция ООН о признании и исполнении иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 года, Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам от 18 марта 1970 года, Конвенция, отменяющая требования легализации иностранных официальных документов от 5 октября 1961 года и другие правовые акты.

В рамках сотрудничества по борьбе с преступностью между Россией и Израилем не заключен ни один из стандартных международных договоров: ни договор об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам; ни договор об экстрадиции; ни договор о выдаче заключенных для отбывания наказания. На данный период эта правовая пустота создает напряжение в двусторонних отношениях.

Вопрос о выдаче послужил основанием для напряжения в двусторонних отношениях в связи с «делом Леонида Невзлина»: израильская сторона, ссылаясь на отсутствие двустороннего договора о выдаче, не удовлетворила требования российской стороны о его экстрадиции. При этом российская сторона не без оснований считает, что данный отказ объясняется политическими, а не правовыми мотивами. Процесс экстрадиции граждан в отношениях между двумя странами регулируется многосторонним договором (Конвенция Совета Европы о выдаче от 13 декабря 1957 года), участниками которого являются как Россия, так и Израиль, и именно по этой модели Израиль передавал России некоторых своих граждан, обвиненных в тяжких преступлениях. Так, в 2002 году Израилем был выдан Андрей Журавлев, которого Генеральная прокуратура России считала виновным в убийстве и бандитизме (в 1999 году А. Журавлев бежал в Израиль, где получил гражданство). Так же был разрешен вопрос и в отношении Геннадия Ягудаева в 2003 году. (Г. Ягудаев по поддельным документам на чужое имя прибыл в Израиль и получил гражданство в 1996 году, после того, как в 1992 году бежал из мест заключения, где отбывал тринадцатилетний срок за два разбойных нападения. В Израиле он также занялся преступной деятельностью, был задержан,

после чего было установлено его настоящее имя и начался продолжавшийся два года процесс, закончившийся его выдачей России).

Если отказ в выдаче Леонида Невзлина вызвал недовольство со стороны российского руководства и государственно-патриотических СМИ, то для израильского общества такой историей стал отказ России в выдаче четырех израильтян для отбывания наказания, осужденных за незаконную продажу неграненых алмазов. Часть израильских СМИ объявила, что Эли Кац, Шимон Гиршхорн, Владислав Коган и Шалом Касирер «буквально взяты в заложники Кремлем», и что их судьба теперь зависит от решения вопроса о выдаче Леонида Невзлина Израилем. Проблема заключалась еще и в том, что данный вопрос не урегулирован двусторонним договором, как, например, в отношениях России с Испанией, Индией, Грецией, США и рядом других стран.

Интенсивность взаимодействия спецслужб России и Израиля также едва ли достигла «потолка» своих возможностей. Не заключены двусторонние ведомственные соглашения между Федеральной службой безопасности России и Общей службой безопасности Израиля о борьбе с терроризмом и об обмене информацией. Инициатива в заключение подобных соглашений исходила со стороны Израиля в 2002 и 2004 гг., но российская сторона не проявила к ним особого интереса. Сотрудничество между российскими и израильскими спецслужбами осуществляется лишь на уровне взаимодействия в рамках международных организаций (в частности, Интерпола).

Еще один вопрос, связанный с отправлением правосудия по уголовным делам, — это вопрос о взаимной правовой помощи по уголовным делам, который также урегулирован многосторонним договором — Европейской конвенцией о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 года. Данная конвенция лишь в общих чертах формулирует вопросы и порядок сотрудничества и рассчитана на принятие двухсторонних договоров между государствами-участниками Конвенции. Процессуальная неопределенность, имеющаяся в Конвенции, в будущем может послужить новым основанием для непонимания и поводом для новых взаимных упреков.

Россия, имея соотечественников за рубежом, и Израиль, располагая потенциальными гражданами по Закону о возвращении, не про-

являют собой заинтересованности в принятии типовых договоров о решении социально-правовых вопросов (признание образования, признание профессионального стажа – медицинского, юридического и т.д., вопрос о признании военной службы). Не решен и вопрос о двойном гражданстве, хотя на практике, начиная с 1992 года, все лица, уехавшие в Израиль из России на постоянное место жительства, сохранили российское подданство; при этом немедленно по приезде в Израиль они получили гражданство и этой страны. Россия при этом относится к этим гражданам исключительно как к россиянам, и на территорию РФ они могут въезжать исключительно по российскому паспорту. Израиль, в свою очередь, требует от них пересекать границу исключительно по израильским паспортам. В результате, люди вылетают из Тель-Авива с одними документами, а через четыре часа прилетают в Москву и проходят паспортный контроль – с другими, и это продолжается уже шестнадцать лет.

Настоящим прорывом в двусторонних отношениях стало подписание 21 марта 2008 года договора о безвизовом обмене туристами, который вступает в силу 20 сентября, после завершения обеими сторонами процедуры ратификации. (Россия закончила все необходимые процедуры еще 28 марта, Израиль – 20 июня). Данный договор важен и для Израиля, который сможет привлечь туристов из России, и для православной общины в России, представители которой смогут посещать святые места без визы. Естественно, он важен и для российских евреев, да и для всех граждан обеих стран, вовлеченных в деловые, научные, культурные, образовательные и туристические связи между государствами. Остается надеяться на то, что реализация этого договора будет идти без помех, и что миграционные службы и органы правопорядка обеих стран будут делать свою работу профессионально и корректно. Хочется верить, что данный договор станет прологом к заключению ряда дополнительных соглашений между двумя странами, потребность в которых – очевидна.

1 См.: Ю.И. Стрижов, «Советский Союз внес весомый вклад в создание Государства Израиль» // «Азия и Африка сегодня», №5 (1998), стр. 45–49.

2 См.: Михаил Попов, «Тридцать семь лет на Ближнем Востоке. Записки дипломата» (Москва: МГИМО, 2002), стр. 44–52.

3 См.: Йосеф Говрин, «Израильско-советские отношения» (Москва: «Прогресс», 1994), стр. 60–175.

⁴ См. там же, стр. 322.

⁵ См. мемуарную книгу Александра Бовина «5 лет феди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства» (Москва: Захаров, 2000). См. также: И.Д. Звягельская, Т.А. Карасова и А.В. Федорченко, «Государство Израиль» (Москва: Институт востоковедения РАН, 2005), стр. 276–279.

⁶ Интервью чрезвычайного и полномочного посла Государства Израиль в Российской Федерации Анны Азари «Реальная картина лучше, чем ее рисует пресса» // «Коммерсант», 16 ноября 2006 г.

⁷ Интервью чрезвычайного и полномочного посла Юлия Воронцова «Встретились, разговорились и тут же поругались» // «Время новостей», №3545, 18 октября 2006 г.

⁸ Стеффани Гофман, «Российско-израильские отношения в последнее десятилетие» // «Общество и политика современного Израиля», под ред. А.Д. Эпштейна и А.В. Федорченко (Москва/Иерусалим: Еврейский университет – «Мосты культур», 2002), стр. 314.

⁹ Алек Эпштейн, «Израиль и Россия: несостоявшийся роман?» // «Россия в глобальной политике», том 5, №3 (2007), стр. 195–205.

¹⁰ Конвенция опубликована: «Собрание законодательства РФ», 07 июня 2004 г., №23, ст. 2236, «Бюллетень международных договоров», №8, 2004.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ИЗРАИЛЯ ПОСЛЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Д.А. Марьясис,

Отдел Израиля Института востоковедения РАН
и Институт стран Азии и Африки МГУ
им. М.В. Ломоносова, Москва

18 октября 1991 года дипломатические отношения между Израилем и СССР были восстановлены, а с декабря 1991 года Россия стала правопреемницей СССР. Довольно быстро напряжение между двумя странами, существовавшее до 1991 года, сменилось активным сотрудничеством по многим направлениям. Возобновление отношений дало толчок развитию экономических, политических, культурных и других связей¹. Российско-израильские экономические связи регулируются рядом соглашений и договоров, большинство из которых подписаны еще в 1994 году.

Несмотря на постоянный рост экспорта в конце 1990-х–начале 2000-х гг., лишь к концу исследуемого периода Израилю удалось превзойти уровень экспорта в Россию, достигнутый к 1996 году. Вместе с тем рост импорта из России продолжался более быстрыми темпами, чем увеличение экспорта туда, что способствовало росту отрицательного сальдо торгового баланса между двумя странами в период 1998–2006 гг. (см. табл. 1 и 2).

Реальный объем торгового оборота, по мнению экспертов, в два раза превышает официально объявленный. Скрытый внешнеторговый оборот осуществляется в виде экспорта в Россию, организуемого европейскими филиалами израильских компаний, а также экспорта услуг, статистический учет которых затруднен как из-за несовершенства правовой основы двусторонних связей, так и специфики статистического «улавливания» данной экспортной статьи. Так, до 65% потребляемой в Израиле нефти имеет своим источником российские месторождения, но, согласно таможенной статистике, крупней-

шим поставщиком жидкого топлива является Кипр, хотя, насколько известно, там нет ни одной скважины. Такая ситуация обусловлена заинтересованностью российских компаний в «оптимизации налогообложения» и преимуществами фрахтования танкеров в третьих странах.

Таблица 1. Товарооборот Израиля с Россией в 1990-е годы (\$ млн.)²

Экспорт	1990*	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Импорт	4,9	118,5	192,7	259,6	261	253	184,6	106,6
Оборот	18,5	55,6	70,2	214,8	182,1	160	225,9	302,4
Сальдо	23,4	174,1	262,9	474,4	443,1	413	642,9	408,8
Экспорт	-13,6	62,9	122,5	44,8	78,9	93	-41,3	-196

**Включая торговлю с другими республиками СССР*

Таблица 2. Товарооборот Израиля с Россией в 2000-е годы (\$ млн.)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Экспорт	146,4	172,4	210,5	220,5	319	417,6	524,6
Импорт	472,6	507,1	519,9	618,2	688	1055,7	1141,6
Оборот	619	679,5	730,4	838,7	1007	1473,3	1666,2
Сальдо	-326,2	-334,7	-309,4	-397,7	-369	-638,1	-617,0

Как отмечает в своей статье Ф.А. Тринич, существует значительное расхождение в статистических показателях торговли, приводимых израильской и российской статистикой³. В частности, по российским данным израильский импорт из этой страны выше, чем по собственно израильским. Это объясняется тем, что описанные ранее поставки нефти и других ресурсов в Израиль через третьи страны, составляющие значительную часть российского экспорта в эту страну, фиксируются отечественными органами как экспортные поставки из России в Израиль, а израильтяне в своей статистике исходят из формального принципа. В настоящей работе за основу приняты данные, публикуемые израильскими статистическими органами.

В последнее время перед Россией и Израилем стоит задача ус-

транения дисбаланса в двусторонних отношениях. Дело в том, что по уровню развития экономические связи всегда отставали от взаимодействия в области политики или культуры. Слишком долго экономические отношения между двумя странами оставались в заложниках у большой политики. И по сей день реализация многих хозяйственных проектов либо напрямую зависит от решения внешнеполитических проблем, либо используется в качестве компенсации политических уступок. Ситуация в этом отношении улучшается, но принцип экономизма (т.е. приведения внешнеполитического курса в соответствие с потребностями развития экономики) пока еще не стал доминирующим.

Экспорт России в Израиль включает необработанные алмазы (до 85%), сырую нефть, металлопрокат, древесину, технику, оборудование и транспортные средства, а импорт – пищевые продукты, технику, аппаратуру для телефонных станций, телеграфов и радиоаппаратуру, а также лекарства. Товарная структура внешнеторгового обмена во многом соответствует моделям экспортно-импортных операций обеих стран. Сегодня можно говорить о достаточно высоком уровне взаимодополняемости хозяйственных структур России и Израиля. Вместе с тем, сырьевая направленность российского экспорта вряд ли соответствует тому месту в международном разделении труда, которое Россия стремится занять.

К середине 1990-х гг. в структуру хозяйственных связей начали вплетаться производственная кооперация, сотрудничество в области создания и использования новых технологий, научных исследований, взаимного предоставления различного рода услуг. В России активно работают компании «*Tadiran Tikshoret*» и «*Bezeq*», занимающиеся телекоммуникациями, «*Elbit*» и «*Tutenuer*» – крупнейшие израильские производители медицинского оборудования и другие. Значительный интерес к сотрудничеству проявили представители одной из наиболее наукоемких отраслей современной экономики – авиационной промышленности.

Наиболее перспективными отраслями российско-израильского сотрудничества эксперты обеих стран называют осуществление совместных проектов в области энергетики, радиоэлектроники и вычислительной техники, медицины, биотехнологии, сельского

хозяйства, охраны окружающей среды, финансовой сферы и туризма.

Многие израильские компании не только установили контакты с российскими фирмами, но и создали совместные предприятия. Большинство компаний со смешанным капиталом было основано в традиционно привлекательных для зарубежных инвесторов областях России (Москва, Санкт-Петербург, Самара, Саратов и некоторые другие регионы).

При этом российский бизнес также проявляет интерес к Израилю. Там работают такие отечественные компании как «Транстрой», «Росуголь», «Газпром», «Саянстрой» и другие.

Израильяне также проявляют большой интерес к российским научно-техническим разработкам в области ядерной энергетики, производства точных измерительных приборов, оптических инструментов. Интересным для обеих стран является сотрудничество в освоении космоса.

Большие надежды в развитии двусторонних экономических отношений возлагались на сферу туризма в связи с возросшим интересом паломников к Святой Земле. Однако расчеты израильских и палестинских экспертов на получение сверхприбылей от празднования 2000 года не оправдались. Причиной тому явился острый конфликт израильского правительства с властями ПНА по вопросу принадлежности мест христианского паломничества на Западном берегу р. Иордан, а в еще большей степени – начавшаяся в сентябре 2000 года интифада Аль-Акса, ставшая причиной резкого сокращения числа желающих посетить столь беспокойный регион. Однако в последние годы наблюдался рост российского туризма в Израиль. Подписанное весной 2008 года соглашение об отмене туристических виз между двумя странами – знак взаимной заинтересованности в развитии сотрудничества в этой отрасли.

Развитие банковской сферы в России способствовало установлению контактов между российскими и израильскими банками, обмену деловыми услугами. При этом взаимодействие российских и израильских финансовых институтов находится в самой начальной стадии. Финансовая сфера оказалась наиболее чувствительной к резким переменам в экономике и политике двух стран. Присутствие израильских

банков в России практически незаметно. Хотя израильтян очень привлекает обширный и пока не полностью насыщенный финансовыми услугами российский рынок, доступ в Россию иностранных банков крайне затруднен административными и экономическими барьерами. Вот почему, например, решение об открытии в нашей стране представительства крупнейшего в Израиле банка «*HaPoalim*» несколько раз откладывалось⁴. В июле 2008 года банк «*HaPoalim*» приобрел 78% акций российского СДМ-банка (исходя из общей стоимости банка в 142,5 миллионов долларов)⁵. Был создан серьезный прецедент, который, хочется надеяться, станет началом более тесного сотрудничества между двумя странами в финансовой сфере. К тому же в 2004 году была одобрена схема, по которой, российские банки, берущие кредит на деятельность, связанную с экспортом из Израиля, получают десятипроцентное послабление на выплаты подоходного налога в России. По мнению экспертов, это даст возможность создать нормальную инфраструктуру израильского экспорта в Российской Федерации.

Показательным также является то, что российская венчурная индустрия создается по образу и подобию израильской, на основе опыта фонда «*Yozma*» [«Инициатива»]⁶, о чем открыто сообщают российские официальные лица. Это оправдано экономически, так как израильский опыт создания действенной системы инвестирования высокорискового капитала, без которой невозможно развитие инновационной экономики, является, пожалуй, наиболее успешным в мире. Но и здесь не обошлось без проблем. Одной из управляющих компаний «Российской венчурной корпорации» (РВК) – аналога израильской «*Yozma*», была выбрана компания «Финанстраст». В составе ее учредителей важную роль играла крупная израильская корпорация «*Tamir Fishman*», которая после скандального интервью управляющего директора «Финанстраст» Олега Шварцмана газете «Коммерсант», опубликованного 2 декабря 2007 года, была вынуждена выйти из проекта. Такие события не повышают уровень доверия между двумя странами, тормозят развитие взаимовыгодного сотрудничества.

Кратко рассмотрев все сферы экономического взаимодействия между Россией и Израилем, зададимся вопросом: «Что может стать основой долгосрочного двустороннего сотрудничества на систем-

ной основе?» Представляется, что ответом на этот вопрос является кооперация именно в сфере инновационного развития.

Однако и здесь существует ряд нерешенных проблем:

1. Взаимное недоверие между российскими и израильскими деловыми и научными кругами.
2. Нехватка регулирующих документов по взаимному сотрудничеству.
3. Отставание российских законодательных и деловых норм в сфере высоких технологий от мирового уровня.
4. Отсутствие действенных эффективных инструментов трансфера технологий как из России в Израиль, так и из Израиля в Россию.
5. Фрагментарность научно-технологического сотрудничества, отсутствие концепции и координирующих структур.
6. Недостаток в соответствующих государственных структурах как в России, так и в Израиле политической воли для развития эффективного взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами, что, по сути, является пережитком холодной войны.

В значительной степени из-за этих проблем многие договоренности между двумя сторонами на практике так и остаются нереализованными, или реализуются в малой степени. Сотрудничество в сфере высоких технологий в целом осуществляется нерегулярно, а инициативы в данной области не координируются и не получают систематической поддержки государства – ни в России, ни в Израиле⁷. При этом указанные далее преимущества такого сотрудничества позволяют рассчитывать на то, что в скором времени двум странам все же удастся создать действенную систему двустороннего инновационного сотрудничества.

Во-первых, текущее состояние дел в данной сфере в России и стремление нашей страны к развитию отечественных высоких технологий позволит наладить сотрудничество с Израилем на паритетных началах. Это, безусловно, важно для Израиля, так как зачастую в его экономических отношениях с Западом этой стране отводится роль игрока второго плана.

Во-вторых, практическое отсутствие языкового барьера между российскими учеными и учеными, живущими в Израиле, которые

эмигрировали из Советского Союза, при правильном управлении позволяет создать такую инфраструктуру трансфера технологий, которая значительно снизит утечку мозгов и технологий из обеих стран в США.

В-третьих, в рамках технологической цепочки коммерциализации технологий абсолютно оправдано открытие производства на территории РФ с привлечением израильского капитала. Для Израиля это выгодно, так как производить продукцию там значительно дороже, чем в России. Для нашей страны преимущества состоят в том, что создание новых производств приведет к реанимации законсервированных до настоящего времени промышленных объектов, будут созданы новые рабочие места, а это положительно отразится на экономической и социально-политической обстановке в стране.

В-четвертых, сотрудничество между двумя странами в этой области может способствовать значительному расширению рынка сбыта продукции инновационных технологий обеих стран. Израиль – страна, глубоко интегрированная в развитые рынки стран Запада, – может служить своего рода проводником российской продукции и продукции совместного производства. Россия же имеет давние прочные связи на мусульманском Востоке – регионе со значительным платежеспособным спросом на новые технологии; Израилю же в силу ряда политических причин доступ на эти рынки закрыт. Таким образом, Российская Федерация может служить проводником для израильских и совместных разработок на эти рынки⁸.

За шестнадцать лет сотрудничества пройден большой путь. Но еще много предстоит сделать. Одной из главных задач в первые годы XXI века, стоящих перед правительствами двух стран, является налаживание взаимодействия между представителями среднего и малого бизнеса. Потенциал Израиля и России в этой сфере велик как по причине проживания в Израиле около миллиона бывших россиян, так и вследствие взаимной заинтересованности в развитии наукоемких отраслей промышленности. Сейчас представители экономического истеблишмента Российской Федерации ставят амбициозную цель – к 2010 году довести объем двусторонней торговли

до уровня в 5 миллиардов долларов. Если правильно распорядиться имеющимся потенциалом, то эта цель кажется вполне достижимой.

Отдельно стоит отметить, что в настоящее время роль Израиля в мировой экономике весьма значительна. Особенно важно, что основой израильского экспорта является высокотехнологичная «продукция XXI века». Россия же стоит на пути создания инновационной экономики. Обладая огромным интеллектуальным потенциалом, Российская Федерация существенно отстает по формам организации инновационного предпринимательства, его эффективности. Именно поэтому представляется важным учитывать израильский опыт в этой сфере. Опыт развития научно-технического сотрудничества Израиля с другими странами также является интересным для отечественных специалистов. Россия может стать деловым мостом между Востоком и Западом в силу своего географического положения и политического влияния, а также центром привлечения инвестиций в отрасль высоких технологий, так как научно-технический потенциал страны до сих пор значителен. Для этого необходимо создать четкую, отлаженную структуру внешнеэкономических связей. Путь, пройденный Израилем в этом направлении, может быть использован при разработке отечественной парадигмы развития.

¹ См.: Николай Хаустов, «Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Израилем в 90-е годы» // *«Востоковедный сборник»*, №2 (2001), стр. 333–351.

² Рассчитано по: Андрей Федорченко, Ольга Зайцева и Дмитрий Марьясис, *«Израиль в начале XXI века»* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2004), стр. 158; *«Statistical Abstract of Israel»*, 2003, 2006, Table 16.5 (Jerusalem: State of Israel, Central Bureau of Statistics, 2003, 2006).

³ См.: Ф.А. Тринич, «Россия – Израиль: состояние торгово-экономического сотрудничества» // *«Ближний Восток и современность»*, №20 (2003), стр. 346–354.

⁴ См.: Андрей Федорченко, «Россия и Израиль: проблемы экономического взаимодействия» // // *«Общество и политика современного Израиля»*, под ред. А.Д. Эпштейна и А.В. Федорченко (Москва/Иерусалим: Еврейский университет – «Мосты культуры», 2002), стр. 341–342.

⁵ «Банк «Ха'поалим» приобрел контроль над российским СДМ-банком» // Экономическое приложение к газете *«Едиот ахронот»* [«Последние известия»], 17 июля 2008 г. [на иврите].

⁶ Подробнее см.: Федорченко А.В., Марьясис Д.А. НТК России и Израиля: возможности взаимодействия. // Аналитические доклады, выпуск №7(12), Центр ближневосточных исследований Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России, Москва, октябрь 2006 г.

⁷ См.: Андрей Федорченко и Дмитрий Марьясис, «НТК России и Израиля: возможности взаимодействия» // *«Аналитические доклады МГПИМО»*, выпуск №7(12) (октябрь 2006 г.), стр. 50.

⁸ См. там же, стр. 55.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

**ИЗРАИЛЬ, ДИАСПОРЫ
И РУССКОЯЗЫЧНОЕ ЕВРЕЙСТВО**

ИЗРАИЛЬ В САМОСОЗНАНИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН ДИАСПОРЫ

Д.А. Саноян,

Институт стран Азии и Африки МГУ
им. М.В. Ломоносова, Москва

Всемирное еврейское бытие на пороге нового тысячелетия характеризуется постоянно углубляющимися тенденциями культурного дробления. В свете этих тенденций те, кто все-таки стремится сохранить свою особую еврейскую личностную самоидентификацию, нуждаются в идеологии бунта против сложившейся реальности своего существования, которая приводит к ассимиляции евреев в окружающей их среде. Профессор Йосеф Горный утверждает, что сионизм и Государство Израиль в прошлом сумели успешно объединить самые разные, порою противоречащие друг другу течения на основе общего национального знаменателя и общего культурного наследия¹. Какое место занимает Израиль в самосознании еврейских общин диаспоры сегодня, в начале XXI века? И какую роль занимают диаспоры в самосознании еврейского израильского общества?

С появлением Израиля ожидаемой была бы консолидация еврейских общин вокруг национального центра, с одной стороны, и активная деятельность еврейского государства по поддержанию и развитию связей с еврейскими центрами по всему миру, с другой. Однако на практике оказалось, что выстраивание отношений между еврейскими диаспорами и Израилем – это долгий и сложный процесс, зависящий от многочисленных внутри- и внешнеполитических факторов. Исторический ход событий скорректировал расстановку сил между двумя лагерями. После Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства весь спектр еврейской политической элиты, за редким исключением, был объединен вокруг идеи государственного строительства. При этом неправильно было бы думать, что американские несионистские организации изначально отрицали идею строительства «национального очага» в Палестине/Эрец-Израэль или что сионисты не считали необходимым помогать еврей-

ским общинам диаспоры, испытывающим нужду. И те, и другие признавали своей основной целью спасение еврейских общин, терпящих бедствие². Действительно, в прошлом иммиграция в Палестину/Эрец-Исраэль (называемая на иврите *алия* – восхождение, подъем) была ответом на политический кризис, угрожавший существованию евреев как народа. Массовая эмиграция и переселение в Палестину/Эрец-Исраэль была непосредственной реакцией на антисемитизм и преследования. Израиль занимал весьма важное место в самосознании евреев диаспоры и воспринимался по сути как политическое убежище. Алия же по своей сути чаще являлась неизбежным бегством, чем выражением моральной и духовной потребности. Так, Рафаил Нудельман, анализируя причины еврейской эмиграции из СССР в Израиль в 1970-е годы, отмечал, что важной составляющей, мотивировавшей переселенцев, «было желание найти защиту от очередного Освенцима и очередного ГУЛАГа»³.

Однако к началу 1990-х годов ситуация изменилась. Численность евреев, живущих в странах, где их существованию угрожает реальная опасность, значительно сократилась, при том, что демографическая угроза еврейскому суверенитету в Палестине/Эрец-Исраэль не уменьшается. Вопрос о выживании еврейских общин диаспоры снят с повестки дня. Ограниченные возможности, обуславливавшие стиль жизни восточноевропейского еврейства в XVIII–XIX веках, принципиальным образом отличаются от той социальной реальности, в которой живут евреи в США и Канаде, а также странах Западной Европы. Для многих из них, живущих в плюралистических демократических обществах, предоставляющих своим членам огромный диапазон возможностей самореализации, сионистская мечта о «нормальной жизни» уже давно осуществилась. Сегодня призыв к совершению алии в Израиль часто воспринимается еврейством диаспоры отчужденно и даже враждебно⁴. Мировое еврейство ждет от Израиля партнерства, а не спасения. Современная еврейская молодежь диаспоры, то есть третье поколение после Холокоста, считая существование еврейского государства само собой разумеющимся, подвергает сомнению его значимость, с равной отстраненностью критикуя его недостатки и защищая его достоинства.

В августе 1996 года влиятельный журнал «*Commentary*» опубликовал материалы симпозиума, темой которого было: «Что наиболее важно для американских евреев в наши дни?». В нем приняли участие сорок восемь человек, играющих активную роль в жизни американской еврейской общины: интеллектуалы, ученые, раввины и общинные лидеры. Около половины вообще не упоминали о Государстве Израиль или упоминали лишь случайно, поскольку значение его было для них маргинальным; четверо или пятеро из оставшейся половины считали Израиль самым важным в своей жизни, прочие относились к нему как к одному из серьезных компонентов своей еврейской идентичности, но отнюдь не первому по значению⁵. В выпущенной в издательстве *University of Wisconsin Press* книге под названием: «Люди Писания» тридцать ученых размышляют о своей еврейской идентичности. Эти ученые отличаются от сотрудничающих с «*Commentary*» тем, что не многие из них активно участвуют в организованной еврейской жизни, но многие испытывают беспокойство или неуверенность по поводу своего еврейства, хотя вопрос об открытом отречении и не возникает. Только в одном из тридцати очерках Израиль выступает как главное действующее лицо⁶. Несомненно, что-то произошло с тем местом, которое Израиль занимает в умах американских евреев; и чем моложе человек, тем больше его шансы оставить свою общину. Если двадцать пять лет назад Израиль без всяких колебаний можно было провозгласить «гражданской религией американских евреев», то сегодня, спустя сто десять лет после публикации «Еврейского государства» Теодора Герцля и спустя шестьдесят лет после того, как такое государство было действительно создано, эта вера теряет своих приверженцев.

Для этого есть очевидные причины. К ним можно причислить распространение ассимиляции в диаспоре; ход времени, который удаляет израильтян и евреев диаспоры от их общих корней – общей еврейской традиции; дискредитации на современном Западе идей национализма и ассоциируемых с ним ценностей; сочетание позиций, для которых характерны культурный, сексуальный и моральный релятивизм и возведение прав личности на самоудовлетворение и самореализацию на первое место, противоречит тому, что считалось израильским духом. Другие факторы включают ослабление этого

духа в самом Израиле, ухудшение международного образа Израиля, особенно после Ливанской войны 2006 года и в последующие месяцы (полицейские расследования против президента, премьер-министра и министра финансов не могли пройти незамеченными); современное разочарование в секуляризме и представлении о секулярной еврейской культуре; и, наконец, добавочное оживление интереса к еврейской религиозной выразительности и духовности как основной сути еврейского существования.

Следует несколько подробнее остановиться на религиозном факторе. Для израильтян быть евреем – это естественное самоощущение, и религия при этом не является определяющим фактором. Гораздо важнее – это представление о важности еврейского государства, признание его основой еврейской национальной жизни⁷. Именно оно призвано выражать и реализовывать еврейскую национальную идею во всех ее аспектах, в большей мере, чем все остальные институты. Условно такой тип самосознания можно назвать «национально-государственным». Понимание американской общиной тех же вопросов существенно отличается: евреи являются таковыми прежде всего в силу их религии. Такое «национально-религиозное» самосознание прекрасно вписывается в более широкое поле самоидентификации – американской. Американские ценности, американская культура и американское государство первичны и безусловно доминируют. Вполне очевидно, что на первом месте среди приоритетов американских политиков еврейского происхождения – отчасти из-за опасения быть обвиненными в «двойной лояльности», отчасти из-за указанных особенностей самосознания – будут стоять в первую очередь американские интересы, затем их личные интересы как политических деятелей и, наконец, партийные интересы. Более того, известны примеры, когда американские политики еврейского происхождения занимали как раз весьма жесткую позицию по отношению к Израилю. Американская модель сегодня характерна для большинства еврейских общин мира и определяется ощущением, что можно оставаться евреем и в диаспоре, можно сопереживать еврейскому государству, но не обязательно туда переезжать, можно сохранять еврейскую культуру как субкультуру в рамках более широкой самоидентификации. Так чувствует в настоящее время и значительное большинство евреев России.

Израиль возник и развивался как государство национальное, то есть принявшее на себя обязательства по защите интересов, благосостояния, перспектив всего еврейского народа. Большинство же евреев диаспоры живет в гражданских государствах – странах, обязавшихся защищать интересы и благосостояние своих жителей вне зависимости от их принадлежности к той или иной этнической, национальной или религиозной группе. Евреи диаспоры, прежде всего Соединенных Штатов, создали собственный эпос, слагаемыми которого стали ценности гражданского государства – равенство, отделение религии от государства, плюрализм, включая плюрализм в попытках определения еврейской личностной самоидентификации⁸. Но и в израильском обществе все усиливаются тенденции пересмотра принципов национального государства в соответствии с моделью государства гражданского. Все это ставит еврейство диаспоры перед непростой дилеммой. С одной стороны, для его представителей жизненно важно видеть в Израиле воплощение еврейской аутентичности, иначе Израиль перестанет быть для диаспоры центром, источником вдохновения, витальных сил, питающих еврейскую жизнь⁹, то есть, еврейство диаспоры желает, чтобы Израиль существовал именно как государство национальное. С другой стороны, еврейство диаспоры восприняло моральные нормы именно гражданского государства и только с таким типом государства связывает надежды на свое еврейское будущее в диаспоре. Парадокс заключается в том, что, по сути, именно сближение, схожесть в подходах к вопросу о еврейском характере государства – как со стороны евреев диаспоры, так и со стороны израильтян – ведет к тому, что евреям, не являющимся гражданами Израиля, все труднее будет видеть в нем духовный центр, средоточие, источник, из которого черпают жизненные силы еврейское существование в диаспоре.

Большая часть еврейского народа – как в Израиле, так и в странах рассеяния – сегодня отошла от религии, и, по-видимому, эта ситуация сохранится и в будущем. Но, оставаясь людьми светскими, они понимают, что еврейская самоидентификация их детей, внуков и правнуков отныне не есть нечто само собой разумеющееся. В то же время нет у них и оснований предполагать, что коллективное выживание всего еврейского народа гарантировано тем, что существует Государство Израиль.

И тем не менее, Израиль продолжает занимать важное место в самосознании еврейских общин диаспоры. Как отмечает Майкл Браун, в настоящее время это единственная ценность, общая для евреев различных религиозных направлений и политических взглядов¹⁰. Существуют по меньшей мере четыре чрезвычайно серьезных обстоятельства, обуславливающих значимость Израиля в самосознании еврейских общин диаспоры. Во-первых, Израиль воплощает в себе уникальное историческое достижение: после двухтысячелетнего рассеяния евреи вновь обрели свой национальный дом, причем их политический суверенитет был восстановлен на той самой земле, где он был разрушен римлянами в 63 году до н.э. Этот феномен представляет собой материализацию не притупленной временем национальной исторической памяти. Верность демократическим принципам, которую Израиль постоянно подтверждает на деле, относительно успешная абсорбция трех миллионов иммигрантов, создание и развитие идеологии социального равенства, стремительное развитие науки, творческая активность в области культуры, современный боевой потенциал в сочетании с военным искусством – таким комплексом черт, характеризующих здоровую нацию, не обладает, пожалуй, ни одно государство, созданное после Второй мировой войны. Евреи диаспоры не могут оставаться в стороне от процесса развития в Израиле нового еврейского общества.

Во-вторых, в современную эпоху преобладания светской культуры Израиль все еще представляет собой самый мощный фактор, способствующий объединению мирового еврейства. Сам факт существования Израиля воздействует на эмоции как светских, так и религиозных евреев, в особенности в моменты кризиса.

В-третьих, евреи диаспоры могут предложить израильскому обществу альтернативную версию иудаизма¹¹. Отчуждение израильского общества от религии растет тем быстрее, чем более ортодоксальный истеблишмент отделяется от него и чем более авторитарным он становится. Истинный религиозный плюрализм жизненно необходим Израилю не только для улучшения его отношений с диаспорой, но и для того, чтобы израильтяне более внимательно относились к наследию иудаизма.

И наконец, в-четвертых, все более глубокое вхождение в израильскую реальность мотивировано верностью демократическим при-

нципам. По понятным причинам политический настрой еврейства со времен эмансипации всегда был демократическим, а не авторитарным. Евреи современной диаспоры полностью привержены политической культуре западных демократических стран.

Существует и иное мнение, сторонники которого ратуют за некое национальное равновесие между тем центральным положением, которое занимает Государство Израиль как выразитель интересов евреев в их сознании и в их жизни, и духовного сионизма, цель которого – хранить и преумножать культурные ценности еврейства¹². Отсюда делается вывод о том, что главная роль сионизма не в том, чтобы заботиться о репатриации в Израиль, а в том, чтобы способствовать духовному подъему евреев диаспоры.

В восприятии большинства евреев США и стран Запада Государство Израиль все еще занимает достаточно важное место в проблематике личностной самоидентификации. Сбор денег на нужды Израиля и политическое лоббирование израильских интересов – наиболее распространенные формы проявления внимания к Израилю среди американского еврейства. На сегодняшний день эти проявления еврейской солидарности, безусловно, важны, однако и еврейские лидеры, и многие из американских социологов утверждают, что если приверженность Израилю не обретет форму более глубоких, более значимых и значительных связей, такое положение едва ли сохранится в будущих поколениях¹³.

Важно отметить, что интерес к истории Государства Израиль и его общественно-политическим реалиям обусловлен растущим сознанием неоспоримой ценности Израиля как национального дома, в том числе и для российских евреев. Естественно, этот интерес активизируется в период военно-политической конфронтации. Для многих евреев СНГ интерес к Израилю стал особенно актуальным в контексте многообразных родственных и дружеских отношений с «новыми израильтянами» (напомним, что в 1989–2007 гг. в Израиль иммигрировали более миллиона выходцев из СССР/СНГ и стран Балтии) или в связи с собственными эмиграционными планами¹⁴. В то время как среди евреев США Израиль все меньше воспринимается как центр еврейского существования, место, занимаемое Израилем в умах русскоязычного еврейства, остается весьма значительным¹⁵.

¹ Йосеф Горный, «В поисках еврейской национальной самоидентификации» (Гель-Авив: издательство «Ам овед», 1990), стр. 27 [на иврите].

² Ольга Зайцева, «Еврейская политика в диаспоре и диаспоральная политика Государства Израиль» // «Востоковедный сборник» (Москва), №5 (2003), стр. 139.

³ Рафаил Нудельман, «Попытка обновления сионизма: «русская» алия семидесятых и алия девяностых» // «Идеология еврейской национальной жизни в современном мире» под ред. Д. Брейкстоуна, А.Д. Эпштейна и Л. Дымерской-Цигельман (Москва: «Мосты культуры», 2003), стр. 126–127.

⁴ Давид Хартман, «Алия: трансформация и обновление иден» // «Идеология еврейской национальной жизни в современном мире», стр. 77.

⁵ Гилель Галкин, «Ахад Ха-Ам, Герцль и конец сионизма диаспоры» // «Созидание еврейского будущего» под ред. Б. Лайтмана и М. Брауна (Москва: издательство «Мосты культуры», 2001), стр. 109.

⁶ См. там же.

⁷ См.: Ш. Леви, Х. Левинсон и Э. Кац, «Евреи-израильяне: портрет. Верования, соблюдение традиций и ценностная ориентация евреев Израиля» (Иерусалим, 2002).

⁸ Лея Коэн, «Сионизм, Израиль и мировое еврейство» // «Общество и политика современного Израиля», под ред. А.Д. Эпштейна и А.В. Федорченко (Москва/Иерусалим: Еврейский университет – «Мосты культуры», 2002), стр. 74.

⁹ См. там же.

¹⁰ Майкл Браун, «Израиль и диаспора. Введение» // «Созидание еврейского будущего», стр. 80.

¹¹ Исмар Шорш, «Превращение Израйля в государство библейских пророчеств» // «Идеология еврейской национальной жизни в современном мире», стр. 63.

¹² Лея Коэн, «Сионизм, Израиль и мировое еврейство», стр. 77.

¹³ Там же, стр. 87.

¹⁴ Алек Эпштейн, «Государство Израиль, еврейское образование и национальная идентичность постсоветского еврейства» // «Идеология еврейской национальной жизни в современном мире», стр. 138.

¹⁵ См.: Михаил Членов, «Мировой сионизм и советские евреи» // *Евроазиатский еврейский ежегодник – 5766 (2005/2006)* (Киев, 2006), стр. 54. Подробное обсуждение этой темы см. также в недавно опубликованной статье: Алек Эпштейн, «Российские евреи и Государство Израиль: прошлое, настоящее и будущее» // «Евреи в постсоветских странах: самосознание и образование», под ред. А.Д. Эпштейна (Иерусалим: Открытый университет Израйля и Еврейское агентство, 2008), стр. 382–411.

ИНТЕГРАЦИЯ ВЫХОДЦЕВ ИЗ СССР/СНГ И ИХ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ИЗРАИЛЯ

В. Долинская,
член Президиума
Союза журналистов Израиля

История Государства Израиль неразрывно связана с массовой еврейской иммиграцией. Шестьдесят лет назад, когда в соответствии с решением Организации Объединенных Наций о разделе Палестины и создании еврейского национального очага, Давид Бен-Гурион провозгласил независимость страны, тысячи граждан Европы, переживших Холокост, устремились к берегам «земли обетованной». Многие мужчины, едва сойдя с борта корабля, сразу оказывались на поле боя – шла Война за независимость, навязанная арабскими странами, не принявшими плана раздела. Таким образом, новоприбывшие немедленно приобщались к судьбе страны, к ее защите и строительству.

По данным Центрального статистического бюро, опубликованным в канун шестидесятого дня рождения страны, население Израиля составляет 7.2 миллиона человек, более 75% из которых – евреи. Для сравнения: на момент провозглашения независимости в Израиле проживало всего 650 тысяч евреев. Основной прирост населения произошел именно за счет массовой иммиграции. Сегодня каждый второй гражданин страны рожден за пределами Израиля, и не менее симптоматично, что каждый седьмой говорит по-русски.

Уроженцы России составляли большинство среди тех, кто прибывал в Палестину/Эрец-Исраэль в конце XIX – первые десятилетия XX века, кто осваивал земли, осушал болота, строил еврейские поселения. Лидеры, стоявшие у руля нового государства, в подавляющем большинстве родились на территории бывшей Российской империи. Советский Союз, в свою очередь, был одним из первых государств, поддержавших идею создания Израиля и установивших с ним дипломатические отношения.

Молодое государство не скрывало своей цели стать домом и национальным очагом для евреев всего мира после двух тысяч лет рассеяния. И потому одним из первых правовых актов, принятых парламентом (*Кнессетом*) уже в 1950 году, стал Закон о возвращении. Он гарантирует право каждого еврея и еврейки, а также дочери (сына) и внучки (внука) прибыть в Государство Израиль на постоянное жительство. По Закону о гражданстве 1952 года все, кто прибывает в страну согласно Закону о возвращении, сразу же автоматически становятся гражданами Государства Израиль.

Еврейская иммиграция в Израиль носит волнообразный характер, и в обиходной лексике распространен термин «волны *алии*». Самой мощной была волна 1949 года, когда в Израиль прибыли 240 тысяч человек. Следующими серьезными всплесками были ознаменованы 1951 год – 175 тысяч и 1972 год – 56 тысяч человек.

С падением «железного занавеса», отгораживавшего СССР от западного мира, наступил новый этап в истории Израиля. За один 1990 год в страну из Советского Союза прибыли двести тысяч человек. Начиная с 1989 года и по сегодняшний день в Израиль с постсоветского пространства прибыло около миллиона человек. «Русские» евреи стали самой крупной общиной страны, оттеснив на второе место преваляровавшую до 1990-х годов общину выходцев из Марокко.

Репатрианты из СССР/СНГ прошли не легкий, но неизбежный путь адаптации в новой стране, который прежде всего связан с изучением языка иврит, с преодолением материальных и ментальных трудностей. Успех и темпы адаптации во многом зависят от психологического настроя человека, от его готовности принять новое, не отказываясь при этом от своего прошлого. Многие при этом зависят и от готовности принимающего общества пойти навстречу своим новым гражданам – и израильтяне, в целом, продемонстрировали, что такая готовность у них есть. Так, именно под влиянием выходцев из СССР/СНГ в Израиле в последние годы широко отмечаются такие праздники, как Новый год, восьмое марта и День победы (9 мая).

Существует безусловная связь между возрастом и адаптацией в новой стране. Труднее всего приходится подросткам, которые ис-

пытывают двойную нагрузку – и переходный возраст, связанный с попыткой самоидентификации, и новая среда. Не просто начинать новую жизнь и в возрасте пятьдесят с плюсом.

Адаптация – пролог к успешной интеграции. Различные государственные и общественные структуры, включая Министерство абсорбции, более или менее успешно справляются со своими задачами, оказывая поддержку и помощь новым гражданам страны. В 1991 году по решению правительства на государственном радио «Голос Израиля» была открыта новая радиостанция РЭКА (аббревиатура от ивритского «Радио по адаптации новых репатриантов»), название которой говорит само за себя. Консультации специалистов, представителей государственных и общественных институтов, уроки иврита, программы, посвященные израильской культуре и традициям, новостные блоки – всё это стало мощным подспорьем в процессе адаптации русскоязычных граждан Израиля, равно как и выходцев из некоторых других стран (в частности, несколько часов в день РЭКА вещает на амхарском языке для выходцев из Эфиопии).

Интеграция новых граждан, естественно, является приоритетной национальной задачей Израиля, ибо процесс интеграции дает мощный толчок развитию и прогрессу во всех сферах жизни страны. Прибытие миллиона уроженцев бывшего Советского Союза привело к беспрецедентному экономическому росту, технологическому прогрессу и культурному расцвету Израиля. С одной стороны, был дан старт массивному строительству жилья, что вызвало подъем во всех сопряженных со строительством областях. Такие города, как Ашдод, Ашкелон, Нацерет-Илит, Кармиэль, Ришон-ле-Цион и другие, принявшие десятки тысяч новых жителей, разрослись невиданными темпами и совершенно преобразились. Спрос на товары и услуги привел к росту производства и торгового оборота. С другой стороны, сравнительно высокий средний образовательный уровень русскоязычных израильтян, их знания и опыт содействовали качественному улучшению жизни в стране и развитию науки и искусства. В Израиль прибыли десятки тысяч инженеров, тысячи ученых, музыкантов и спортсменов. Сегодня почти 30% медицинских работников в Израиле – русскоговорящие, на предприятиях

наукоемких технологий заняты тысячи специалистов с российскими корнями, та же картина наблюдается в университетах и научно-исследовательских институтах.

В сфере искусства репатрианты алии 1990-х уже заняли лидирующие позиции. Одним из лучших театров Израиля, буквально со дня своей премьеры в 1991 году, по праву считается «Гешпер» [«Мост»], созданный московским, в прошлом, режиссером Евгением Арье. Он привез с собой актерскую «команду», повторив историю национального театра «Габима» в первой трети XX века. Спектакли «Гешпера» стали откровением для израильского зрителя. «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Т. Стопшарда в переводе И. Бродского, «Идиот» по Ф.М. Достоевскому, «Адам – сын собаки» (пьеса А. Червинского по произведению израильского писателя Й. Коннока), «Город» по «Одесским рассказам» И. Бабеля, «Река» по «Бесприданнице» Островского, «Деревушка» Е. Соболя, «Раб» И. Башевиса-Зингера и другие работы театра были отмечены национальными и международными театральными премиями. Примечательно, что начав как русскоязычный театр, «Гешпер» очень быстро – буквально через год после своего основания – стал двуязычным. Русскоязычные актеры освоили иврит, а влившиеся в коллектив уроженцы Израиля порой играют на русском. Театр полностью оправдал свое название, став интеграционным мостом между культурами.

Одна из звезд «Гешпера» Евгения Додина (в прошлом актриса театра им. Маяковского в Москве) стала и звездой израильского кинематографа, ее приглашают в свои спектакли старейшие театральные коллективы. В последнем сезоне она великолепно исполнила главную роль в спектакле «Анна Каренина» национального театра «Габима». Уроженец Риги композитор Ави Биньямин создает музыку как для спектаклей «Гешпера», так и для других театров. Актриса Елена Ярлова, репатриантка из Киева, начинавшая пятнадцать лет назад в театре «Идиш-шпиль» [«Театр на идиш»], в нынешнем году получила высшую награду Израильской театральной академии как лучшая актриса года за роль легендарной королевы израильской сцены Ханы Ровиной (тоже уроженки России) в спектакле Камерного театра «Было или не было...». Этот список можно продолжать довольно долго. Симптоматично, что еще год назад, в канун Дня независимости Израиля,

популярный еженедельник «Пнай плюс», рассказывающий о новостях культуры и шоу-бизнеса, посвятил специальный выпуск деятелям культуры - выходцам из стран СНГ и Балтии, назвав его «Русские идут!»

Особая заслуга принадлежит выходцам из бывшего Советского Союза в развитии оперного искусства. Довольно примитивная в 1980-х годах Израильская опера сегодня по праву может считаться одним из лучших музыкальных театров мира. Оперные спектакли украшают «русские» голоса Викторнии Софроновой, Ирины Бертман, Ларисы Татуевой, Феликса Лифшица, Владимира Брауна, Сюзанны Порецкой и других. Тенор Евгений Шаповалов завоевал колоссальную популярность концертными программами, в которых сочетаются популярные арии мирового оперного репертуара, русские романсы и народные песни и израильские песни.

Композитор Йосеф Барданашвили обогатил израильское музыкальное искусство оперой «Путешествие на край тысячелетия» по произведению классика израильской литературы А.Б. Иегошуа. Й. Барданашвили создал и ряд симфонических произведений, которые вошли в репертуар Израильского филармонического оркестра, большинство музыкантов в котором – тоже уроженцы бывшего СССР.

«Русские» подняли на новую ступень и израильский спорт. Прыгун с шестом Алекс Авербух впервые в истории Израиля стал чемпионом Европы в этом виде спорта. Новое поколение профессиональных спортсменов воспитывается в Институте им. Вингейта, где за здоровье спортсменов отвечает доктор Алекс Билькевич – также уроженец России.

Группа энтузиастов-педагогов во главе с учителем физики Яковом Мазгановым еще в начале 1990-х создала уникальную структуру в системе израильского просвещения – сеть школ «*Mofet*», где преподавание велось как на русском, так и на иврите. Особых результатов ученики школы достигают в области математики и физики, они ежегодно участвуют в международных олимпиадах, часто становясь лауреатами. Параллельно продолжает работать и сеть частных школ «*Manam*», выделившаяся из «*Mofeta*», проводящая колоссальную работу по сохранению русского языка у детей репатриантов, родившихся в Израиле.

Касаясь масс-медиа, надо отметить, что ежедневная русскоязыч-

ная газета «Вести» является частью крупного израильского концерна «*Едиот ахронот*» [«Последние известия»], издающего одноименную ежедневную газету. Кстати, Наташа Мозговая, одна из ведущих публицистов «*Едиот ахронот*», прибыла в Израиль в подростковом возрасте из Магнитогорска.

Шесть лет назад вышел в эфир коммерческий телевизионный русскоязычный канал – «Израиль плюс», передачи которого сопровождаются титрами на иврите. Недавно на канале появилась новая новостная программа ««Русские» о новостях», которая выходит в эфир на иврите и сопровождается титрами на русском языке (ее первым редактором и одним из ведущих был Григорий Асмолов). Радиостанция РЭКА, о которой я уже упоминала, была создана в системе Гостелерадио Израиля, и новые русскоязычные сотрудники органично стали ее интегральной частью. Сегодня журналисты РЭКА вещают и на ивритоязычных каналах. Что касается Интернета, то в Израиле созданы тысячи веб-сайтов на русском языке, среди которых и крупные многофункциональные порталы.

Яркой иллюстрацией интеграции русскоязычных граждан в израильское общество служит факт, что они составляют до 25% процентов военнослужащих боевых подразделений Армии обороны Израиля, что значительно выше их доли в населении страны. Это свидетельствует о гражданской ответственности русскоязычной молодежи и ее причастности к судьбе государства, в котором проблема безопасности и отстаивания самого права на существование остро стоит и шестьдесят лет спустя после провозглашения независимости.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ОБЩИНЕ ВЫХОДЦЕВ ИЗ БЫВШЕГО СССР В ИЗРАИЛЕ

В.Э. Ханин,

Университет Бар-Илан, Израиль

Израиль, как известно, является государством, которое на протяжении своей шестидесятилетней истории принимало многочисленные волны еврейской иммиграции (*алии*), причем в отдельные периоды численность этих групп была сопоставима, а иногда и превосходила число уроженцев страны и старожилков. Собственно, в приеме репатриации в национальном государстве, воссозданном после двухтысячелетнего перерыва на исторической родине еврейского народа, и состоит смысл существования и одна из объявленных целей Государства Израиль.

Разумеется, жизнь в условиях перманентного социокультурного стресса, вызванного регулярным прибытием демографически значимых групп, обладающих своим культурно-ментальным багажом, системой социально-экономических ценностей и идеологический представлений – и это в условиях, когда стране приходится решать сложнейшие проблемы национальной безопасности, – является непростым вызовом израильскому обществу. Последнее, в силу этого, вынуждено постоянно пересматривать свою, казалось бы, устоявшуюся систему социальных стандартов и культурных кодов, а также, адаптируя и «перестраивая» сообщества вновь прибывших, в свою очередь, «подстраивать» под них ключевые элементы своей инфраструктуры.

Сказанное в полной мере проявилось в последние два десятилетия, когда Израиль принимал «большую алию» из СССР и постсоветских стран – одну из самых значительных групп иммигрантов в своей истории. По официальным данным, за период с 1989 по 2007 гг. в Израиль из этих стран прибыло более 970 тысяч евреев и членов их семей. Эта группа прибыла в Израиль как тогда, когда там уже

обострился кризис концепции «плавильного котла» еврейских диаспор на основе сионистской ивритской культуры, господствовавшей с момента создания в Палестине/Эрец-Исраэль еврейского «национального очага»; постепенно в израильском обществе утверждались нормы и стандарты мультикультурализма. В силу этого, местная среда (в отличие от 1970-х годов, когда в страну прибыла предыдущая большая группа советских евреев), была вполне психологически готова принять идею «особых потребностей» русскоязычных евреев и признать легитимность их групповой «культурной автономии».

С другой стороны, совсем не факт, что сами русскоязычные евреи были в полной мере готовы принять этот совсем не бесплатный «подарок». Ибо община новых репатриантов и сама не была единым блоком ни в социально-политическом, ни в этнокультурном, ни в экономическом смысле¹. Помимо естественных различий, таких как пол, возраст, образование, род занятий, уровень доходов, время, прошедшее после иммиграции, а также происхождением из того или иного региона бывшего СССР, было немало и других внутриобщинных сечений, со временем ставших факторами расколов и противоречий, в том числе – и политических.

Речь идет, как минимум, о трех группах различий и противоречий такого рода. К первой относятся конфликты – впрочем, достаточно быстро преодоленные – между «старожилами» (теми, кто прибыл в Израиль в 1970-е годы) и «вновь прибывшими» (иммигрантами 1990-х) гг. Вторая была связана с субэтническими отличиями между «русскими *сефардами*» (еврейство Средней Азии и Кавказа) и двумя группами «русских *ашкеназим*» (пережившие Холокост представители еврейского населения территорий, присоединенных к СССР в ходе Второй мировой войны и их потомки, и очень «советизированное» еврейское население в границах СССР 1939 года). Третья группа включает в себя весь комплекс идейных противоречий, как привезенных из стран исхода, так и адаптированных «на месте».

Таковыми, в частности, являются выделенные нами и другими исследователями типы идентичности в рамках «расширенной еврейской популяции» СНГ – еврейско-универсалистская (национальная), субэтническая (русско-, или украинско- и т.д. еврейская), дуальная (еврейская и нееврейская) и собственно нееврейская (носители ко-

торой при этом осознают свою связь с еврейским сообществом, например, в силу самой возможности приехать в Израиль по Закону о возвращении)². И эти же типы имеют свою проекцию на модели интеграции русскоязычных иммигрантов в Израиле – от радикальной аккультурации в израильской еврейской среде и «интеграции без аккультурации» до умеренной или радикальной изоляции от местного общества, что сказывается и на их поведении в сфере культуры, экономики и политических отношений.

Кроме того, община выходцев из СССР и постсоветских государств достаточно быстро «разошлась» по тем же политическим линиям, что и израильское общество в целом («правые» и «левые», «светские» и «традиционалисты», «социалисты» и «экономические либералы» и т.п.). Наконец, в среде выходцев из СССР и СНГ среде присутствуют и все идейные течения, касающиеся желаемого облика израильской государственности – классические сионисты, неосионисты и постсионисты³.

Последнее течение во многом связано с поддержкой немалой и все растущей долей неевреев и их очень ассимилированных еврейских родственников, которые стали весьма заметной группой алии из СНГ после 1998 года. По данным правительственного Бюро по связям с евреями Восточной *Европы* (*Алишкат ха-кешер*), доля галахических неевреев, которые прибыли в страну на основании действующей версии Закона о возвращении (как супруги евреев или их потомки во втором и третьем поколении), выросла с 12–20% в 1989–1992 гг. до 50–60% в 1998–2002 гг.⁵ В целом количество неевреев (преимущественно этнических славян), иммигрировавших в Израиль и получивших гражданство за последние полтора десятилетия, составляет, по имеющимся данным, 309 тысяч человек, т.е. около трети общины выходцев из СССР/СНГ, прибывших в 1989–2007 гг.

Различия между двумя этническими компонентами русскоязычных граждан, почти незаметные в начале 1990-х гг., постепенно приобрели более определенное общественное звучание и проявились в трех основных измерениях: национально-культурном, партийно-политическом и социально-классовом.

Эти различия, и в первую очередь, – в национальной и этнокультурной идентичности двух групп могут быть весьма существенны.

Так, опрос, проведенный в мае 1999 года С. Лисицей и Й. Пересом, выявил, что две трети (63%) респондентов, которые прибыли в страну в 1989–1992 гг., считали себя прежде всего «евреями» и/или «изранальтянами», и лишь 37% прежде всего «русскими». И наоборот, уже две трети (62%) респондентов, представляющих иммиграцию из СНГ 1997–1999 гг., настаивали на своей прежде всего «русской» идентичности⁶.

Эти различия достаточно быстро получили и общественное выражение. Так, есть основания предполагать, что представители первой группы доминировали среди тех 48.8% русскоязычных респондентов, которые в ходе опроса, проведенного в ноябре 1999 г., выразили «обеспокоенность в связи с возможностью потери Израилем своего еврейского характера», а второй – среди тех опрошенных, которые не имели ничего против превращения Израиля из еврейского государства в «государство всех граждан» (33%), либо не имели определенного мнения на этот счет⁷.

Разумеется, ни «еврейская», ни «нееврейская» группы в числе выходцев из стран СНГ и Балтии не являются внутренне гомогенными и демонстрируют различные реакции по вопросам национального характера государства и системе израильских коллективных ценностей. Если исходить из критерия еврейства как принадлежности к определенной этнической группе или «национальности» в том смысле, как это было в бывшем Советском Союзе, то и группа «галахических евреев» (т.е. тех, которые записаны как евреи в документах Министерства внутренних дел) даст нам весьма пеструю картину. Столь же негомогенна и «нееврейская» группа. По мнению израильского специалиста Ашера Коэна, исследовавшего проблемы адаптации (по его определению, «социального гига») выходцев из СНГ - неевреев по Галахе в израильской еврейской среде, спектр моделей национально-религиозной идентичности, а также социального поведения русскоязычных граждан смешанного происхождения довольно широк. Крайние звенья этого спектра – по оценкам Ашера Коэна, не более 5–7% каждое, занимают, с одной стороны, обладатели радикальных изоляционистских настроений, включая значительную группу носителей нееврейской религиозной идентичности, а с другой стороны – радикальные приверженцы интеграции, решившиеся формали-

зовать свою принадлежность к израильскому еврейскому коллективу путем прохождения довольно сложного процесса гиора [перехода в иудаизм]⁸. Между этими полюсами находятся многочисленные категории неевреев - носителей разных моделей смешанной («переходной») идентичности.

По моим оценкам, примерно триста тысяч представителей разных национальностей, которые прибыли в Израиль как члены семей евреев в соответствии с Законом о возвращении, распадаются на три неравные численности группы. Первую, численностью в сто – сто двадцать тысяч человек, образуют «социологические евреи» – как правило, те, кто является евреями по отцу, или мужьями или женами евреев, которые, так или иначе, воспринимали себя частью единой семьи и считали себя частью еврейского народа в СССР и, аналогично, воспринимают себя частью еврейской общины в Израиле. В меньшей степени к этой категории примыкают некоторые этнические русские, украинцы и другие, относящиеся к третьему и четвертому поколениям смешанных семей, которые идентифицируют себя с Израилем. Эти люди, судя по всему, составляют подавляющее большинство среди тех 9% опрошенных, которые в ходе упоминавшегося исследования С. Лисицы и Й. Переса определили себя прежде всего как «израильтяне» (а не «евреи» или «русские»). Как по гражданской идентичности, так и по политической ориентации они не отличаются от большей части еврейской общины, в данном случае – от ее русскоязычной части. Они и голосуют так же, как русскоязычные евреи, и ведут себя схоже, по крайней мере те из них, кто считает себя израильтянами.

Другая категория этнических неевреев, которые в своей идентичности демонстрируют тенденцию, обозначенную выше как «интеграция без аккультурации», является примерно равной предыдущей по численности и показывает аналогичную с ней политическую ориентацию в отношении арабо-израильского конфликта. Эта группа, ощущая себя частью израильского общества, тем не менее не отказывается от своей русской (украинской, узбекской и т.д.) или смешанной (русской и еврейской, русской и израильской) идентичности. Характерное для начала 1990-х гг. чувство некоторого психологического дискомфорта от факта своего этнического нееврейства,

которое ощущали многие представители этой группы, по мере их устройства в стране постепенно слабело. Этот процесс сопровождался пониманием того, что возможна успешная социальная интеграция в израильское общество без перехода в иудаизм.

Сейчас, по оценкам, промежуток времени между первоначальным дискомфортом и таким пониманием быстро сокращается, и если в начале 1990-х он составлял примерно 3–4 года, то в конце прошлого десятилетия – 8–12 месяцев. Те, кто приезжает начиная с 2000 года, уже настолько хорошо «подготовлены», что у них этот промежуток уже минимальный или даже игнорируемый⁹. Эта группа демонстрирует более двойственное отношение к проблемам еврейского характера государства и светско-религиозного противостояния.

Наконец, к третьей категории ныне относятся примерно шестьдесят – девяносто тысяч человек, которые не являются евреями ни в этническом, ни в идентификационном смысле, обладают слабым израильским самосознанием проявляют тенденцию к этнокультурной изоляции. Среди этой группы достаточно распространены настроения голосовать за партии, которые, по их мнению являются несионистскими или даже антиссионистскими. Именно эта категория граждан вносит свой вклад в то, что американский социолог Ян Лустик называет «Израиль как неарабское государство»¹⁰. Часть из них, особенно те, кто имеет сильное этническое и нееврейское религиозное самосознание, в последнее время проявляют пока маргинальную, но ощутимую тенденцию к интеграции в нееврейскую часть израильского общества, например, к вступлению в брак с христианами и мусульманами. Можно полагать, что через одно – два поколения какая-то часть из них растворится в нееврейском обществе. (По данным МВД, доля выходцев из СССР/СНГ последней волны, вступающих в брак с израильскими арабами, мусульманами и христианами втрое выше, чем среди коренных израильтян).

Именно с маргинальными слоями этой последней группы связаны шумевшие и многократно описанные в прессе случаи израильского «неарабского антисемитизма». Среди его адептов особенно много иммигрантской русской молодежи конца 1990-х годов, которые также стали питательной средой агрессивных молодежных субкультур («скинхеды», «панки» и пр.) и непривычных для израильтян

форм криминала. Примером такого объединения может служить русско-нацистская группировка «Белое единство Израиля», за которой, вероятно, стоит небольшая группа антисемитски настроенной молодежи из числа русскоязычных жителей страны¹¹. Так, в мае 2005 года израильская полиция вновь информировала о появлении неонацистских группировок в Хайфе и регулярных жалобах жителей города на выкрики «Хайль Гитлер» на улицах и появление свастик на стенах общественных зданий. Этим, по словам полиции, «развлекаются» группы бритоголовых юнцов русского происхождения¹². В марте и мае 2006 года пресса вновь сообщила о нападениях группировки молодых выходцев из бывшего СССР на религиозных жителей Петах-Тиквы (ориентиром для хулиганов служат традиционные наряды евреев-ортодоксов), а также о нескольких случаях осквернения синагог. В частности, 5 марта на стенах синагоги появились свастики и надписи «Смерть евреям», а 4 мая была осквернена Большая синагога: злоумышленники выкинули свитки Торы и черной краской нарисовали на священном ковчеге и стенах синагоги двадцать свастик. На дверях они написали «Гитлер» и нарисовали сатанистские символы¹³. В августе 2008 года стало известно, что вандалы, которые устроили погром в здании отделения молодежного национально-религиозного движения «Бней Акива» были молодыми иммигрантами из СНГ¹⁴.

Определенной реакцией на это некоторых представителей еврейской части русскоязычной общины стало возмущение агрессивным антисемитизмом молодежных группировок и «импортом» из бывшего СССР невиданных ранее в Израиле преступлений. Организационно носителей подобных настроений представляли такие структуры, как Движение за сохранение еврейского характера государства и объединение «Дмир», целью которого является защита от антисемитских угроз и мониторинг других проявлений «русского» антисемитизма в Израиле¹⁵.

Тем не менее, по всем оценкам, лишь небольшая часть этой третьей, «славянской» группы русскоязычных иммигрантов настроены агрессивно антисемитски или антиизраильски. Иными словами, речь идет о маргинальной группе, которая пока политически себя проявляет очень слабо. Вместе с тем если проблема десятков тысяч

таких людей не будет решена в ближайшие годы, то в следующем поколении она обострится, когда появится социологически очень значимая группа населения, особенно молодежи, отслужившей в армии, прекрасно говорящей на иврите и являющейся с точки зрения обычных израильтян такими же израильтянами, как все. Уже сейчас существует инфраструктура субкультурной жизни этой группы, включая систему удовлетворения потребительских привычек и привычек в области развлечений (русские клубы, дискотеки, рестораны), концентрация в соответствующих кварталах и на рабочих местах с подобным окружением и т.д.

Вопрос о политических перспективах этих тенденций все еще остается открытым. Некоторые специалисты считают, что хотя проблему и не следует недооценивать, большинство неевреев, прибывших в Израиль в последние годы, социологически все же является частью еврейской общины Израиля. С другой стороны, есть немало и тех, кто рассматривает этнонациональное размежевание в среде выходцев из СССР/СНГ как долгосрочный феномен.

Сторонники этой второй оценки предлагают обратить внимание на тот факт, что «еврейская» и «нееврейская» группы в алии 1990-х в каком-то смысле разведены по времени: первые, абсолютно доминируя среди тех, кто прибыл в Израиль в начале того десятилетия, сегодня перешли в категорию «старожилов», вторая группа, как отмечалось, составляет едва ли не большинство среди тех, кто прибыл в Израиль на рубеже веков. А время приезда в страну имеет и очевидно классовое измерение. Факт, что экономическое положение выходцев из СССР/СНГ, как правило, тем хуже, чем меньше лет прошло с момента их приезда в Израиль. Если к тому же отметить и наметившееся во второй половине 1990-х годов снижение динамики сокращения разрыва между отмеченными двумя этно-социальными группами (что, в частности, связано с их разным образовательным уровнем), то можно ожидать стабилизации социально-экономических различий между ними не только в краткосрочной, но и в среднесрочной, а возможно, и в долгосрочной перспективе.

В любом случае, этнокультурный конфликт в «русской» общине не ограничивается простой оппозицией этнических евреев и неевреев. Его водораздел скорее проходит между группами, демонстрирую-

щими в Израиле различные идентификационные парадигмы: ассимиляция, изоляция и интеграция. Первая, как можно заметить, более распространена среди тех членов русскоязычной общины, которые имеют сильное еврейское и/или израильское самосознание. И, наоборот, для многих представителей ее «русской» фракции характерен очевидный негативизм ко всему, что связано с еврейством и Израилем, и весьма слабое желание интегрироваться в местное общество. Наконец, «интеграционное», с сохранением собственной культурной специфики, сознание, доминирующее в русскоязычной общине, заметно среди «умеренных фракций», представленных в большинстве в обеих группах – «еврейско-израильской» и «русской».

Будущее этих тенденций неочевидно. Понятно, что и сегодня, и завтра найдется немало политических интересантов, которые сделают все от них зависящее, чтобы получить на них свои дивиденды. Пока же нынешний виток арабо-израильского противостояния, явно способствующий усилению чувства сплоченности в общине и чувства ее принадлежности к израильскому еврейскому коллективу в целом, не снимая полностью эту тему, тем не менее откладывает практическое решение поднятых вопросов на неопределенный срок.

¹ Подробнее см. Владимир (Зеэв) Ханин, «Вышли мы все из... России? Мультикультурализм и становление “русско-еврейской” политики в современном Израиле» // «Израиль глазами “русских”: культура и идентичность», под ред. Е.Э. Носенко (Москва: Институт востоковедения РАН, 2008), стр. 235–256.

² См: Vladimir (Ze'ev) Khanin and Velvl Chernin, *Identity, Assimilation and Revival: Ethnic Social Processes among the Jewish Population of the Former Soviet Union* (Ramat-Gan: The Rappaport Center for Assimilation Studies and Strengthening of Jewish Vitality, 2007).

³ Vladimir Khanin, «The Jewish Right of Return: Reflections on the Mass Immigration to Israel from the Former Soviet Union», in I. Lustick and A. Lesch (eds.), *Exile and Return: Predicaments of Palestinian Arabs and Jews* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005), pp. 183–203.

⁴ Цит. по: «Евреи бывшего СССР в Израиле и диаспоре», № 20–21 (2002), стр. 98 [на иврите].

⁵ Эти цифры, основываясь на данных МВД Израиля, приводит израильский социолог Ашер Коэн в своем докладе «Олим-неевреи и социальный пиор в Израиле», представленном в иерусалимском институте Ван-Лир в марте 2008 г. [на иврите].

⁶ См: Сабина Лисица и Йоханан Перес, «Проблемы самоидентификации выходцев из СССР/СНГ в Израиле и их взаимоотношения с уроженцами страны» //

«Миграционные процессы и их влияние на израильское общество», под ред. А.Д. Эпштейна и А.В. Федорченко (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000), стр. 244–278.

⁷ См.: Владимир (Зеэв) Ханин, «Русские» и власть в современном Израиле. Становление общины выходцев из СССР/СНГ и ее роль в политической структуре страны на рубеже XX и XXI веков» (Москва: Институт Ближнего Востока, 2004), стр. 170.

⁸ Ашер Коэн, «Израильская ассимиляция: абсорбция неевреев в израильском обществе и ее влияние на коллективное сознание» (Рамат-Ган: Университет Бар-Илан, 2004 [на иврите]).

⁹ См.: Элияху Бирнбойм, Зеэв Ханин, Шломо Неэман и др. «Войти в еврейский коллектив. Еврейское образование и оптимальные модели гнора для потенциальных иммигрантов в Израиль смешанного происхождения». Аналитический доклад, представленный Верховному раввинату Израиля (Иерусалим, 2005 [на иврите]).

¹⁰ См. Ian S. Lustick, «Israel As a Non-Arab State: The Political Implication of Mass Immigration of Non-Jews» // *«Middle East Journal»*, vol. 53, №3 (1999), pp. 101–117.

¹¹ Дов Конторер, «Русско-нацистский сайт в израильском Интернете» // *«Вестник»*, 8 мая 2003 г.

¹² «В Израиле обостряется “русский вопрос”», <http://jnews.co.il/events/14600>.

¹³ «Репатрианты из СНГ рисуют свастики и нападают на ортодоксов», <http://www.isra.com/news/66998>.

¹⁴ Сообщение портала Izrus.co.il, 3 августа 2008 г.

¹⁵ См.: Израильский центр информации и поддержки пострадавших от антисемитизма, <http://pogrom.org.il/Russian-1.htm>.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИММИГРАНТОВ В ИЗРАИЛЕ

В.А. Скопина-Парадиас,
главный редактор
информационно-аналитического
журнала «Хронотоп»,
Афины, Греция

Основное, чем характеризуется и отличается русскоязычная иммигрантская среда в Израиле, это своей многочисленностью. Это не только придает ей более устойчивый социальный статус, но и ведет к более интенсивному напряжению при столкновении тех двух разных общественных систем со своими демографическими, экономическими, политическими и культурными особенностями, которыми являются иммигранты и коренное население¹.

Уже в 1992 году русскоязычные репатрианты составляли около 10% еврейского населения Израиля, а к началу XXI века их удельный вес вырос до 20%.

Немаловажно и то, что прибывшее в Израиль количество репатриантов – около миллиона – представляет собой критическую массу, способную создать разнообразные элиты – политическую, деловую и культурную, которые обеспечат сохранение традиций и преемственность образа жизни, к которому привыкли выходцы из стран СНГ.

Многие русские евреи, и в первую очередь представители интеллигенции, были раньше жителями больших городов: по данным переписи 1989 года треть евреев России проживала в Москве, 20% – в Ленинграде, причем 44% московских евреев были заняты в области науки, образования, культуры и искусств; в результате большой эмиграции в 1989–1994 гг. еврейское население этих двух городов сократилось почти вдвое².

Как справедливо отмечала Марина Солодкина, «евреи СССР в основном входили в высший и средний профессиональный класс, бла-

годаря более высокому (в четыре раза), чем в среднем по СССР, проценту лиц, получивших высшее образование. Они были устроены в СССР как врачи, учителя, инженеры, ученые и работники культуры, что обеспечивало до 1992 года (начало радикальных экономических реформ) нормальный для СССР уровень жизни»³.

Особенностью интеграционного поведения русскоязычных репатриантов является стремление к сохранению своего «символического» и культурного капитала внутри израильского общества. Им свойственны попытки привить свои умения, нормативы и ценности (в науке, литературе, искусстве, музыке, спорте, образовании и других областях жизни) не как сугубо этнические или субкультурные явления, но скорее как имеющие общенациональное или универсальное значение.

Одним из источников культурного капитала русских евреев в Израиле является знание русского языка, которому придается особый престиж в среде новых репатриантов. Общеизраильские периодические издания на русском языке и обширная местная городская пресса (такие как еженедельные газеты «Наш Иерусалим», «Вести–Иерусалим» и другие) представляют различные стороны иммигрантской жизни. С 1994 года еженедельно выходит русская телевизионная программа кабельного (общинного) телевидения «Ерушалаим», где регулярно даются репортажи о важнейших событиях в жизни русскоязычной общины (транслируется три раза в неделю, с 1998 года под тем же названием стала выходить как общеизраильская передача). В конце 1990-х гг. многие издания, ассоциации и объединения русскоязычных евреев открыли свои сайты в Интернете. Развитая сеть средств массовой информации русскоязычной общины способствовала ее самоорганизации и формированию целого ряда общих культурных символов, нормативов и установок. Разнообразные материалы русскоязычной прессы и телевизионных программ не только освещают события интенсивной общественной и культурной жизни «русских евреев», но и становятся активным фактором ее развития.

Репатриант, приехавший в Израиль, должен, так или иначе, выучить государственный язык – иврит. Насколько успешно и быстро он выучивает язык, зависит не только от способностей обучающегося и профессионализма преподавателей, но и от возраста эмигранта,

от его занятости, характера работы, круга общения, а также культурной ориентации и мотивации обучения. Если он останется исключительно в сфере русской культуры и русского круга общения, то освоит лишь языковой минимум, без которого невозможно обойтись, так называемый язык выживания (*survival language*). В той степени, в какой это требуется для бытового общения и для работы, на иврите говорят практически все иммигранты. Исключение составляют те, кто приехал в преклонном возрасте, но и они, как правило, овладевают языком на бытовом уровне, а в некоторых городах существуют специальные языковые курсы (*ульпаны*) для пожилых людей. На протяжении ряда лет издавалась газета «Берейшит» на «облегченном» иврите для вновь прибывавших репатриантов, начинавших изучать язык.

Важнее всего то, какой язык становится для русскоязычного репатрианта языком культуры. Социологи приводят следующие цифры: 40% респондентов регулярно читают русские журналы и газеты, 31% – иногда; художественную литературу на русском языке регулярно читают 32% ответивших и 51% – иногда; на иврите газеты и журналы регулярно читают 9% респондентов, иногда – 15%, а художественную литературу 2% и 5% соответственно. Лариса Ременник, из статьи которой взяты эти сведения⁴, пришла к выводу об отсутствии прямой зависимости между длительностью пребывания в Израиле и переходом на иврит. Интерес к масс-медиа на русском языке у иммигрантов со временем не угасает. При этом процент лиц, читающих художественную литературу на иврите, остается невысоким. Это отсутствие интереса к ивритской литературе, предпочтение литературы на других языках или просто недостаточное знание языка? По наблюдениям Л. Найдич, среди тех, кто в совершенстве освоил иврит в его письменной форме (в основном это люди, приехавшие в возрасте до 12 лет), доля читающих на иврите весьма велика, хотя часто и они ориентированы не только на израильскую, но и на русскую, англо-американскую или европейскую культуру. Остальные остаются на русской культурной почве во многом из-за языкового барьера⁵.

Австрийский славист Хайнрих Пфандль выделил три типа поведения русскоязычных иммигрантов вообще: антиассимилятивное,

ассимилятивное и бикультурное⁶. Можно с уверенностью сказать, что русскоязычные эмигранты в Израиле, особенно приехавшие в 1990-е годы, в основном стремятся воплотить бикультурную модель⁷. Но эта установка требует как постоянных усилий от всей семьи (в особенности при общении родителей с детьми, зачастую лучше освоивших иврит), так и поддержки на институциональном уровне.

Как и для всех иммигрантов во все времена, так и для иммигрантов в Израиле характерно переключение языковых кодов. Представлена и конвергенция языков, русского и иврита, но чаще это относится к русскому языку. В русском появляются заимствования для обозначения чисто израильских явлений действительности, культурные заимствования. Например, «она живет с *шутафой*» [т. е. «с соседкой, с которой снимает вместе квартиру»]; «у нас был *мат-конет*» [«пробный экзамен перед экзаменом на аттестат зрелости»]; «началась *швита*» [забастовка]; «вызвали миштару» [полицию]; «купили для малыша *титулимь*» [подгузники]; «он служит в милуиме» [в армейском резерве]... Все эти слова необходимы для адекватной передачи той социально-культурной среды, в которой живут русскоязычные израильтяне. В их речи неестественно прозвучало бы: «У тебя машина с кондиционером?» Обычно, вопрос будет звучать несколько иначе: «У тебя машина с *мазганом*?» «Что со *швитой*?» звучит естественнее, чем «Что с забастовкой?» Студент скажет: «У тебя есть *сикум*?», а не конспект; *хомер*, а не материал (к занятиям). Ивритские слова в русской речи подчеркивают связь соответствующих явлений с израильской жизнью. Например, вместо *швита* можно сказать и забастовка, но речь идет именно о явлении в политической жизни Израиля, *миштар* – это полиция, но именно местная, со своими особенностями и т.п.

Подводя итоги, можно сказать, что языковая адаптация русскоязычных иммигрантов в Израиле протекает в условиях ориентации израильского государства на монолингвизм, но на фоне усиливающихся поликультурных тенденций в обществе, и возросшего влияния русско-ашкеназского культурно-политического элемента. Языковая адаптация в ивритоязычную среду проходит при достаточной “критической массе” русскоязычного населения, что поз-

воляет репатриантам сохранять культурные и языковые традиции страны исхода.

Анализируя особенности языковой адаптации иммигрантов в Израиле, можно сделать вывод, что хорошо продуманная политика государства в области языка помогает иммигрантам быстрее и безболезненнее адаптироваться в новое общество. В то же время ориентация на культурный плюрализм и полилингвизм при существовании государственной протекции национального языка вовсе не угрожает культурной и политической целостности государства, а помогает достичь некоей общественной гармонии через сохранение культурно-этнических привязанностей отдельных личностей и групп, а также за счет взаимного обогащения культур.

¹ См.: Элизер Фельдман, «*Русский Израиль*»: между двух полюсов» (Москва: «Market DS», 2003), стр. 125–164.

² См.: Марк Куповецкий, «К оценке численности евреев и демографического потенциала еврейской общины в СССР и постсоветских государствах в 1989–2003 гг.» // *«Евразийский еврейский ежегодник – 5765» (2004/2005)* (Киев, 2005), стр. 78–91.

³ Марина Солодкина, «Факторы нематериального характера, затрудняющие интеграцию алии 90-х в израильское общество» [1994] // *«Цивилизационный дискомфорт. Советские евреи в Израиле в 90-е годы»* (Тель-Авив: издательство «Иврус», 1996), стр. 106.

⁴ Larissa Remennik, «Language acquisition as the main vehicle of social integration: Russian immigrants of the 1990s in Israel» // *«International Journal of Sociology of Language»*, vol. 164 (2003), pp. 99–101.

⁵ См.: Лариса Найдич, «Новая алия сохраняет русский» // *«Отечественные записки»*, №2 (2005), стр. 164–172.

⁶ См.: Хайнрих Пфандль, «О языке русской эмиграции» // *«Русская речь»*, №3 (1994), стр. 70–74.

⁷ См.: Нарспи Знальберг, «Русско-еврейская интеллигенция в Израиле: поиски новых моделей интеграции» // *«Миграционные процессы и их влияние на израильское общество»*, под ред. А.Д. Эпштейна и А.В. Федорченко (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока – Еврейский университет в Иерусалиме – Открытый университет Израйля, 2000), стр. 198–227.

Научное издание

*ИЗРАИЛЬ, РОССИЯ И МИР:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

Сборник научных трудов
под редакцией А.Д. Эпштейна и В.А. Кузьмина

*Ответственный за выпуск А. С. Заостровных
Оператор компьютерной верстки Н. Ю. Чернышева*

Подписано в печать... Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Garamond.
Условных печатных листов... Тираж 500 экз. Заказ №...

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ».
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

В сборник вошло восемнадцать статей, часть из которых были представлены на конференции в Уральском государственном университете им. А.М. Горького 19 мая 2008 г., а остальные написаны авторами специально для настоящего издания. Книга покрывает широкий диапазон тем – от истории зарождения сионистской мысли до современного состояния израильского общества и его политической системы. Особый акцент сделан на анализе российско-израильских отношений в прошлом и настоящем, а также на динамиках развития русскоязычной общины еврейского демократического государства.

Редакторы книги – известные ученые, авторы многих работ по истории и политике Ближнего Востока, получивших высокую оценку специалистов: проф. В.А. Кузьмин возглавляет кафедру востоковедения Уральского государственного университета, а д-р А.Д. Эпштейн преподает на кафедре социологии и политологии Открытого университета Израиля и в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.